

1. А. Любичъ-Кошуроффъ.

254.

ВЪ ПОРТЪ-АРТУРЪ.

(9 рассказовъ изъ боевой жизни).

Во время штурма. — Подъ громъ орудій. — Царство мертвыхъ. — Въ окопахъ. — Сказки о жизни. — Чемоданъ съ деньгами. — Въ блиндажѣ. — Въ землянкѣ. — Лазутчикъ.

Издание Д. П. Ефимова. Москва, Моховая,
домъ гр. Бенкендорфъ.

1905.

Издание Д. П. Ефимова.

Москва, Моховая, д. гр. Бенкендорфъ.

- штенбергъ, П. „Эскизы“. 50 к.
зимирова. Правда о мужчинахъ. 25 к.
касовъ. Песни русскихъ писателей о волѣ. Изд. 2-е, дополненное. 75 к.
Образцы изящной русской рѣчи. Сборникъ. 1 р.
эрбахъ. Дача на Рейнѣ. Изд. 2-е. 2 р.
Три единствен. дочери. Изд. 2-е. 50 к.
льзе, лейтен. Изъ жизни одного маленькаго гарнизона. 1 р.
аунъ, Лили. Женский вопросъ. 2 р.
риштейнъ. Проблемы соціализма. 1 р.
йерлейнъ, Фр. А. Іена или Седанъ? Романъ. 2 р.
рже, П. Изъ-за любви. 50 к.
Трагическая идиллія. 1 р. 50 к.
Дѣловой человѣкъ. 75 к.
Призракъ. 1 р.
Этапъ. 1903 г. 1 р. 50 к.
ерсонъ. Свыше нашей силы. 50 к.
рхардъ. Въ началѣ столѣтія. 30 к.
кторовъ П. Ученіе о личности. Изд. 2-е. 1 р. 50 к.
Новый взглядъ на природу любви и брака. 30 к.
ндельбандъ, В. О свободѣ воли. 80 к.
обицкая. Освободилась. 1 р.
Преступленіе Маріи Ивановны. 1 р.
гюз. Голоса мертвыхъ. 1 р.
Антонъ Чеховъ. 20 к.
Максимъ Горькій. Изд. 2-е. 30 к.
ртманъ Эд. Современ. психологія, подъ ред. М. М. Филиппова. 2 р. 25 к.
уптманъ Г. Роза Берндъ. 40 к.
рцъ. Аграрные вопросы въ связи съ соціализмомъ. 1 р.
ффдингъ, Г. Философскія проблемы. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. 50 к.
нисюнь. Краткій повторительный курсъ теоріи и исторіи политической экономіи примѣнительно къ курсу университета. 75 к.
неромъ К. Джеромъ. Павелъ Кельверъ. 1 р. 50 к.
ники Горона. Отъ нашествія до „анархіи“. Среди преступленій. 1 р.
Мошенники высшей школы и воровскія шайки. Полиція будущаго. 80 к.
ля. Нана. Ром. 1 р.
Плодородіе. Ром. 1 р. 50 к.
Трудъ. Ром. 1 р. 50 к.
- Ирвингъ, В. Жизнь Магомета. 1 р.
Крестовская, М. Артистка. 2 р.
— Исповѣдь Мытищева. Вопль. 1 р.
— Сынъ и др. разсказы. Изд. 2-е. 1 р.
— Ревность и др. разсказы. Изд. 2-е. 1 р.
— Вѣжливости и др. разсказы. Изд. 3-е. 1 р.
Кюльпе. Современная философія Германии. 80 к.
Корнеліусъ, Г. Введеніе въ философію. Пер. подъ ред. и съ предисл. проф. Н. Н. Ланге. 2 р.
Лухманова. Институтка. Изд. 2-е. 1 р. 25 к.
— Тайны жизни. 1 р. 25 к.
— Избранные разсказы. 1 р.
— 20 лѣтъ назадъ. 1 р. 25 к.
— Вопросы и запросы жизни. 1 р.
— Недочеты жизни современной женщины. 50 к.
Любичъ-Кошуровъ. Братъ человѣчества. 75 к.
— Боевая жизнь. 30 к.
Мясницкій И. Производители. 1 р. 25 к.
— Гостиные дворцы. Пов. 2 р.
— Милые люди. Изд. 3-е. 1 р.
— Мануфактуръ-совѣтникъ. 2 р.
— Наши ближніе. 1 р.
— Свадьба и др. разск. 1 р.
— Бѣсъ-дѣвка. 1 р.
— Омосквичился! 25 к.
— Безъ языка. Изд. 2-е. 1 р.
— Смѣшная публика. Изд. 3-е. 1 р. 25 к.
— Ихъ степени. Изд. 3-е. 1 р. 50 к.
— Житейскія комедіи. Юмор. сб. 1 р.
— Отъ скуки. Юмор. сборникъ. 1 р.
— Струйки смѣха. Изд. 2-е. 1 р.
— Приключения Жоржа Бантикова и Сержа Кантикова. 1 р.
— Мужья и жены. Изд. 2-е. 1 р.
— Веселые разсказы. 1 р.
— Господа коммерсанты. 1 р.
— Блестки юмора. 1 р.
— Юмористическая юалости. 1 р.
— 24 юморист. разсказа. 1 р.
— Старообрядка. Романъ. 2 р.
— И смѣхъ и грѣхъ. Юмор. сб. 1 р.
— Безъ претензій. Юмор. сб. 1 р.
Метерлинкъ, М. Собр. сочин. Піесы. 1 р. 50 к.
Маминъ-Сибирякъ. Именинникъ. 1 р.
— Уральскіе разсказы т. 4-й. 1 р.

І. А. Любичъ-Ношуроў.

А 272
254

ВЪ ПОРТЪ-АРТУРЪ.

§ 1 2/VI-841

(9 рассказовъ изъ боевой жизни).

Во время штурма. — Подъ громъ орудій. — Царство мертвыхъ. — Въ окопахъ. — Сказки о жизни — Чемоданъ съ деньгами. — Въ блиндажъ. — Въ землянкѣ. — Лазутчикъ.

Издание Д. П. Ефимова. Москва, Моховая,
домъ гр. Бенкендорфъ.

1905.

2007088962

Товарищество типо-литографії Владіміръ Чичерінъ въ Москвѣ.
Марьина роща, соб. домъ.

Во время штурма.

I.

У него была слабая грудь и слабая легкія. Когда восьмой полкъ, дня три тому назадъ, шелъ въ атаку на одинъ изъ съверныхъ фортовъ Артура, и по всей линіи наступленія неслись клики „бандзай“, — это „бандзай“, казалось ему, отрывается у него отъ сердца съ кровью и болью.

„Бандзай“ словно царапало ему грудь, словно въ горло вонзились кончики острыхъ иголокъ.

И когда онъ потомъ закашлялся и сплюнулъ слону, слюна была розовая отъ крови.

Но онъ все-таки крикнулъ опять вслѣдъ за другими:

— Бандзай!

Точно зазубренная бритва царапнула ему грудь изнутри. Онъ остановился на секунду, чтобы вздохнуть полной грудью, и почувствовалъ, что не можетъ сдѣлать этого: воздухъ, который глотнулъ онъ, сейчасъ-же хлынулъ назадъ, потому, что грудь не поднималась сво-

бодно и не давала воздуху свободного доступа къ легкимъ.

И снова онъ почувствовалъ колотье въ горлъ, будто воздухъ былъ полонъ мелкихъ-мелкихъ острыхъ стеклянныхъ осколковъ и опарапалъ горло, какъ передъ тѣмъ оцарапалъ ему грудь этотъ его крикъ, это кровавое „банзай“.

Онъ бѣжалъ на флангъ своей роты.

Теперь рота была уже значительно впереди.

Онъ глянулъ черезъ головы бѣгущихъ солдатъ, желая узнать, цѣль ли его товарищъ и вмѣстѣ начальникъ, офицеръ командовавшій ротой, и ему прямо въ глаза метнулось полковое знамя съ желто-краснымъ дискомъ и широкими расходящимися въ стороны лучами.

„Банзай!—звенѣло надъ рядами.

Красный дискъ, казалось, горѣлъ кровью и въ немъ тоже горѣло это „банзай“...

Знамя словно звало впередъ, и само летѣло впередъ, широко распростерши, какъ крылья, свои огненные лучи.

Крѣпко стиснувъ саблю, онъ крикнулъ снова, остановивъ на знамени лихорадочно горящій взглядъ.

— Банзай!

Этотъ крикъ вырвало у него знамя. Оно требовало этой жертвы; въ ту минуту оно всецѣло владѣло имъ. Почти экстазъ охватилъ его; щеки порозовѣли, глаза заблестѣли

восторженно. Даже слезы выступили на глазахъ.

И когда изъ горла у него хлынула кровь, ему казалось, что такъ и надо, такъ и должно быть... Торжествующая радость охватила душу.

У него требуютъ этой крови... Она не его, она чужая, не ему принадлежить.

— Банзай! банзай!

Будто ураганъ подхватилъ его и бросилъ впередъ.

Онъ догналъ свою роту.

Онъ бѣжалъ, открывъ ротъ, дыша быстро и коротко; въ груди не хватало воздуху, глаза застилала какая-то муть.

Но онъ все равно бѣжалъ.

Занявъ свое мѣсто на флангѣ, онъ повернуль лицо къ солдатамъ и крикнулъ задыхающимся голосомъ, указывая саблей на фортъ:

— Туда!

И вдругъ почувствовалъ, что не можетъ бѣжать дальше.

Въ ушахъ запумѣло и зазвенѣло. Смутно слышалъ онъ крики солдатъ и топотъ ихъ ногъ.

Онъ остановился.

Кто-то толкнулъ его, кто-то потомъ, черезъ минуту, что-то крикнулъ надъ самымъ ухомъ.

И этотъ крикъ и этотъ толчокъ онъ ощущалъ тоже неясно и смутно. На мгновеніе онъ даже забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Все, что онъ пережилъ за минуту передъ тѣмъ,

стало словно чужимъ, чѣмъ-то лишнимъ и ненужнымъ.

Онъ чувствовалъ только, какъ колѣни его подгибаются сами собой; въ мусклахъ подъ колѣнками была дрожь; дрожь разливалась дальше книзу по ногамъ. Дышать стало совсѣмъ тяжело. Грудь быстро опускалась и поднималась. Бока втягивались глубоко, какъ у запаленной лошади, одновременно съ тѣмъ, какъ втягивалась, словно ее присасывало изнутри его грудь.

Стоялъ онъ, согнувшись, опустивъ голову; руки безсильно повисли вдоль тѣла.

Нальцы похолодѣли и ослабли. Онъ только что крѣпко сжималъ ими саблю, но теперь онъ даже не сознавалъ хорошенько, что у него въ рукѣ. Рукоять сабли холодила ладонь, и только одно это давало слабый толчокъ сознанію, что у него что-то въ рукѣ.

Онъ все еще держалъ правую руку чуть-чуть согнутую въ локтѣ, но рука выпрямлялась опускаясь книзу, и когда конецъ сабли коснулся земли, и онъ почувствовалъ опору, онъ закусилъ нижнюю губу и опять крѣпко, насколько могъ сжалъ рукоять сабли.

Онъ оперся на саблю, какъ оперся бы на костыль, если бы у него былъ костыль, и выпрямился медленно, слегка вмѣстѣ съ тѣмъ перегибаясь на бокъ въ правую сторону.

Сейчасъ же онъ все вспомнилъ.

Вѣдь это было только минутное, почти

мгновенное забытье, вызванное страшнымъ напряженiemъ силъ, страшной усталостью.

Полкъ ужъ далеко впереди него.

Вонъ оно, знамя.

Также широко распостерты лучи кроваваго диска.. Знамя все также зоветъ впередъ синie ряды, волнующиеся вокругъ него.. Крики „банзай“, разгораются какъ костеръ, точно отъ диска въ ряды сыплются огненные искры.

Но въ немъ ужъ нѣть большие огня... Знамя зажгло въ немъ огонь, но то, что давало пищу огню, теперь сгорѣло и потухло.

Въ душѣ пустота.

На первый планъ выступило совсѣмъ другое: усталость и слабость.

Онъ поднялъ руку и провелъ по губамъ ладонью, потомъ посмотрѣлъ на ладонь.

Онъ ожидалъ увидѣть на пальцахъ слѣды крови. Но крови не было... Онъ чувствовалъ, однако, какъ губы у него слипаются, и когда облизнулъ губы языкомъ, ощутилъ солоноватый вкусъ.

Значить, кровь запеклась, потому и губы лишнутъ, и потому этотъ солоноватый вкусъ.

У него мелькнула мысль:

„Надо итти назадъ“.

И сейчасъ же его словно толкнуло въ грудь:

„Почему назадъ?“

Глаза широко открылись и стали неподвижны. Онъ смотрѣлъ опять туда впередъ, въ сторону фортовъ, гдѣ трепетало знамя, и

вокругъ него бѣжали люди въ синихъ мундирахъ.

Крики „банзай“ не умолкали...

Только теперь эти крики словно неслись мимо него.

— Ай-ай-ай! — звенѣло въ ушахъ.

На мгновеніе все въ немъ замерло, застыло, всякая мысль, будто все притаилось и спряталось, чтобы не мѣшать ему, что-то рѣшить, кого-то осудить, произвести какой-то приговоръ.

Какой приговоръ?

— Банзай-ай! ай-ай! — звенѣть въ ушахъ.

Онъ вздрогнулъ.

Онъ чувствовалъ удивительную тишину въ душѣ и въ мысляхъ и чего-то ждалъ, къ чему-то прислушивался.. Что-то загоралось внутри его, глубоко, глубоко въ душѣ.

Точно онъ и правда, вмѣщалъ въ себѣ сейчасъ судъ, эту тишину объемлющую залу суда, передъ тѣмъ, какъ войдетъ судья.

Судья вошелъ.

— Затѣмъ назадъ? Какъ назадъ?

— Но вѣдь я же не могу...

— Почему не можешь?

— Я задохнусь..

Опять шумъ пошелъ въ ушахъ..

— Все равно, нужно ити...

— А если опять принадокъ? если упаду?..
Если—смерть?

Онъ посмотрѣлъ впередъ вслѣдъ атакующимъ, и въ глазахъ его загорѣлся испугъ.

Даже понятился онъ немнога назадъ, даже руки простеръ передъ собою и растопыриль пальцы, будто его кто хотѣль ударить.

— Нѣтъ, нѣтъ...

Онъ потрясь головой... Онъ все пятился задомъ, переставляя ноги одну за другой.

Онъ видѣль, какъ рвется шрапнель, какъ надаютъ люди.

И вдругъ онъ заскрипѣль зубами.

Развѣ онъ трусь? Никто не смѣеть сказать этого. Впередъ! Но впередъ онъ не могъ итти.. Испугъ внился, какъ коршунъ, въ его сердце.. Казалось ему, что-то постороннее вдругъ поселилось въ немъ и онъ ужъ не властенъ надъ собою.

Все упало сразу: силы, мужество .. Все, что горѣло въ душѣ ярко и побѣдно, давно потухло.

И больше нечemu было горѣть.

И онъ все отступалъ, пятясь назадъ, чувствуя ужасъ передъ далекимъ голосомъ боя и передъ тѣмъ, что творилось въ немъ самомъ.

II.

Восьмой полкъ потерпѣль пораженіе.

А та рота, гдѣ служилъ онъ, была вся почти уничтожена дѣйствiемъ фугасовъ. Ея недобитки, всего пятнадцать человѣкъ, вернулись въ окопы раньше другихъ. Они отстутили сейчасъ же послѣ взрыва фугаса.

Онъ смотрѣлъ на эти блѣдныя, истомленныя лица съ блуждающими глазами, съ побѣлѣвшими губами, слушалъ эти хриплые отрывистые голоса, и ему хотѣлось уйти куданибудь, оставаться одному, ничего не видѣть и не слышать...

Командиръ роты, его товарищъ, капитанъ Оshima, уцѣлѣлъ.

Когда глаза ихъ встрѣтились, Оshima отнялъ отъ подбородка клочокъ ваты, которой онъ старался осушить кровь изъ небольшой разсѣченной раны сбоку подбородка, и спросилъ:

— Ранены?

И сейчасъ же опять приложилъ вату къ подбородку... Онъ дѣйствовалъ своей ватой какъ пуховкой, склонивъ голову немного на бокъ, прикасаясь ватой то носерединѣ, то съ одного, то съ другого края раны.

Онъ обратился къ нему съ этимъ вопросомъ, раненъ ли онъ, не сомнѣваясь, очевидно, что получить утвердительный отвѣтъ; обѣ этомъ можно было заключить по топу его голоса и потому, какъ посѣщено вслѣдъ за первымъ вопросомъ онъ предложилъ другой:

— Куда?...

И быстро, кося глазами, потому что все еще голову держалъ склоненной на бокъ, онъ повелъ въ его сторону желтыми, какъ старый тусклый янтарь, бѣлками.

Въ глазахъ его застыло выраженіе любопытства.

На минуту капитанъ Оshima задержалъ вату

на одномъ мѣстѣ, прижимая ее тремя пальцами, собранными въ щепоть.

— Я не ранень.

Капитанъ Оshima какъ-то сразу дернуль головой снизу вверхъ; его сѣдые брови поднялись, глаза округлились, толстые губы выпятились; нижняя губа наперла на верхнюю и щетинистые жесткіе усы, топорщась во все стороны, расположились близко къ самому кончику носа, совсѣмъ закрывъ ноздри.

Капитанъ Оshima, не тотъ, что сейчасъ стоялъ съ ватой въ руки, другой, внутренний капитанъ, его умъ, душа—этотъ внутренний капитанъ, казалось, хотѣлъ вылѣзть изъ своей желтой морщинистой кожи.

— Нѣть?

— Нѣть.

Потомъ капитанъ Оshima, все держа вату у раны, шагнулъ впередъ и проговорилъ тихо, незамѣтно покосившись въ сторону, гдѣ стояли кучкой его солдаты:

— Вы офицеръ, Оиси... это деморализація; вы не имѣете права говорить объ этомъ громко.

И тутъ онъ замѣтилъ кровь на губахъ Оиси.

За этой кровью онъ не видѣлъ, какъ дрогнули губы Оиси, трепетно и нервно, и какъ дрогнули маленький мускулъ на щекѣ возлѣ носа. Кровь привлекла все его вниманіе. Ему почудилось только, будто Оиси хочетъ говорить; но кровь, чернѣвшая на его губахъ и сначала совсѣмъ не производившая впечатлѣ-

нія крови, дала внезапно иное направлениe его мыслямъ.

— У васъ губы въ крови,—сказалъ онъ.

Онъ взглянуль на грудь Оиси и затѣмъ опять ему въ глаза, затѣмъ снова на грудь.

— Погодите,—произнесъ онъ, согнулся немнога, взялъ двумя пальцами Оиси за мундиръ на груди и, еще ниже нагнувшись, оттянуль мундиръ. Его брови наползли на глаза. Глаза что-то внимательно разматривали на мундирѣ Оиси. Опять оттопырились его жесткие усы.

— И здѣсь кровь.

И онъ выпустилъ изъ пальцевъ мундиръ Оиси и поднялъ голову.

Оиси криво усмѣхнулся.

— Это— „банзай“,—сказалъ онъ.

Каштанъ смотрѣлъ на него молча.

— Это— „банзай“,—повторилъ Оиси.

Видно было, что Ошима дѣлаетъ усиліе понять, что говорить Оиси, и не можетъ понять. Потомъ взглядъ у него сталъ сразу тупой и безучастныи. Словно онъ мысленно махнуль рукой. Нельзя понять—такъ и не надо. Не зачѣмъ понапрасну напрягать мозгъ.

Онъ крякнуль и сказалъ:

— Говорите опредѣленнѣй... Что съ вами случилось?

Въ свою очередь, Оиси спросилъ:

— Вы помните, какъ я отсталъ?

— Помню,—отвѣтилъ Ошима,— я думалъ, что вы ранены.

— Потомъ я васъ догналъ.

Опима кивнуль головой.

— Помню.

— Когда я закричалъ,—закончилъ Оиси,—
у меня хлынула кровь. Я былъ почти въ
обморокѣ.

— И не могли итти?

— Нѣть.

На щекахъ у Оиси выступили красныя
 пятна.

— У васъ чахотка?

— Не знаю.

Капитанъ, наконецъ, бросиль свою вату,
вынулъ портсигаръ и закурилъ.

— Чахотка,—повторилъ онъ, затянувшись
и пуская дымъ черезъ ноздри.

Оиси замѣтилъ, что онъ ищетъ кого-то въ
толпѣ возвратившихся съ боя однополчанъ.
Больше онъ не интересовался Оиси.

Оиси тоже оглянулся кругомъ и опять уви-
дѣль, какъ тогда, во время атаки, свое пол-
ковое знамя.

Ему показалось, что оно запачкано въ
крови...

Теперь оно производило на него такое
впечатлѣніе... Былъ уже вечеръ. Темнѣло.
Темный дискъ съ расходящимися въ стороны
лучами, скрытый наполовину въ складкахъ по-
лотнища знамени, казался огромнымъ пятномъ
крови...

Оиси не первый разъ сегодня въ бою... Ему

чудилось даже что онъ слышить запахъ крови, тяжелый и приторный.

И опять что-то царапнуло ему грудь.

Онъ невольно отвернулся.

Онъ не могъ теперь безъ содроганія смотрѣть на знамя.

Ему приходилось иногда дѣлать надъ собой такой опытъ: вообразить, что подъ ногу ему, какъ разъ въ мѣстѣ соединенія пальцевъ со ступней, подъ пальцы въ самомъ сгибѣ снизу попала острыя склянка. Онъ ощущалъ почти склянку, почти испытывалъ боль... Скверное, дергающее нервы чувство.

Сейчасъ онъ ощутилъ почти тоже, увидѣвъ знамя: будто винилось ему въ грудь что-то острое и рѣжетъ ее.

Онъ простился съ Ошима.

Тотъ спросилъ, прощаясь:

— Къ доктору?..

— Нѣть, — отвѣтилъ онъ и, не пояснивъ ничего больше, пошелъ прочь.

III.

Ошима сидѣлъ у себя и писалъ что-то, разложивъ бумагу на деревянномъ, поставленномъ стоймѣ ящикѣ, служившемъ ему столомъ, когда къ нему вошелъ Оиси.

Ошима положилъ карандашъ, поднялъ голову и посмотрѣлъ на Оиси.

Оиси молча подошелъ и сѣлъ противъ

Оshima, на другой ящикъ, вдвое меньшѣ того, за которымъ Оshima писалъ, замѣнявшемъ стулъ.

— Капитанъ!—сказалъ онъ.

Голосъ у него былъ спокойный и тихій. Тоже спокойствіе было разлито во всемъ лицѣ. Глаза смотрѣли задумчиво не на Оshima, а мимо Оshima, въ глубину комнаты.

Передъ Оshima горѣла лампа.

Лампа мѣшала ему видѣть Oиси. Онъ отставилъ лампу въ сторону и, перегнувшись бокомъ въ противуположную сторону, загородился отъ лампы ладонью.

Прищуривъ глаза, онъ внимательно поглядѣлъ на Oиси:

Лицо Oshima теперь оказалось въ тѣни; сморщенное, желтое, маленькое, оно было, какъ лицо статуэтки, изъ темно-желтой глины. Даже глаза слились съ общимъ коричневатымъ тономъ, даже его крупныя выпяченныя губы приняли этотъ коричневатый оттѣнокъ.

Только въ свѣту лампы чуть-чуть между сомкнутыми пальцами, на правой ладони, которой онъ заслонился отъ лампы, розовѣла подъ кожей кровь.

— Вы были у доктора?—спросилъ онъ.

Oиси вздрогнулъ.

Передъ тѣмъ только что онъ окликнулъ Oshima. Но онъ сейчасъ же забылъ, что окликнулъ. Когда онъ шелъ домой (онъ жилъ вмѣстѣ съ Oshima, въ одной землянкѣ), онъ думалъ не объ Oshima, а совсѣмъ о другомъ...

Правда, когда онъ увидѣлъ Ошима, онъ вспомнилъ, что ему и Ошима нуженъ. И Ошима заговорилъ не сразу, и мысль объ Ошима опять ушла, сохранилась гдѣ-то глубоко, такъ же незамѣтно и почти независимо отъ его воли, какъ незамѣтно за минуту загорѣлась въ сознаніи.

Голосъ Ошима былъ какъ стукъ въ дверь, когда никого не ждешь и кругомъ тихо.

— Что вы?—произнесъ онъ поднимая голову и остановивъ глаза на Ошима.

Онъ силился возстановить въ памяти, что сказалъ ему Ошима, но въ памяти остался только звукъ голоса Ошима. Или ему это только почудилось, что Ошима говорить?

И онъ повторилъ свой вопросъ болѣе коротко, мигнувъ вѣками:

— А?...

И сейчасъ же онъ подумалъ, что могъ бы обойтись и безъ Ошима, не видѣть его и ничего съ нимъ не говорить.

Ошима еще внимательнѣе посмотрѣлъ на него.

— Что съ вами?—спросилъ онъ.

— Со мной?...

„Нѣтъ, почему же не сказать Ошима. Нельзя же постоянно носить въ себѣ эту муку“.

Все въ немъ вспыхнуло.

— Капитанъ!...

Прямо въ глаза уставился онъ Ошима, облизнулъ губы, потомъ закусилъ нижнюю губу.

Онъ смотрѣлъ на Оshima такъ, какъ будто зывалъ его на бой и взвѣшивалъ мысленно, выдержитъ ли Оshima ударъ, или нѣтъ.

— Капитанъ! а если я струсишь?...

И онъ почувствовалъ, какъ холодокъ у него побѣжалъ по тѣлу. Кровь отлила отъ головы и лобъ и лицо тоже охватилъ холодъ... Казалось, холодъ прошелъ въ самое дыханіе.

Онъ сидѣлъ неподвижно, выпрямивъ станъ, схватившись за край ящика концами пальцевъ, полуоткрывъ ротъ, съ поблѣдѣвшимъ лицомъ.

Оshima поставилъ руку локтемъ на столъ, опустилъ голову и провелъ по головѣ ладонью отъ лба къ затылку и потомъ назадъ отъ затылка ко лбу.

Изъ-подъ руки онъ взглянулъ на Оиси.

— Успокойтесь, другъ мой...

У Оиси выступили слезы.

Онъ ударилъ кулакомъ въ грудь, и его глаза словно впились въ глаза Оshima, словно свой взглядъ онъ хотѣлъ потопить въ его взглядѣ.

— Вѣдь она вся сгнила!

И, растопыривъ пальцы, онъ плотно прижалъ ихъ къ груди. Мундиръ на его груди собрался въ морщины. Оshima, будто онъ видѣлъ его въ первый разъ, не безъ удивленія подумалъ:

„Какая у него узкая грудь“.

— Капитанъ!... Вы знаете... Вы видѣли когда-нибудь грязную, гнойную окровавленную портъ-артуръ.

ную тряпку, которую выбросили изъ госпиталя...

Онъ умолкъ и опять облизнулъ губы.

— Вотъ я плачу... Развѣ я долженъ плакать...

Капитанъ закрякалъ и завозился на своемъ ящикѣ.

— Успокойтесь, успокойтесь!...

Онъ старался не глядѣть на Оиси, шевелилъ бровями и усами.

— Развѣ я солдатъ,—продолжалъ Оиси,— и вы знаете, я не могу теперь видѣть нашего знамени...

Онъ снова поблѣднѣлъ.

— Не могу... Конечно, это—нервы... но у насть не должно быть нервовъ... Капитанъ! вы помните, какъ я отсталъ...

Но Оshima повторилъ только:

— Успокойтесь, успокойтесь...

И сталъ перебирать вещи, разложенные на столѣ-ящикѣ. Попрежнему онъ не глядѣлъ на Оиси.

Его подмывало было спросить, не выпилъ ли Оиси. Но Оиси былъ трезвъ. Значить—это нервы.

— А вотъ это правда,—началъ было онъ, думая сказать: „а вотъ это правда, что солдату не нужны нервы“, но во-время опомнился и опять сказалъ:

— Успокойтесь, успокойтесь...

У Оиси мысли неслись ураганомъ. Одна

мысль перегоняла другую, а эта другая улетала, не оставивъ слѣда.

Сдавленнымъ голосомъ онъ продолжалъ выкрикивать:

— Этотъ штурмъ отнялъ у меня послѣднія силы... Я не могъ бѣжать за вами. Вы понимаете? А? Капитанъ!

Капитанъ порывисто всталъ, подошелъ къ окну, гдѣ лежала его фляга, откупорилъ флягу и подалъ ее Оиси.

— Выпейте.

Во флягѣ былъ ромъ, разбавленный водой съ лимоннымъ сокомъ.

Оиси глотнулъ изъ фляги и возвратилъ ее Ошима.

— Хотите курить?—предложилъ Ошима.

— Нѣтъ,—сказалъ Оиси, но сейчасъ же протянулъ руку къ портсигару.

— А впрочемъ, позвольте.

Взялъ изъ портсигара папиросу и закурилъ.

Ошима закурилъ тоже.

Вдругъ Оиси отбросилъ свою папиросу далеко въ уголъ.

— Капитанъ!...

— Что? Нехорошо?—спросилъ Ошима.

— Капитанъ, вы знаете, что я рѣшилъ сдѣлать?

Онъ отдохнулъ.

— Будемъ,—продолжалъ онъ, — говорить спокойно.

И, точно вспомнивъ про что-то, произнесъ быстро:

— Дайте-ка еще.

И протянулъ къ Опима руку. Опима видѣлъ, что онъ ищетъ глазами что-то на столѣ.

— Чего вамъ?—спросилъ онъ. — Папиросу?

— Нѣтъ, флягу...

Онъ опять глотнулъ изъ фляги и заговорилъ, положивъ руку ладонью на край ящика и постукивая ладонью отъ времени до времени по ящику:

— Но какъ бы то тамъ ни было я долженъ служить своей родинѣ. Не можетъ быть, чтобы я ни на что не годился... Если мнѣ придется опять быть съ парламентеромъ въ крѣпости, я...

Онъ умолкъ, приподнявъ ладонь надъ краемъ ящика. Потомъ громко стукнуль по ящику.

— Я убью Стесселя!

И всталъ.

— Я беру это на себя, и за это никто не можетъ быть отвѣтственъ.

Опима молчалъ.

Онъ опустилъ голову, опустилъ глаза и тихонько барабанилъ по ящику пальцами.

Потомъ онъ сказалъ:

— Вы—сумасшедшій.

И сейчасъ же закаплялся громко и громко забарабанилъ по ящику пальцами.

Украдкой взглянулъ онъ на Оиси.

Не сумашедшій ли онъ правда?...

— Я это рѣшилъ,—сказалъ Оиси.

Онъ еще съ полминуты простоялъ противъ

Ошима, опираясь концами пальцевъ о край ящика, глядя Ошима прямо въ глаза...

Ошима ожидалъ, что Оиси скажетъ еще что-нибудь; но Оиси, вдругъ совершенно неожиданно для Ошима, взялъ свою фуражку, надѣлъ ее и, повернувшись, также молча ушелъ изъ комнаты.

Должно-быть, та мысль, съ которой онъ пришелъ къ Ошима, опять овладѣла имъ всецѣло и заставила забыть про Ошима и про то, что ему слѣдовало бы хоть пожелать доб-рой ночи своему начальнику.

IV.

На утро Оиси нашли мертвымъ.

Онъ застрѣлился. Чтобы умереть, онъ почему-то не обратился къ хакири. Стрѣлялъ онъ въ грудь подъ сердце.

Онъ оставилъ письмо Ошима.

„Мой планъ не для меня. Я умираю, потому что считаю свое существованіе безцѣльнымъ. Я—одежда, обратившаяся въ тряпки, которую нужно бросить. Прощайте. Я много думалъ прежде, чѣмъ рѣшился на это. Прошу меня сжечь вмѣстѣ съ другими трупами“.

Внизу письма Ошима бросилось въ глаза большое бурое пятно...

Должно-быть, у Оиси когда онъ оканчивалъ письмо, опять пошла кровь горломъ. Сверхъ пятна было написано: „и письмо это прошу сжечь“.

— Конечно, онъ сумашедшій, — сказалъ Ошима.

Когда тѣло Оиси бросили въ общую кучу труповъ, предназначенныхъ для сожженія, Ошима бросилъ туда и письмо Оиси.

Изъ всего того, что Оиси наговорилъ ему при послѣднемъ свиданіи послѣ штурма, въ память ему особенно врѣзилась одна фраза Оиси:

„Я не могу видѣть знамени“.

Почему Оиси не могъ видѣть знамени? И какъ это понять, что онъ не выносилъ вида знамени?

Ошима и послѣ того участвовалъ во многихъ бояхъ, и не разъ съ особеннымъ вниманіемъ вглядывался въ знамя... Но знамя всегда электризовало его, зажигая въ немъ огонь энтузіазма, заставляя каждый разъ забывать и про Оиси и про все...

Подъ громъ орудій.

I.

Свою комнату Цвѣтковъ называлъ кельей.

Она, правда, была похожа на келью—маленькая, съ бѣленымъ потолкомъ и стѣнами, въ одно окно, продѣланное въ толщѣ крѣпостной стѣны.

Въ окно ничего не было видно, что дѣлалось на небольшомъ, вымощенномъ желтымъ плитнякомъ, дворикѣ: стѣна была настолько толста, что оставленное въ ней отверстіе для доступа свѣта сначала, когда строили стѣну, походило на глубокую узкую дыру, пробитую для чего-то гигантскимъ четырехугольнымъ ломомъ, а потомъ, когда эту дыру залили цементомъ, запаклевали, выгладили и выбѣлили—стало ни дать ни взять, какъ маленький, узенький коридорчикъ, чистенький, аккуратный и опрятный.

Владѣльцемъ этого коридора сталъ въ скоромъ времени толстый, большой, съ бѣлымъ брюшкомъ паукъ. Онъ разгуливалъ по коридору въ своеемъ бѣломъ жилетѣ, на своихъ длинныхъ, растопыренныхъ ногахъ, остана-

вливаясь то тамъ, то тутъ, вглядываясь очень внимательно, сосредоточенно и серіозно въ каждую неровность, въ каждую трещинку.

Казалось, онъ говорилъ:

— Г-мъ... да, да... Это очень недурно, только не скрывается ли какого пугала за этой щелью?...

Иногда онъ даже становился на заднія лапки и, прижавшись брюшкомъ къ стѣнѣ, вытягивалъ переднія лапки вверхъ, ощупывая ими стѣну, и поднималъ голову.

— Г-мъ... а тамъ опять трещинка...

Онъ былъ совсѣмъ какъ директоръ въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, осматривавшій классы и коридоръ, только-что отремонтированные послѣ лѣтнихъ каникулъ.

Съ ѣтимъ беспокойнымъ господиномъ въ бѣломъ жилетѣ Цвѣтковъ познакомился только послѣ того, какъ проводилъ въ Россію свое семейство, жену и дѣтей.

До тѣхъ поръ онъ его не замѣчалъ.

Пузатый директоръ въ бѣломъ жилетѣ бѣгалъ по своему коридору, внимательно наблюдая, чтобы все было чисто и никто не нарушилъ порядка,—и ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не подозрѣвалъ о его существованіи.

Цвѣткову онъ именно напомнилъ сразу директора той гимназіи, гдѣ онъ учился.

Директора звали Павломъ Ивановичемъ.

Онъ и паука тоже назвалъ Павломъ Ивановичемъ.

Когда по утрамъ Цвѣтковъ, умывшись и

подойдя къ окну послѣ умыванья, начинай утиратъся полотенцемъ, Павель Ивановичъ находился уже на мѣстѣ и при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей.

Вытеревъ полотенцемъ лицо, мокрую бороду и мокрый, гладко остриженный, съ то-порщившимися оттого, что онъ ихъ выти-ралъ, короткими волосами затылокъ, Цвѣтковъ щелкалъ шпорами и кланялся Павлу Ивановичу.

— Съ добрымъ утромъ, Павель Ивановичъ!

Но Павель Ивановичъ совсѣмъ не обращалъ на него вниманія.

Не оборачиваясь и не глядя на Цвѣткова, онъ будто бормоталъ сердито:

— Погодите, погодите...

О, какъ напоминалъ онъ въ эти минуты Цвѣткову того, старого, настоящаго Павла Ивановича!

Будто и впрямь вышелъ онъ изъ „умывальной“ въ коридоръ и тамъ встрѣтился съ Павломъ Ивановичемъ.

— Съ добрымъ утромъ, Павель Ивановичъ!

Приготовишку Павель Ивановичъ за такое привѣтствіе, навѣрно бы, выдралъ за уши. Къ приготовишкамъ онъ былъ строгъ.

Небольшія вольности онъ допускалъ только со старшими.

Когда утромъ онъ появлялся въ пансионѣ, въ спальняхъ или коридорѣ, или умывальной, и старшіе желали ему доброго утра, онъ именно бормоталъ, торопливо проходя мимо:

— Погодите, погодите...

А приготовишекъ трепалъ за уши.

Приготовишкой штабсъ-капитанъ Цвѣтковъ никакъ не могъ себя представить.

Изъ гимназіи онъ вышелъ изъ шестого класса и такъ потомъ всегда, когда ему приходилось вспоминать школьные годы, уноситься мыслью въ глубь прошлаго, въ этомъ прошломъ онъ видѣлъ себя въ шестомъ или пятомъ классѣ, старшимъ, сидящимъ въ комнатѣ вмѣстѣ съ другими старшими, совсѣмъ отдѣльно отъ другихъ пансионеровъ.

Но теперь, теперешнему Павлу Ивановичу Цвѣтковъ позволялъ иногда говорить то, чего онъ никогда не рѣшился бы сказать тому, далекому, кажется, теперь уже умершему Павлу Ивановичу.

— Погодите, погодите,—бормоталъ теперешній Павелъ Ивановичъ.—Погодите, погодите.

И вдругъ онъ останавливался.

— Цвѣтковъ, вы опять!

Прежній Павелъ Ивановичъ бриль бороду, у теперешняго былъ маленький мягкий, бурый пушекъ.

— Павелъ Ивановичъ! Вы хоть бы побрились.

Павелъ Ивановичъ молчитъ. Кажется, на него нашелъ столбнякъ. Затѣмъ онъ быстро подбѣгаetъ къ самому краю подоконника. Вотъ, вотъ, онъ бросится на Цвѣткова. Но сейчасъ же онъ отступаетъ назадъ въ глубину коридора.

— А! — произносить онъ немнога въ носъ. Цвѣтковъ даже видитъ почти, какъ онъ поправилъ на носу золотое пенснѣ.

— А-а...

Это „а“ выходитъ у него опять въ носъ, и будто къ „а“ еще прибавилось „у“, влилось въ „а“ и потомъ изъ него вылилось.

— Вы уже офицеръ?

Цвѣтковъ щелкаетъ шпорами. Шпоры громко звенятъ по каменнымъ плитамъ.

Затѣмъ Цвѣтковъ дѣлаетъ подъ козырекъ Павлу Ивановичу и рапортуетъ ему свой чинъ, мѣсто служенія.

Павелъ Ивановичъ очень доволенъ,

Все-таки онъ спрашиваетъ:

— А въ университѣтъ не пошли?

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ.

— А почему?

— По разнымъ обстоятельствамъ...

— А-у... — гнуситъ Павелъ Ивановичъ.

До сихъ поръ онъ говорилъ, чисто и разборчиво, но стоитъ ему только произнести эту букву, которая неизвѣстно что обозначаетъ, какъ у него появляется французскій произнонсъ.

— А-у.

— Не пришлось, — говоритъ Цвѣтковъ.

Павелъ Ивановичъ вскидываетъ глаза кверху

— Начальство довольно?

— Начальство довольно.

— А вы начальствомъ?

- И я начальствомъ доволенъ.
- Очень хорошо. Очень хорошо...
- Очень хорошо, Павелъ Ивановичъ.

Павелъ Ивановичъ смотрить на него подозрительно. Не пришелъ ли сюда этотъ артиллеристъ, чтобы просто почесать языкъ? Нѣкоторое время онъ молчитъ, потомъ въ мозгу его, вѣроятно, мелькаетъ мысль, женатъ Цвѣтковъ или нѣтъ. Если женатъ—такъ, конечно, это, что онъ сейчасъ передразнилъ Павла Ивановича, вышло у него само собой, безо всякой задней мысли.

Женатый человѣкъ долженъ быть солиднымъ.

А можетъ-быть, Цвѣтковъ пришелъ опредѣлить своего сына приходящимъ или пансионеромъ?

Навѣрное, пансионеромъ. Онъ самъ былъ пансионеромъ. И сынъ, навѣрное, такой же головорѣзъ, какъ отецъ, и, навѣрное, тоже будетъ артиллеристомъ.

И онъ спрашиваетъ, снова поправивъ пенснѣ, будто это пенснѣ можетъ помочь ему узнать, женатъ или нѣтъ Цвѣтковъ, если тотъ сочреть.

- Женаты?
- Женатъ.

Павелъ Ивановичъ вспоминаетъ, что онъ встрѣтилъ разъ Цвѣткова въ скверѣ съ гимназисткой, а въ другой разъ съ тою же гимназисткой засталъ его въ театрѣ.

— Навѣрное, на этой, какъ ее... Такая, съ этакой косой, съ голубымъ бантомъ?

Павелъ Ивановичъ вспоминаетъ фамилію гимназистки.

- На Маевской?...
- На Маевской, Павелъ Ивановичъ.
- А-у... довольны?
- Доволенъ...
- Есть дѣти?
- Тroe, Павелъ Ивановичъ.
- А-у... троe... Шалуны?
- Бойкіе мальчики...

И у Цвѣткова съ Павломъ Ивановичемъ начинается длинный разговоръ о гимназіи, о мадамъ Цвѣтковой. И Павелъ Ивановичъ всякий разъ, когда Цвѣтковъ вспоминаетъ жену, гнусить:

— А-у... Это та съ косой и голубымъ бантомъ?

II.

Когда была бомбардировка, и Цвѣткову весь день приходилось проводить около орудій, обѣдъ ему носили туда же на батарею.

Приносилъ обѣдъ обыкновенно денщикъ Цвѣткова, не высокаго роста, въ вѣчно засаленномъ вытершемся мундирчикѣ, въ вѣчно грязномъ, точно онъ только и зналъ, что ставилъ самовары или закрывалъ и открывалъ выюшки въ печахъ, худощавый, вертлявый солдатикъ, полякъ по происхожденію, Венцеславъ Забужскій.

Отъ копоти, отъ угольной пыли или еще

отъ чего у Забужского даже лицо постоянно было сърое, какъ у желѣзнодорожнаго смазчика или кочегара. Словно онъ никогда не умывался.

Наскоро закусывая, Цвѣтковъ непремѣнноправлялся о Павлѣ Ивановичѣ.

— Забужскій!

— Я-съ.

— Все у насъ благополучно?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— А Павелъ Ивановичъ?..

— Ходятъ-съ.

— Обѣдалъ?..

— Такъ точно... Обѣдали-съ; почивать собираются. „Почивалъ“ Павелъ Ивановичъ въ паутинѣ... Паутину онъ устроилъ въ самомъ концѣ своего коридора въ углу... Дѣйствительно ли почивалъ онъ въ этой паутинѣ послѣ обѣда или просто сидѣлъ такъ и о чёмъ-нибудь думалъ, неизвѣстно, вѣрнѣй всего, что почивалъ, потому что такой важный господинъ, если уйдеть къ себѣ послѣ обѣда, такъ ужъ, разумѣется, для того, чтобы „отдыхать“.

Обѣдать Павлу Ивановичу подавалъ тотъ же Забужскій.

Кормилъ онъ его мухами, при чёмъ выбиралъ самыхъ жирныхъ мухъ.

Разъ Забужскій на обычный вопросъ Цвѣткова, обѣдалъ ли Павелъ Ивановичъ и послѣ обычнаго же своего отвѣта: „такъ точно, ваше благородіе, обѣдали“, поднесъ ладонь ко рту, кашлянулъ въ ладонь и сказалъ немногого глухо:

— Ваше благородие!..

На Цвѣткова онъ смотрѣлъ изъ-подлобья, все держа ладонь у рта. Сквозь растопыренные пальцы видно было, что онъ не закрылъ рта, будто собирается заговорить опять.

— Ну?—сказалъ Цвѣтковъ.

Забужскій опустилъ руку.

— Я имъ, ваше благородие, сегодня н „коклетку“ сдѣлалъ.

Онъ почему-то всегда говорилъ не котлета, а коклета... Впрочемъ, онъ сейчасъ же поправился.

Онъ вытянулся, опустилъ руки по швамъ и выпутилъ глаза...

— Котлету, ваше благородие.

Онъ словно выстрѣлилъ этой фразой прямо въ лицо Цвѣткову, произнося ее такъ, какъ произносилъ всякую другую заученную казенную фразу, громко, отчетливо, какъ онъ отвѣтилъ бы, напримѣръ, на привѣтствие высшаго начальства, ставъ во фронтъ:

— Здравія желаю вашему превосходительству.

Цвѣтковъ именно требовалъ отъ него, чтобы онъ говорилъ котлета, а не коверкалъ этого слова по-своему.

— Какъ котлету?—изумился Цвѣтковъ, переставъ ъсть и во всѣ глаза уставившись на Забужскаго.

— Такъ точно, ваше благородие...

— Котлету?..

— Такъ точно, ваше благородие.

— Вольно! — крикнул Цвѣтковъ. Онъ видѣлъ, что Забужскій отвѣчаетъ совсѣмъ не то, что слѣдуетъ... Онъ имѣлъ время хорошо его изучить и понималъ, что сейчасъ Забужскій своими „такъ точно“ хочетъ подтвердить только, что Цвѣтковъ правъ, а онъ нѣть: котлету нельзя называть коклетой.

— Изъ чего ты ее сдѣлалъ?

— Коклету?

Забужскій хотѣлъ было поправиться, но Цвѣтковъ сейчасъ же его остановилъ:

— Не нужно. Чортъ съ тобой! Коклеты — такъ коклеты. Изъ чего ты ее сдѣлалъ?

— Изъ чмеля-съ.

— Изъ шмеля?

— Такъ точно. Вотъ этакій-съ.

И Забужскій, собравъ пальцы на лѣвой руцѣ въ кулакъ, выставилъ впередъ указательный палецъ.

— Какъ же ты ее дѣлалъ?

— Обыкновенно, какъ вообще...

— Рубиль?

— Рубиль-съ. Потомъ пустилъ жирку. Только жарить не жариль — сырью. Должно очень хорошо вышло: вѣдь у него медъ... Сейчасъ подношу, говорю:

„Палъ Иванычъ!“

А они бѣгутъ, бѣгутъ... Потомъ стали. Я имѣлъ:

„Пожалуйте кушать“.

Потомъ говорю:

„Чмель“.

Вижу: нюхъ-нюхъ, понюхали. Конечно, нынче—муха, завтра—муха, надѣсть. Да...
„Чмель,—говорю“.

А они дѣйствительно нюхаютъ. Послѣ того стали кушать.

— И теперь спить?— спросилъ Цвѣтковъ.
— Почибаютъ-съ.

Забужскій уважалъ и любилъ Павла Ивановича не меныше Цвѣткова.

Правда, онъ познакомился съ нимъ недавно и ничего не зналъ о его прошломъ, кромѣ того только, что когда-то Павелъ Ивановичъ былъ старый знакомый Цвѣткова и зналъ его жену.

Онъ понималъ, конечно, что Павелъ Ивановичъ, директоръ гимназіи, и Павелъ Ивановичъ, паукъ, двѣ—вещи совершенно разныя. Но это ничего не значило.

Когда Цвѣткова не было дома, онъ продѣлывалъ передъ Павломъ Ивановичемъ то же самое, что и передъ Цвѣтковымъ.

Только онъ относился къ Павлу Ивановичу болѣе почтительно.

Онъ называлъ его „ваше превосходительство“...

Это, однако, не мѣшало ему, напримѣръ, не стоять на вытяжку передъ Павломъ Ивановичемъ или разговаривая съ нимъ сидѣть на табуретѣ, держа между ногами половую щетку.

Ему, кажется, даже было пріятно, что Павелъ Ивановичъ такой невзыскательный господинъ.

Онъ говорилъ про него:

— Они добрые, они не осудятъ.

И вотъ, бывало, сядеть Забужскій на табуретъ среди комнаты, заложить ногу за ногу и говоритьъ:

— Эхъ, ваше превосходительство, сами посудите, почему я иногда не могу спать? Первое, что ихъ благородіе жалко, а второе, изволите видѣть, дома у меня отецъ, мать...

Онъ взглѣдываетъ на Павла Ивановича и ему кажется, что Павелъ Ивановичъ слушаетъ его очень внимательно.

Ему даже чудится его голосъ:

— Терпи, братъ Забужскій...

— Я-съ и то, ваше превосходительство, терплю... Только вы сами человѣкъ разсудительный и понимающій про человѣчество. А какъ убываютъ?

— Это кого? — спрашиваетъ Павелъ Ивановичъ, — тебя или капитана?

— Да и ихъ и меня... Дѣти у нихъ, изволите видѣть, Вася, Коля да Петя, жена опять же, Марья Петровна... Конечно, сами вы человѣкъ не военный, вы генералъ свѣтскій-съ, а все-таки возьмите въ толкъ, ваше превосходительство, вѣдь жалко?

— Гмъ, — говоритъ Павелъ Ивановичъ. — На то война. Молись Богу, Забужскій.

— Я и то молюсь.

— Молись лучше.

Однажды во время этихъ разговоровъ Забужскому пришла въ голову такая мысль:

„А что если убьютъ Павла Ивановича“...

И ему стало жутко и холодно.

— Палъ Иванычъ! А что ежели, помилуй,
Богъ, васъ убъютъ?

Лицо у него вытянулось и поблѣдѣло. Только теперь онъ понялъ, какъ дорогъ ему Павелъ Ивановичъ. Что они тогда, правда, станутъ дѣлать съ бариномъ...

Тогда они ужъ совсѣмъ останутся одни...

Когда онъ въ ту ночь послѣ ужина сталъ на молитву, сложивъ молитвенно руки по католическому обычаю, прочиталъ вечернюю молитву, мало понимая ея смыслъ, и потомъ уже отъ себя прибавилъ, опустившись на колѣни: „Матка Божска, змилуйся надъ паномъ и мною бѣднымъ хлопчикомъ“, вслѣдъ затѣмъ онъ прошепталъ тихо:

— И надъ Палъ Иванычемъ.

И распростерся ницъ на полу...

III.

У Цвѣткова, большого любителя оружія, на стѣнѣ надъ кроватью висѣло нѣсколько старыхъ военныхъ винтовокъ: берданка, шаспо, пибоди, магазинный винчестеръ.

Тутъ же на полочкѣ лежали патроны къ нимъ, по три, по четыре штуки каждого типа.

А берданочныхъ патроновъ было нѣсколько пачекъ... Они попали къ Цвѣткову прямо изъ мастерскихъ. Онъ даже не развязалъ пачекъ. Такъ онѣ и лежали тутъ съ краю по-

лочки грудкой въ своихъ синихъ бумажкахъ, въ каждой пачкѣ по пяти штукъ, перевязанные сверхъ бумажки крестъ на крестъ веревочкой.

Въ тотъ день была сильная пальба.

Когда разрывались снаряды далеко отъ мѣста ихъ разрушительного дѣйствія, изъ оконъ вылетали стекла. Звенѣлъ, казалось, самый воздухъ, стоналъ и охалъ.

„Матка Божска“ не спасла Павла Ивановича... Холодно и строго смотрѣла она изъ темнаго кюта на Забужскаго. Забужскій стоять у кровати Цвѣткова, поставивъ одну ногу колѣнкой на край кровати, онъ бралъ съ полочки, гдѣ лежали патроны, синія пачки одну за другой и совалъ ихъ въ карманъ.

Одинъ карманъ у него уже былъ полонъ. Должно-быть, Забужскій не очень церемонился съ пачками или очень торопился. Онъ совалъ ихъ какъ попало: на пачкѣ, помѣстившейся въ карманѣ сверху другихъ, синяя обложка оборвалась, и между разодранными краями бумажки тускло поблескивали заплечики патроновъ.

Рѣсицы у Забужскаго были мокры, и онъ мигалъ ими рѣдко и быстро, словно у него ихъ дергало отъ времени до времени... И каждый разъ, когда мигалъ, всхлипывалъ и смыгалъ носомъ, вздергивалъ носъ въ то время, какъ вѣки плотно прикрывали глаза.

Наполняя карманы патронами, онъ повторилъ нѣсколько разъ:

— Господи, Господи!..

То и дѣло глаза у него совсѣмъ застилались слезами, и тогда онъ отворачивалъ лицо въ сторону, и занеся руку къ виску, захватывалъ край рукава пальцами, прижавъ къ ладони и проводилъ рукавомъ по глазамъ отъ одного глаза къ другому. Потомъ сморкался, отвернувши лицо еще болѣе въ сторону, прямо на полъ, зажавъ конецъ носа между двумя пальцами.

Но временами лицо его вспыхивало гнѣвомъ и злобой, когда въ комнату снаружи особенно громко доносился звукъ разорвавшагося гдѣ-нибудь поблизости снаряда. Глаза загорались; съ особенной поспѣшностью хватать онъ съ полочки синяя пачки и запихивалъ въ карманъ, наклоняясь и заглядывая въ карманъ, надавливая на пачку пальцемъ одной руки, а другой рукой оттягивая карманъ въ сторону, чтобы пачка входила свободнѣе.

Когда на полкѣ ужъ не осталось ни одной пачки, онъ схватилъ со стѣны берданку и бросился къ выходу, на ходу обтирая стволъ и затворъ берданки краемъ мундира.

Онъ побѣжалъ прямо на батарею.

Подбѣгая къ батареѣ, среди шума и свиста онъ разслыхалъ голосъ Цвѣткова, хриплый, надтреснутый, казалось, вылетавшій откуда-то изъ подъ земли.

— Четыре патрона, бѣглый огонь!

У него мелькнула мысль:

— Значить, близко... Атакой идутъ..

— А-а-а! — донеслось издали, слабо едва
внятно. Чудилось, что кричить одинъ человѣкъ, застигнутый бурей въ полѣ, стараясь
перекричать бурю... Но было слышно сразу,
что крикъ этотъ несется издали, можетъ, за
полверсты... Голосъ одного человѣка зате-
рялся бы и на близкомъ разстояніи среди
грохота орудій, воя и взрывовъ снарядовъ.

На секунду Забужскій остановился.

Опять словно вѣтромъ донесло до него:

— А-а-а...

Надрываясь изо всѣхъ силъ, Цвѣтковъ кри-
чить на батареѣ:

— Четыре патрона! Вонъ по откосу... Бѣг-
лый огонь!

Забужскій бросился на батарею.

Вскочивъ на парапетъ, онъ глянулъ впе-
редъ.

— Ага! вонъ они... Вонъ вы, голубчики!..

Онъ привалился къ стѣнкѣ, зубами разо-
рвалъ пачку, вставилъ патронъ и закрылъ за-
твортъ.

Изъ-за вала ему видно, какъ наступаетъ
непріятель. На глазъ онъ прикидывалъ раз-
стояніе.

Совсѣмъ близко.

Даже лица отдаленныхъ солдатъ можно раз-
смотретьъ...

Дикая ярость охватываетъ его. Ему самому
хочется крикнуть имъ что-нибудь навстрѣчу.

И онъ кричитъ, выставившись почти по
грудь:

— Дьяволы! Черти! Нехристи!

Но они его не слышать, имъ даже его не видно... И онъ самъ теперь не разберетъ, что они кричатъ... Онъ видить только эти лица, эти открытые рты, эти словно сведенья судоргой брови, натянувшіяся туго, такъ что ясно выступили скулы подъ кожей щеки...

Онъ прицѣлился и выстрѣлилъ... Выстрѣлилъ второй разъ, третій. Все мимо.

Тогда онъ пробѣжалъ впередъ мимо орудій и, остановившись тамъ совсѣмъ на виду, сталъ стрѣлять, посылая пулю за пулей, выхватывая изъ кармановъ пачки, разрывая ихъ, роняя на землю патроны.

Страшный, оглушительный взрывъ.

Казалось земля дрогнула у него подъ ногами... Впереди — черный столбъ дыма, блескъ пламени въ дыму и надъ дымомъ что-то, чего онъ не можетъ разобрать... Камни ли это, комья ли земли, или разорванныя на части человѣческія тѣла...

Непріятель попалъ на фугасъ.

Послѣ взрыва стало тихо... Только эхо грохотало въ горахъ.

— Забужскій! идіотъ!..

Онъ узналъ голосъ Цвѣткова.

— Котлета! — кричить кто-то въ окопахъ. Слышится хохотъ.

— Попелъ назадъ! — кричить Цвѣтковъ.

Забужскій оборачивается.

— Ваше благородіе! — кричить онъ. — Ваше благородіе...

Лицо у него грязное, какъ всегда. Около носа и около глазъ видны бѣлые полосы, оставшіяся послѣ того, какъ онъ вытиралъ рукавомъ слезы...

— Ваше благородіе! Вдогонку имъ! пустите разикъ...

— Сожгеть! — кричать ему опять изъ окоповъ, — отойди отъ орудіевъ!

Забужскій, наконецъ, бѣжитъ назадъ, соска-
киваетъ внизъ.

— Ты что, осатанѣлъ, что-ль? — обращается къ нему Цвѣтковъ.

Забужскій становится во фронтъ, долгое время не знаетъ куда дѣвать берданку, потомъ береть ее подъ мышку.

Лицо у него растерянное, ротъ полуот-
крыть.

— Ваше благородіе!

На глазахъ у Забужскаго выступили слезы, нижняя челюсть отвисла, и все лицо вдругъ сморщилось, какъ лицо плачущаго ребенка...

— Ваше благородіе!.. А Павель-то Иванычъ...

— Ну!..

Цвѣтковъ закусилъ губу.

— Приказали долго жить... Духомъ ихъ...
Вотъ ѣтакая...

Онъ разставилъ руки во всю ширину.

— Какъ хватить... Стекла у нась выбило...
А они, гляжу, ножками кверху... Какъ хлопъ—
и готово... Съ одного духа убило.

— Куда же ты его дѣлъ?

Лицо у Цвѣткова стало какъ каменное, точно все въ немъ застыло.

— Въ коробочку положилъ... Думаю, до васъ. А тамъ что скажутъ.

.....

Царство мертвыхъ.

I.

„О, Господи! хотя бы погасили эти прожекторы!“

Шмельковъ прикрывалъ глаза, чтобы не видѣть того, что вырывали лучи прожекторовъ изъ окружавшей его тьмы... Но это было еще хуже.

Мутные круги колыхались передъ глазами, выплывали, и таяли темныя и свѣтлыя пятна... За ними гдѣ-то глубоко - глубоко, словно тамъ разверзлась бездна, вспыхивали неясно и и потухали тусклыя искры.

Изъ мрака, рожденные этимъ мракомъ, выступали безобразныя въ кровавыхъ пятнахъ головы, простирались руки... Окровавленный ротъ, одинъ только ротъ, казалось, кричалъ о чемъ-то... И вдругъ загорались глаза большіе, выразительные и плакали... Опять тянулись руки, снова выплывали глаза, но уже съ выражениемъ дикой ненависти, опять пропасти кровавыя пятна.

Онъ старался настроить себя на иной ладъ. Представить себѣ, какъ молодецки шли его товарищи контръ-атакой... И хотя они шли

тогда этой контръ - атакой безъ музыки, онъ пытался возобновить въ своей памяти звуки военнаго марша.

Все равно!

На мгновенье передъ нимъ, дѣйствительно, очень отчетливо вырисовывались фигуры солдатъ, спиной къ нему, въ сѣрыхъ шинеляхъ съ черными поясами... Солдаты бѣжали впередъ...

Но сѣрыя шинели пропадали сейчасъ же. Вмѣсто сѣрыхъ шинелей мелькали бѣлые рубахи все съ тѣмъ же кровавыми темными пятнами... Мелькали руки, то поднимавшіяся, то опускавшіяся... Выступалъ темный, будто на зеленую траву накинули черную кисею, пологій бугоръ и на бугрѣ по откосу, тоже словно затянутыя кисеей, фигуры въ бѣлыхъ рубахахъ, неподвижныя, скорченныя съ неестественнно вывернутыми ногами и руками.

Въ послѣднее дѣло солдаты были ни въ шинеляхъ, ни въ рубахахъ. Они были въ мундирахъ.

Непріятель тогда бѣжалъ. Все мѣсто боя было покрыто трупами не въ черныхъ, а въ синихъ мундирахъ.

Но когда онъ захотѣлъ представить себѣ идущихъ въ атаку товарищѣй, почему-то онъ увидѣлъ ихъ въ сѣрыхъ шинеляхъ и почему то только на мгновенье...

Онъ отнялъ руку отъ глазъ.

Попрежнему скользили лучи прожекторовъ, по полю вчерашней битвы.

Трупы не были убраны.

Они лежали близко другъ къ другу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они громоздились кучами.

Они то выступали ясно, какъ днемъ, то опять сразу исчезали въ темнотѣ, пока широкій лучъ прожектора, сдѣлавъ полукругъ, не озарялъ ихъ снова...

— О, хоть бы скорѣй погасили этотъ прожекторъ!

Съ ужасомъ и трепетомъ онъ всякий разъ ждалъ того момента, когда лучъ прожектора, уклонившись въ сторону, лизнувъ далекія вершины, замиралъ тамъ на мгновеніе и потомъ начиналъ передвигаться въ обратную сторону...

Точно острый легкій ножъ приближался къ его горлу, скользя по крутизnamъ, скаламъ, возвышенностямъ.

„Сейчасъ... сейчасъ... О, Боже! Зачѣмъ эта пытка!“

Странный зудъ начинался въ крови, во всемъ тѣлѣ, точно кровь скипалась... Казалось, огненная струя пробѣгала отъ затылка внизъ по позвоночнику и обратно.

Невольно закрывались глаза... Но и черезъ закрытыя вѣки блестѣлъ свѣтъ прожектора... Будто заря загоралась подъ вѣками.

И тогда онъ не могъ удержаться.

Свѣтъ прожектора, казалось, разверзалъ вѣки, проникнувъ подъ нихъ.

Вонъ они, эти трупы...

Неподвижнымъ, какъ стекляннымъ взглядомъ смотрить онъ впередъ. Жутко смотрѣть на эти трупы. Вонъ они... И по мѣрѣ того, какъ скользить прожекторъ по трупамъ, тоска вливается ему въ душу, колышется и глухо шумить, какъ море... Точно несется въ немъ стонъ долгій и протяжный: „а-а-а-а“...

А свѣтлый лучъ все дрожитъ надъ трупами...
Онъ прикрылъ глаза ладонью.

Мутное облако заволновалось передъ глазами, и снова изъ глубины мрака, изъ бездны выплыли эти образы, горящіе страданьемъ, ненавистью, тоской, обрызганные кровью...

И онъ ужъ начиналъ сознавать, что кудабы онъ не ушелъ, чтобы не дѣлалъ, эти образы все равно останутся съ нимъ, всегда, вѣчно.

Можетъ быть это была больная мысль, но въ немъ заныло сердце и закипѣли слезы... онъ почти физически ощутилъ, какъ словно впилось ему что-то въ сердцѣ и сосетъ сердце... Будто піявки присосались къ сердцу.

Если бы вырвать изъ сердца эту боль, эту муку!.. Но развѣ возможно вырвать!

Мало по малу его охватило странное состояніе... Казалось чужая жизнь поселилась въ немъ и живетъ за счетъ его жизни.

Крѣпко прижалъ онъ къ груди ладонь и надавливая на грудь, провелъ растопыренными пальцами вверхъ внизъ и въ стороны.

„Господи, да что же это!“
Онъ открылъ глаза.

Прожекторъ погасъ.

Кругомъ была тьма и тишина.

И вдругъ до него долетѣлъ издали какой-то звукъ, опредѣлить котораго онъ не могъ. Что это?—застоналъ ли кто-нибудь или крикнулъ сдавленнымъ голосомъ. Или это далекій выстрѣлъ? Можетъ, еще какой другой звукъ...

Онъ насторожилъ слухъ. Но кругомъ опять было тихо.

Но неопределенный звукъ, долетѣвшій издалека, не умеръ, а остался въ немъ. Онъ влилъ новую силу, зажегъ новымъ огнемъ образы, терзавшіе душу... Они вспыхнули ярче, жизненнѣй... Они застонали и заговорили. Не вспоминались, а зазвучали уже, какъ звучали въ дѣйствительности, отдѣльные слова и цѣлые фразы, еще вчера носившіяся здѣсь въ бурѣ боя.

Онъ задрожалъ... Казалось, огненное пламя проникнуло весь мозгъ, охватило сердце...

Вонъ они тутъ недалеко, переставшіе вчера дышать съ этими словами на устахъ...

Теперь труповъ уже не было видно...

Изъ-за дальней горы брезжилъ слабый свѣтъ мѣсяца, съ моря по скаламъ наплывали волны тумана, окутывая все пространство передъ нимъ непроницаемой мутной мглой.

Волны тумана подкатывались ему подъ самыя ноги.

То тамъ, то тутъ отъ общей массы тумана открывались безформенные дымчатые клочья, тянулись вверхъ, колеблясь, дрожа, и плыли

впередъ, постоянно мѣняя очертанія, проникнутыя тусклымъ свѣтомъ мѣсяца.

Казалось невѣдомыя существа поднимались изъ нѣдра тумана, простирали руки и крылья, стремясь вверхъ или туда, куда катились туманныя волны.

Море тумана жило и дышало.

Но было что-то тоскливо въ этихъ сѣрыхъ фигурахъ, постоянно мѣнявшихъ формы...

Мѣсяцъ, казалось, зажигалъ въ нихъ жизнь, еще болѣе слабую и болѣйшую, чѣмъ его мерцаніе...

И чудилось, они просили и молили о жизни, но мѣсяцъ, этотъ источникъ ихъ жизни, былъ далеко-далеко...

Его свѣтъ едва боролся съ темнотой ночи, и уже въ немъ самомъ догорала жизнь...

Его лучи теплились только тускло въ воздушныхъ существахъ, молившихъ о жизни.

Все новые и новые безформенные клочья всплывали надъ моремъ тумана, вспыхивая въ почти горизонтальныхъ лучахъ мѣсяца, дрожа, трепеща, рѣдѣя, разрываясь, сгущаясь опять, опять тая...

Дыханіе невѣдомой жизни, этотъ свѣтъ далекой планеты, струилось по всему полю битвы, загораясь минутами то тамъ, то тутъ, вызывая неясные, смутные образы...

II.

Издали снова донесся странный звукъ, ни то стонъ, ни то крикъ.

Голоса боя, говорившие въ немъ, проклиниавшіе, молившіе о пощадѣ, призываюше къ мщенью, на мгновеніе умолкли; ихъ, казалось, спугнулъ этотъ звукъ, вырвавшійся изъ волнъ тумана. Голова будто опустѣла.

По тѣлу побѣжали мурашки.

Что это?

Звукъ раздался и замеръ. Будто кто-то высунулся изъ сѣрой мглы тумана, крикнулъ и опять скрылся.

А можетъ-быть, это ему только почудилось—этотъ крикъ глухой и неясный... Можетъ-быть, это—нервы?

Онъ оглянулся кругомъ, пристально вглядываясь въ туманъ.

Ничего не видно. Только одинъ туманъ.

И вдругъ ему почудилось, что кто-то идетъ къ нему въ туманѣ, прямо къ нему.

Сердце стукнуло и остановилось. Не мигая, смотрить онъ впередъ. Опять—туманъ, одинъ туманъ. Казалось, кто-то всталъ изъ тумана, взмахнулъ руками и опять ушелъ въ туманъ.

Въ головѣ пронеслась мысль:

„Нѣтъ, человѣкъ не можетъ быть такимъ высокимъ. Это—туманъ. Подулъ вѣтеръ и колыхнулъ туманъ. Нужно стоять, пока не придется смына, и ни о чёмъ не думать“.

И сейчасъ же новая, уже совсѣмъ нелѣпая мысль:

„А если его забыли... Поставили тутъ и забыли?“

Его охватилъ ужасъ.

Нѣтъ, вѣдь-же, дѣйствительно, есть какая-то жизнь въ этотъ туманъ. Вотъ опять... Будто рука поднялась длинная, безобразная. Конечно, это все туманъ, его волнуетъ вѣтеръ. Но онъ все равно вздрогнулъ и похолодѣлъ, когда увидѣлъ эту руку.

„Все нервы, эти нервы!... Не нужно думать...“

Но какъ же не думать или думать, когда не владѣешь собой, и мозгъ воспринимаетъ сразу на вѣру все, что кажется глазамъ.

Вонъ опять... Широкій сѣрый платокъ... Платокъ относить въ сторону, платокъ постепенно развертывается.

Онъ закрылъ глаза.

Онъ боится увидѣть лицо, скрытое подъ этимъ плащомъ. Потомъ открываетъ глаза. Ничего нѣтъ. Только мутное, сѣрое облачко. Но изъ облачка выплываетъ опять что-то, зарождается какая-то новая фигура.

„О, Господи! И зачѣмъ этотъ туманъ колышется?“

Снова онъ закрываетъ глаза.

А мозгъ усиленно работаетъ.

„Да вѣдь это жъ туманъ. Въ мірѣ нѣть ничего. Кромѣ того, что мы видимъ. Это—мертвый туманъ“.

Но онъ все равно вздрагиваетъ и съ закрытыми глазами. Отъ однихъ этихъ словъ: „мертвый“, „въ мірѣ нѣть ничего, кромѣ того, что мы видимъ,“ холодаѣтъ сердце.

„Конечно, нѣтъ ничего! Нѣтъ ничего“.

Но онъ чувствуетъ, какъ у него начинаютъ чу́ть-чуть стучать зу́бы.

„Ничего, ничего! — старается онъ втолковать самому себѣ. — Ничего!“ — И поднимаетъ вѣки.

Глаза лихорадочно пробѣгаютъ все пространство передъ нимъ.

Онъ ужъ ищетъ теперь самъ ужаса.

— Какъ нѣть! Вонъ, вонъ...

А зу́бы стучать...

„Кто это!“

Крикъ готовъ вырваться изъ груди. Большое, большое лицо смотритъ на него изъ тумана, желтовато-сѣрое, съ темными, словно заплывшими тѣнью глазами.

Но вѣдь не можетъ быть такого большого лица!

Мысль эта, однако, мгновенна, какъ сверкнувшая и потухшая искра.

Нѣть ни большого, ни малаго; есть только черты и формы.

О, какие у него глаза, темные, полные муки. А губы смѣются. Зу́бы видны между губъ. Потомъ глаза еще больше затянуло тѣнью, губы расплылись безобразно широко, и ихъ тоже охватываетъ тѣнь. Все лицо отодвигается, уходитъ въ туманъ.

Мгновенье, и его ужъ нѣть.

Но въ немъ остался этотъ взглядъ, полный муки, вселяющій ужасъ въ сердце.

И онъ сознаетъ, если еще разъ выплынетъ изъ тумана это лицо, онъ не выдержитъ и

крикнетъ, чтобы оно не появлялось больше, чтобы оно уходило къ себѣ туда, откуда оно явилось...

И ужъ онъ шепчетъ:

„Уйди, уйди... къ себѣ...“

И старая мысль:

„Куда къ себѣ?...“

Опять холодѣетъ сердце... Правда: куда?... Вѣдь это жъ туманъ... Оно и ушло въ туманъ, какъ вышло изъ тумана... Оно... Да, это лицо. Значитъ оно само по себѣ, а туманъ самъ по себѣ. Но вѣдь его же нѣть! Вѣдь это онъ сказалъ про него „оно“. А оно—туманъ.

Мысли путаются.

Снова—стонъ.

Теперь уже отчетливѣй и яснѣе... Опять колыхнулся туманъ, снова онъ видѣть, какъ движется въ туманѣ что-то, направляясь прямо къ нему.

Неужели это опять то, это лицо!

Въ вискахъ у него застучало.

И откуда этотъ стонъ? И стонъ ли это?

Неопределеннная фигура мелькнула въ туманѣ и сейчасъ же пропала. Потомъ появилась опять, опять пропала. Нѣть, это идѣть кто-то... Кто-то еще новый выплылъ изъ тумана.

Можетъ быть это онъ застональ?.. Его начинаетъ бить лихорадка.

Крѣпко сжегиль онъ вѣки.

Проходитъ секунда, еще секунда, еще...

И онъ чувствуетъ, что ужъ не въ силахъ стоять болѣе съ закрытыми глазами. Довольно! Теперь, вѣроятно, ужъ все пропало...

Онъ открылъ глаза.

Прямо передъ нимъ—окровавленное лицо, губы пневелятся, хотятъ сказать что-то: руки простерты впередъ.

Онъ замѣтилъ только, что этотъ „новый“, вырвавшійся изъ волнъ тумана, стоитъ на колѣняхъ.

Онъ хотѣлъ крикнуть, хотѣлъ бѣжать и не могъ. Сердце вдругъ словно перестало биться. Безъ крика, безъ единаго слова онъ грохнулся на землю.

III.

Шмелькова отнесли въ госпиталь.

Вмѣстѣ съ нимъ принесли въ госпиталь и этого несчастнаго, полуживого человѣка съ окровавленнымъ лицомъ, молившаго его о помощи и такъ его напугавшаго.

Окровавленный человѣкъ въ госпиталѣ назвалъ себя.

Онъ офицеръ гвардіи микадо. Участвовалъ вчера въ штурмѣ, былъ раненъ, потерялъ сознаніе и ночью очнулся.

— Потомъ вы подползли къ нашему часо-вому?

— Да.

— Что у васъ съ нимъ произошло?

— Вы сами понимаете, что я не хотѣлъ сдѣлать ничего дурного... Я даже стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ.

Японецъ прямо въ глаза посмотрѣлъ доктору. Послѣ минутной паузы онъ спросилъ:

— Вы вѣрите, что я стоялъ на колѣняхъ?

И, съ усиліемъ поднявъ руки, онъ заложилъ ихъ за голову (онъ лежалъ навзничъ) вздохнулъ и поднялъ глаза кверху.

— Почему же онъ упалъ?

Японецъ хрустнулъ за головой пальцами и потянулся какъ-то всѣмъ тѣломъ къ щитку кровати, къ подушкѣ.

— О, Боже,—проговорилъ онъ,—почему я знаю! Почему я сталъ передъ нимъ на колѣни, почему онъ упалъ!... Въ другое время, вѣроятно, этого не случилось... я бы не опустился на колѣни, и онъ не упалъ бы, увидѣвъ меня.

И онъ закрылъ глаза.

Японецъ лежалъ рядомъ съ Шмельковымъ.

Шмельковъ все время внимательно прислушивался къ разговору между докторомъ и японцемъ. Японецъ говорилъ по-русски.

Когда японецъ умолкъ, онъ поманилъ доктора къ себѣ.

— Докторъ, докторъ,—шепнулъ онъ и сей-часъ же, быстро взглянувъ на японца, натянулъ на себя одѣяло до самыхъ глазъ и, осторожно опять сдвинувъ одѣяло, выглянулъ изъ-подъ него однимъ глазомъ.

Докторъ подошелъ.

— Что вы?

— Нагнитесь, докторъ.

Докторъ нагнулся.

— Еще ближе.

Докторъ склонился надъ нимъ совсѣмъ низко.

Скользнувъ все также мимо доктора однимъ глазомъ въ сторону японца, онъ выпросталъ изъ-подъ одѣяла руку и охватилъ ею доктора вокругъ шеи.

— Переведите меня въ другое мѣсто,—шепнулъ онъ.

Докторъ тоже попробовалъ было взглянуть на японца, но ему нельзя было этого сдѣлать, потому что Шмельковъ крѣпко держалъ его за шею.

Онъ спросилъ:

— Вамъ здѣсь не хорошо?

— Я не хочу лежать съ нимъ,—шопотомъ отвѣтилъ Шмельковъ.

— Съ японцемъ?

— Да. Переведете?

Онъ еще крѣпче охватилъ шею доктора.

— Я вамъ даже, вотъ что скажу: я вѣдь совсѣмъ здоровъ. Со мной былъ только обморокъ... А если не переведете...

Онъ выпросталъ изъ-подъ одѣяла другую руку и сразу обѣими руками обвилъ и крѣпко стиснулъ, надавливая длинными холодными пальцами сзади около затылка доктору шею. Прямо въ глаза доктору онъ устремилъ блестящій взглядъ. Что-то холодное и острое было въ этомъ взглядѣ...

— Если не переведете...

— Переведу, конечно...

Онъ ослабилъ пальцы; они медленно скользнули по шею доктора книзу.

— Такъ смотрите жъ,—шепнуль онъ, и опять его глаза блеснули изъ-подъ одѣяла, холоднымъ острымъ блескомъ.

Затѣмъ онъ натянулъ одѣяло до самаго лба и затихъ.

Его помѣстили въ другой палатѣ.

Когда ему показали его новую койку, онъ сейчасъ же юркнулъ подъ одѣяло.

Онъ весь вздрагивалъ, повернулся на бокъ и раза два стукнулъ зубами.

— Какъ у васъ тутъ холодно, — сказалъ онъ, ни къ кому въ особенности не обращаясь.

Потомъ отыскалъ глазами сестру милосердія, старую высокую, худощавую женщину.

— Сестрица!

Она подошла.

— А что же докторъ?

— Вамъ нужно?

— Очень.

И онъ снова поежился и подобралъ подъ одѣяломъ ноги.

Минутъ черезъ десять пришелъ докторъ.

— Докторъ! — крикнулъ онъ громко.

Докторъ стоялъ койки четыре отъ него. Онъ только молча повелъ глазами въ сторону Шмелькова и, оглянувшись на него черезъ секунду, улыбнулся и кивнулъ головой.

Шмельковъ тоже улыбнулся.

— Хорошо, я подожду...

Онъ все вздрагивалъ отъ времени до времени и все ежился, подобравъ ноги, собравшись весь въ комочекъ.

Докторъ, наконецъ, подошелъ къ нему.

— Ну, что?

Докторъ улыбнулся опять, и онъ тоже опять улыбнулся вслѣдъ за нимъ.

— Слушайте-ка, докторъ... Вы, можетъ-быть, думаете онъ изъ ненависти ударилъ меня, сбить съ ногъ и отъ того я потерялъ сознаніе?

— Почему же вы потеряли сознаніе?

— Не знаю...

Казалось, у него оборвалась нить мыслей... Онъ повернулся на спину и провелъ по лбу ладонью... Брови сдвинулись.

И вдругъ онъ словно вспомнилъ что-то. Почти радостное выраженіе разлилось по лицу.

Живо онъ снова легъ на бокъ.

— Докторъ!..

— Ну-те...

— Этотъ японецъ...

И онъ закусилъ губу и опустилъ глаза, потомъ опять поднялъ ихъ.

— Вы знаете кто онъ?...

Глаза его широко раскрылись и сейчасъ же сожурились. Одинъ глазъ онъ закрылъ совсѣмъ.

— Знаете?...

Онъ приподнялся на локтѣ и снова широко открылъ глаза.

— Покойникъ!...

Теперь глаза у него остановились, не мигая.

— Покойникъ,—повторилъ онъ.—Вы ему не вѣрите... Онъ представляется... Его нужно—въ могилу. Понимаете?..

Онъ все глядѣлъ на доктора, прямо ему въ глаза.

Докторъ сдѣлалъ серіозное лицо.

— Такъ вы говорите покойникъ?

— Увѣряю васъ. Вы не вѣрите?

Какъ раньше, блеснули его глаза холодно и остро.

— Не вѣрите!—крикнулъ онъ и схватилъ доктора за руку.

— Я его еще не выслушивалъ,—сказалъ докторъ. — Тогда я вамъ скажу свое мѣнѣ...

Это его нѣсколько успокоило.

Онъ выпустилъ руку доктора, кивнулъ головой.

— Не думаю, — замѣтилъ онъ, — чтобы я ошибся. Это видно сразу, я еще тогда замѣтилъ. Я привыкъ. Вѣдь вы не были ни разу въ сраженіи, а я былъ.

Докторъ ушелъ распорядиться, чтобы его перевели въ отдѣльную комнату, а онъ легъ на бокъ, накрылся одѣяломъ и, какъ раньше, подогнулъ ноги.

— Какъ у васъ холодно, какъ у васъ холодно,—произносилъ онъ отъ времени до времени и вздрагивалъ, какъ въ лихорадкѣ, всѣмъ тѣломъ.

„Въ окопахъ“.

I.

Батареи японцевъ прекратили огонь.
Ихъ пѣхота была уже близко у русскихъ
окоповъ... Стрѣлять становилось опасно.

Наступила минута затишья

Зашитники окоповъ отчетливо въ промежут-
кахъ между орудійными выстрѣлами со стороны
фортовъ слышали топотъ бѣгущихъ ногъ:
ту-ту, ту-ту— словно нѣсколько человѣкъ во-
оруженныхъ палками, колотили враздробь по
того натянутому ковру, выбивая пыль.

Крики „банзай“ затихли..

А до сихъ поръ „банзай“ висѣло немолчно
въ воздухѣ... Точно солдаты, не оборачиваясь,
хотѣли крикнуть оставшимся позади нихъ ору-
діямъ:

— Мы здѣсь, мы здѣсь...

Точно подавали о себѣ голосъ...

Теперь временами вспыхивали только от-
дѣльные голоса, визгливо визгливаясь въ воз-
духъ, дребезжа, какъ тонкое стекло...

— Р-ро-та-а!...

Ротный командиръ слегка откинулся назадъ корпусомъ, смотря прищуренными глазами на бѣгущихъ японцевъ...

Минутная пауза. Тишина въ окопѣ. Ротный словно прицѣлился въ японцевъ.

— Пли!

Изъ окопа брызнуль огонь. Крики въ рядахъ японцевъ оборвались, заглушенные залпомъ, будто грохотъ залпа сдуль ихъ.

Синеватый легкій дымомъ заклубился вдоль окопа.

— Р-ро-та!...

Опять пауза.

И снова рѣзкій надорванный голосъ:

— Пли!

Ротный словно вырываеть изъ себя это „пли“, бросая его навстрѣчу японцамъ.

Словно самъ онъ живое оружіе, и каждый выстрѣль, каждое это „пли“, частица его самого, частица его нервовъ, напряженныхъ до послѣдней степени.

Съ воемъ проносится надъ окопомъ тяжелая бомба, посланная съ фортовъ.

Ротный выпрямляется.

Будто это не бомба пронеслась сейчасъ надъ нимъ, а гдѣ-нибудь поблизости, гдѣ-нибудь на холмикѣ появилось начальство.

Онъ даже усъ закрутилъ.

— Рота!...

Увѣрениѣ, тверже звучить его голосъ.

Бомба разорвалась.

Изъ окоповъ даже видно было, какъ стол-

бомъ поднялась пыль тамъ, гдѣ она лопнула.

Ротный вскакиваетъ на парашетъ и кричитъ:

— Пачками!

Опять гудить бомба...

Всльдъ ей трещать изъ окопа частые, будто въ окопѣ разгорѣлись жарко сухие дрова, выстрѣлы..

Теперь ужъ не слышно топота ногъ нападающихъ.

Огненные струи изъ стволовъ винтовокъ воизаются въ воздухъ, меркнутъ, опять блестятъ. Онѣ кажутся неугасаемыми, выскакивая изъ стволовъ на мгновенье и опять прячясь въ стволы, чтобы сейчасъ же снова сверкнуть.

Синій дымокъ становится гуще.

На многихъ винтовкахъ давно ужъ нѣть деревянныхъ накладокъ: онѣ давно, еще во дни первыхъ боевъ, пришли въ негодность, растрескались, расшатались и износились въ конецъ.

Подъ пальцами лѣвой руки слышно, какъ начинаетъ нагрѣваться пичѣмъ незащищенный стволъ.

Быстро прогрѣвается стволъ.

Даже почти съ увѣренностью можно сказать, послѣ которой пачки, даже послѣ какого патрона къ стволу будетъ больно прикоснуться.

Многіе стрѣляютъ съ упора, положивъ

винтовку на край бруствера, придерживая ее снизу подъ шейкой приклада, чтобы только не отдавало.

Всѣ эти дни прошли въ жаркихъ перестрѣлкахъ.

Многимъ пришлось сдѣлать по нѣсколько сотъ выстрѣловъ... И эти толчки въ плечо, послѣ каждого выстрѣла, сначала совсѣмъ незамѣтные, такъ что, казалось, винтовка совсѣмъ не отдаетъ, вызывали теперь въ плечѣ боль, какъ будто отбиты были всѣ мускулы... Плечо саднило и ныло, уже отъ одного прикосновенія приклада.

Но нельзѧ было не стрѣлять.

Все ближе мелькаютъ синіе мундиры.

Маленькия фигурки перепрыгиваютъ черезъ рѣтвины, черезъ камни. Иногда ихъ затягиваевъ пылью и дымомъ когда между ними рвутся снаряды..

И тогда трудно разобрать, бѣжитъ ли непріятель назадъ, остановился ли, или продолжаетъ стремительно наступать... Маленькия фигурки видны смутно и неясно.

Но дымъ и пыль рѣдѣютъ.

Дымъ и пыль вмѣстѣ съ тѣмъ будто уходять назадъ, и изъ пыли выскаиваютъ опять все тѣ же маленькия синія фигурки.

Въ сердце закрадывается злоба...

И досадно, что спускъ подъ скобой винтовки сначала нужно довести пальцемъ до „отказа“ и потомъ уже нажать на спускъ... Порывисто дергаетъ палецъ за спускъ.

„Вотъ тебѣ! На! Щь!“

— Щь!—дѣйствительно, бѣшено кричитъ кто-то въ окопѣ.

Слышно, какъ рекошетируютъ пули, выпущенные паскоро, какъ пошло, шлепнувшись гдѣ-нибудь о камень въ нѣсколькихъ шагахъ впереди и потомъ съ тоненькимъ жужжаціемъ искомъ уносящіяся въ сторону.

Впереди громовой взрывъ.

Опять синія фигурки затянуло темно-желтой мутью...

Только переднія, ближайшія къ окону фигурки попрежнему ясно видны.

Видно, какъ офицеры обираются назадъ, слышно, какъ они кричатъ что-то, указывая на окопъ саблями.. Пригнувшись, выскакиваютъ изъ дыма и пыли, какъ-то теперь по-особенному, скачками, будто изъ дома, объятаго пламенемъ и готоваго сейчасъ рухнуть, синія фигурки.

Снарядъ угодилъ какъ разъ въ цѣль...

Словно въ кучу воробьевъ выстрѣлили изъ ружья дробью: въ рѣдѣющемъ дыму видно, какъ бются и, кувыркаясь, катятся съ камней убитые и раненые... Ихъ много.

— Пачками!

Голосъ у ротнаго окрѣпъ. Онъ словно подтянулся.

Крикнувъ, онъ вобралъ въ себя воздуху полной грудью и опять крикнулъ во весь голосъ, тараща глаза и отдувая щеки:

— Пачками!

Кажется, онъ хотѣлъ своимъ голосомъ усилить и безъ того бѣшеный огонь окопа.

Второй разъ ему не зачѣмъ было командовать: солдаты и такъ его хорошо слышали... Но онъ ужъ не могъ удержаться, чтобы не крикнуть, когда около него захлопали выстрѣлы.

Словно и правда, его голосъ имѣлъ силу убивать или, по крайней мѣрѣ, помочь убивать.

Врагъ ужъ совсѣмъ недалеко.

Теперь онъ сгрудился въ кучки.

— Банзай!...

Пока японцы бѣжали, какъ кому вздумается, вразышиную, карабкаясь по обрывамъ и камнямъ, это „банзай“ вспыхивало только временами, отрывисто, то тамъ, то тутъ, сейчасть же заглушаемое гуломъ орудій, трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ, грохотомъ взорвавшихся снарядовъ.

Будто огненные языки начинающагося пожара, высакивали среди шума бури и гасли заглушаемые этой бурей.

И опять вспыхивали, потому что та-же буря, заглушая ихъ въ одномъ мѣстѣ, раздувала въ другомъ..

Теперь отдельныя вспышки слились и вспыхнули сразу яркимъ огнемъ:

— Банзай!... Банзай-а-й!

Впереди одной изъ кучекъ бѣжалъ офицеръ, уже пожилой, съ сѣдой клочковатой бородкой, безъ фуражки, съ окровавленной щекой.

Бѣжалъ онъ, наклонившись впередъ, на-
гнувъ голову, прикрывая лѣвой рукой согну-
той въ локтѣ лобъ..

Въ правой руцѣ была сабля.

Онъ смотрѣлъ впередъ изъ-подъ руки и кричалъ что-то, должно-быть, тоже „банзай“, раскрывъ ротъ во всю ширину... Длинныя на-тянутыя морщины шли у него по щекамъ, по сторонамъ рта, загибаясь къ подбородку.

Непонятнымъ и страннымъ казалось, для чего онъ загораживалъ лобъ рукой. Будто онъ боялся, какъ бы пуля не попала непосредственно въ лобъ.

Будто рука могла защитить его от пули.

II.

Ротный командиръ, поднявъ лѣвую руку и согнувъ ее такъ, что уголъ локтя приходился почти какъ разъ противъ носа, положилъ на сгибъ локтя револьверъ и прицѣлился въ сѣдого офицера.

Странное дѣло! Онъ цѣлилъ съдому офицеру прямо въ верхнюю часть лица, въ лобъ.

Но его вдругъ словно что толкнуло.

Съдой офицеръ загораживалъ лобъ рукой. Онъ держалъ надъ лбомъ руку, какъ щитъ, будто и впрямъ отъ этого щита могла отскочить пуля!

Мгновенно онъ понизилъ револьверъ.

Будто его спугнула эта рука, закрывавшая любъ...

Онъ потянулъ за спускъ и выстрѣлилъ. Но японскій офицеръ былъ еще далеко. Во всякомъ случаѣ, нельзя по немъ было бить навѣрняка изъ револьвера.

Онъ промахнулся.

Онъ видѣлъ только, какъ сѣдой офицеръ мотнулъ головой въ сторону, переставъ кричать, о чёмъ, однако, можно было заключить только по тому, что онъ сомкнулъ ротъ...

Этотъ кивокъ головой въ сторону (пуля, должно-быть, свистнула близко около уха) у сѣдого офицера тоже, вѣроятно, вышелъ непроизвольно, какъ непроизвольно сопуриль онъ вдругъ глаза и, замявшись на секунду на мѣстѣ, качнулся всѣмъ корпусомъ назадъ.

И должно-быть, поймавъ себя въ этой слабости, сѣдой офицеръ, словно пришпоривъ себя, скакнулъ сразу впередъ, отнявъ отъ лба лѣвую руку и поднявъ ее надъ головой, и закричалъ опять, тряся надъ головой кистью руки.

И сразу, какъ онъ отдѣлился отъ своей кочки, сейчасъ же, казалось, и голосъ его тоже вырвался изъ общаго шума и крика.

— Банза-а-й!...

Казалось, нервная дробная судорога пробѣгаєтъ у него по лицу, или трясеется у него голова отъ натуги, отъ того, что онъ старается кричать свыше силь.

Будто его маленькое тѣлце не могло вмѣстить въ себѣ этого крика.

И въ эту минуту онъ показался необыкновенно противенъ ротному.

Онъ снова прицѣлился въ него.

Онъ не слышалъ своего выстрѣла.

Онъ видѣлъ только, какъ сѣдой офицеръ вдругъ присѣлъ и схватился рукой за ногу около колѣнки...

Потомъ сѣдой офицеръ сдѣлалъ попытку выпрямиться... Но, видно, рана была серіозна... Сѣдой офицеръ поднялъ руку съ саблей кверху, вытянувъ руку во всю длину и, остановивъ глаза на одномъ изъ пробѣгавшихъ мимо него солдатъ, опять открылъ ротъ во всю ширину, тряся въ воздухѣ своей саблей, какъ трясъ раныше въ воздухѣ кистью руки...

Потомъ его не стало видно...

Впередъ него сразу забѣжало нѣсколько человѣкъ.

Эти нѣсколько человѣкъ легли всѣ подъ выстрѣлами изъ окоповъ. Ихъ смѣнили бѣжавшіе еще дальше сзади, вслѣдъ за ними.

Нѣсколько разъ между бѣгущими, когда пули валили на землю то того, то другого мелькала фигура сѣдого офицера.

Онъ словно стоялъ на колѣняхъ на красномъ коврѣ...

Подъ нимъ была лужа крови...

Теперь онъ опирался лѣвой рукой о землю. Правая рука попрежнему была надъ головой...

Когда передъ нимъ и вокругъ него валились люди, умолкая навѣки, и крики „банзай“ въ эти мгновенія обрывались вдругъ въ

переднихъ рядахъ, его голосъ одинъ раздавался отчетливо и ясно, пронзительный, немножко визгливый и дребезжащий, будто въ горлѣ у него перекатывались металлические шарики, какъ въ костяномъ свисткѣ.

Пять или шесть человѣкъ, добѣжавшихъ до окоповъ, были тутъ же заколоты...

Пространство между окопомъ и атакующими мало-по-малу заполнялось трупами...

А сѣдой офицеръ, стоя на своемъ кровавомъ коврѣ, продолжалъ выкрикивать, провожая глазами пробѣгавшихъ мимо и оглядываясь назадъ, когда пробѣгавшіе оказывались впереди:

— Банзай!... Банзай...

Но назади уже дрогнули.

Какъ вздрагиваетъ иногда одинъ человѣкъ, такъ дрогнули эти многія сотни сразу, неожиданно.

Будто самъ страхъ, до сихъ поръ скрывавшійся гдѣ-то, показался и крикнулъ свою команду:

— Стой! Назадъ!

Но отдѣлившіеся отъ общей массы, эти смѣльчаки или глухіе или слѣпые не слышали голоса страха... Они продолжали бѣжать впередъ вразсыпную, отдѣляемые другъ отъ друга трупами выбитыхъ изъ строя товарищѣй, спотыкаясь на эти трупы, перескакивая черезъ нихъ...

Можетъ-быть, ихъ вдохновлялъ сѣдой офицеръ?

Вонъ онъ... Ужъ охрипъ, а кричить.

— Ваше скородіе, дайтє я его...

Ротный чуть-чуть подвинулся.

Мимо него, между нимъ и краемъ бруствера, согнувъ спину и втаптывая въ магазинъ винтовки новую обойму, быстро переставляя согнутыя ноги, скользнулъ рядовой Орефьевъ.

Потомъ онъ медленно выпрямилъ спину.

— Вонъ онъ... Ишь...

Онъ поднялъ винтовку...

Но сейчасъ же онъ опустилъ винтову... Все пространство передъ окономъ было полно труповъ.

Правда, нѣсколько смѣльчаковъ, запавъ за камнями стрѣляли оттуда по окопу... Но эти ужъ не въ счетъ. Главныя силы отходили.

Посреди труповъ стоялъ сѣдой офицеръ. И онъ тоже уgomонился. Ужъ онъ не кричалъ больше. Голова повисла, сабля выскользнула изъ руки.

Можетъ-быть, пока Орефьевъ заряжалъ винтовку, его пристрѣлили; можетъ - быть, онъ просто ослабъ; можетъ-быть, истекъ кровью.

— Сдохъ! — сказалъ Орефьевъ и потомъ повернулся къ товарищамъ и кивнулъ головой въ сторону неподвижной, казалось, замерзшей фигуры:— Гляди-ка... Какъ живой...

Кое-кто высунулся изъ окона.

Послышились замѣчанія:

— Пра, какъ живой...

— Уходился.

III.

Непріятель скрылся въ своихъ окопахъ.

Японцамъ удалось захватить съ собой не всѣхъ раненыхъ.

Нѣкоторые изъ нихъ теперь подымались среди неподвижныхъ мертвыхъ тѣлъ и сами тащились въ свою сторону...

Казалось, это подымались мертвые.

Пять или шесть фігуръ пробираются медленно между трупами, молча, выбирая только мѣста, гдѣ посвободнѣй итти. Каждый занятъ самимъ собой, и кажется, никому нѣть дѣла до другого.. Будто они не видять и не замѣчаютъ другъ друга.

Изрѣдка слышится стонъ.

Изрѣдка то одинъ, то другой останавливаются, поднимаютъ голову и вглядываются впередъ туда, гдѣ ихъ окопы...

Можетъ-быть, они прикидываютъ на глазъ разстояніе: долго ли еще итти.

А сѣдой офицеръ все неподвиженъ.

Видно, онъ ужъ покончилъ счеты съ жизнью...

Ужъ далеко ушли тѣ пятеро или шестеро. Кругомъ покой и безмолвіе...

Но трупы отъ времени до времени продолжаютъ шевелиться, то тамъ, то тутъ, встаютъ и плетутся вслѣдъ раныше ожившимъ трунамъ.

Странно и жутко.

Въ русскихъ окопахъ тихо. Тихо и въ японскихъ окопахъ..

— Орефьевъ!

— Ну?

— А гляди, твой-то.

Стоящій рядомъ съ Орефьевымъ солдатъ толкаетъ его локтемъ и киваетъ головой въ сторону съдого офицера.

— Чего мой?

Орефьевъ даже будто обидѣлся. Брови у него сдвинулись, говорить онъ грубо, отрывисто, отдувая щеки, будто говорить внутрь себя.

Голосъ звучить глухо.

— Офицеръ-то?

— Какой офицеръ!

— А вонъ...

И солдатъ опять киваетъ на съдого офицера.

— Быдто живъ.

Орефьевъ быстро обворачивается.

Все также неподвиженъ съдой офицеръ. И товарищу Орефьева кажется, что онъ ошибся.

— Н-нѣ,—говорить онъ,—это вѣтеръ.

— Вонъ еще одинъ поднялся, — раздается около.

Орефьевъ снова повернулся къ товарищу.

— Почему мой?

Такъ же глухо звучить его голосъ, по-прежнему сдвинуты брови такъ же отдуваетъ онъ щеки.

— Ай, не ты?.. Ну-ну, то-то... А я думалъ.

— Енъ мертвый,—вмѣшиваются въ разговоръ третій солдатъ, круголицій, съ короткимъ тупымъ носомъ, въ веснушкахъ, съ

рыжими, на темени почти красными волосами.

Солдатъ только что разговаривавшій съ Орефьевымъ, поворачивается къ нему и спрашиваетъ глухо, какъ Орефьевъ:

— Чего?

— Мертвый єнъ...

— Офицеръ-то!

— Офицеръ...

Солдатъ нагнулся, и нашарилъ подъ ногами и поднялъ небольшой камешекъ.

— Живой!

Онъ встряхивалъ на рукъ камушекъ, поглядывая то на Орефьева, то на стоявшаго съ нимъ солдата,

Тѣ промолчали.

Тогда солдатъ развернулся и кинулъ въ сѣдого офицера...

Камешекъ былъ илоскій, плиткой. Когда бросилъ его солдатъ, онъ сначала взвился кверху, потомъ скользнулъ по воздуху въ сторону и внизъ и прямо попалъ въ сѣдого офицера.

Тотъ вздрогнулъ и медленно поднялъ вѣки. Казалось, это открыть вѣки трупъ.

Взглядъ былъ мутный и тусклый.

Вѣки сейчасъ же опять смыгнулись.. Потомъ поднялись снова. Они будто отяжелѣли и сами наплывали на глаза... Медленно, тоже съ трудомъ поднялъ онъ голову.

Рыжій солдатъ крѣпко схватилъ Орефьева за руку.

— Гляди!

Почти ужась изобразился у него на лицѣ. Онъ еще крѣпче сдавилъ Орефьеву руку...

Онъ только и сказалъ это одно слово „гляди“ и потомъ затихъ, остановивъ неподвижный взглядъ на сѣдомъ офицерѣ.

А около сѣдого офицера изъ груды наваленныхъ вокругъ него труповъ, не позволившихъ ему упасть, поднялась коротко остриженная, на тонкой длинной шеѣ, съ темнымъ лицомъ голова и повела вокругъ такими же мутными, какъ у офицера, глазами.

— Господи! да что же они не шлютъ санитаровъ! — крикнулъ ротный.

Казалось теперь, онъ самъ былъ раненъ и жестоко страдаетъ отъ раны, и это именно ему самому нужны были санитары.

Черная, стриженная голова на тонкой шеѣ повела вверхъ, стиснувъ зубы. Ярко бѣлѣли эти зубы между, какъ судорогой, растянутыхъ губъ.

Выпростались плечи, потомъ показалась спина... Медленно раненый выпрашивался изъ-подъ придавившихъ его двухъ труповъ.

Наконецъ, онъ поднялся..

Также медленно двигаясь, такъ, будто разминалъ ноги, подошелъ онъ къ сѣдому офицеру...

Онъ тоже былъ раненъ въ ногу.

Рана могла быть и пустячной, судя по тому, какъ онъ переставлялъ ноги, но его могли смять въ общей сумятицѣ.

Онъ заговорилъ съ офицеромъ.

По тотъ въ отвѣтъ только поднямалъ и опускалъ вѣки, какъ спросонья, и слабо подвѣдилъ головой.

Тогда онъ, опять какъ раныше, когда выбирался изъ-подъ труповъ, стиснувъ зубы и растянувъ губы такъ, что даже десны обнажились, попробовалъ его поднять.

Ему это удалось...

Онъ охватилъ офицера за талію, закинувъ его руку себѣ за шею, и повелъ его, похрамывая на лѣвую ногу.

Минутами онъ останавливался и заглядывалъ въ лицо офицеру. Потомъ шелъ дальше...

Въ оконѣ заговорили вполголоса, глухо, какъ подъ землей:

- Не дойдуть...
- Ни въ жисть...
- Тотъ-то ничего...
- Старичокъ-то... плохъ отъ .
- А все рижій...

Рижій наклонился, нагнулся, какъ въ тотъ разъ, схватилъ съ земли опять камешекъ и показалъ его Орефьеву.

— Ты видѣлъ?.. Вотъ этакіе...

Закусивъ нижнюю губу, онъ нагнулся на-пружилъ плечи и переломилъ камешекъ между пальцами.

Потомъ поднялъ голову.

— Вотъ онъ...

Онъ показалъ Орефьеву обѣ половинки.

— Развѣ я зналъ,—сказалъ онъ...

Черезъ секунду онъ воскликнулъ вполголоса, вздернувъ плечи:

— Ахъ ты, Господи!...

— Опять стали,— послышался голосъ.

Рыжій солдатъ сѣлъ на землю на корточки, сунулъ руки между колѣнами и стала тереть ладони—ладонь о ладонь, качая головой изъ стороны въ сторону.

Вдругъ онъ вскочилъ.

— Сталі!...

Ему ничего не отвѣтили.

— Ничего... Опять идутъ,— слышится прежній голосъ.

— Ахъ, ты Господи! ахъ, ты Господи!— шепчетъ рыжій солдатъ, опустивъ руки вдоль тѣла и быстро перебирая пальцами...

Всѣ смотрѣли вслѣдъ раненымъ. Никто не замѣтилъ какъ рыжій солдатъ побѣжалъ вдоль траншеи...

Затѣмъ его увидѣли бѣгущимъ безъ ружья къ непріятельскимъ окопамъ, нагнавъ раненыхъ, онъ взвалилъ сѣдого офицера къ себѣ на плечи и быстро запагалъ дальне...

Онъ передалъ сѣдого офицера прямо въ руки японцевъ, затѣмъ бѣгомъ вернулся къ своимъ.

— Я думалъ, какъ подбѣгъ,— рассказывалъ онъ,— стрѣлять стапутъ. Да... либо сейчасъ, недолго думавши, подъ караулъ... Горячка-то прошла. Одначе ничего... То-есть ни то что—ничуть ничего!...

Ему на это замѣтили:

— Очумѣли...

Сказки о жизни.

I.

— Сорокинъ, а Сорокинъ!

— Ну?—отклинулся Сорокинъ изъ другого угла землянки.

Въ землянкѣ было темно. Сорокинъ только что закурилъ трубку. Слышно было какъ онъ раскуривалъ ее; трубка сопѣла и хрипѣла.

Сорокинъ былъ въ шинели.

Сидѣлъ онъ прямо на полу, прислонившись къ стѣнкѣ землянки, растопыривъ высоко почти въ уровень съ грудью поднятыя колѣни и запахнувъ на колѣняхъ полы шинели.

Его фигура то выступала изъ мрака смутно и неясно, когда табакъ въ трубкѣ разгорался, бросая красноватый отблескъ на его колѣни, усы, губы, конецъ носа и руку, державшую трубку, то снова совсѣмъ сливалась съ тьмой, когда трубка начинала примеркаться, и огонекъ трубки затягивало чернымъ, какъ уголь, налетомъ.

— Сорокинъ, расскажи...

Сорокинъ крякнулъ.

Онъ опять промолчалъ... Должно-быть табакъ въ трубкѣ у него разгорался плохо.

Навѣрное онъ былъ сырой... Вотъ-вотъ онъ всыхнетъ ярко, какъ рубинъ, и въ красноватомъ его отблескѣ сверкнетъ бляха на поясѣ Сорокина съ изображенной на ней пылающей бомбой. (Поясъ Сорокинъ снялъ и повѣсили его поперекъ колѣнки).

И сейчасъ же трубка опять гаснетъ. Фигура Сорокина отодвигается въ тьму. Только пока еще чуть-чуть блеститъ бляха.

Опять хринить и сопить трубка. Искры летятъ изъ нея и гаснутъ. Что-то клокочеть въ трубкѣ, будто въ чубукѣ набралась вода.

Снова разгорается трубка, освѣща опять бляху, шинель на груди и колѣняхъ, округлившіяся, отдувшіяся щеки и вытаращившіеся напряженно, немигающіе глаза.

Наконецъ, Сорокинъ раскурилъ трубку.

— Сорокинъ! — слышится другой голосъ и въ другомъ мѣстѣ землянки.

Сорокина окликнули только два раза и потомъ ужъ не тревожили его до тѣхъ поръ, пока онъ не справился съ трубкой.

Теперь въ землянкѣ заговорили.

— Раскурилъ?.. А? Сорокинъ!

Слышится, какъ кто-то зѣвнулъ и потянулся и затѣмъ, кажется, этотъ же самыи, что потянулся, говорить:

— У насъ баринъ, такъ сейчасъ... Коробка у него этакая была жестяная изъ-подъ конфетъ. Табакъ тамъ... Да... Такъ онъ, какъ ежели сухой табакъ, сейчасъ туда картошку... Сырую картошку... Нарѣжеть и сейчасъ — въ

табакъ. Ей Богу... Петровъ!—окликнулъ онъ сосѣда.

Слышится шорохъ. Разсказывавшій про картошку, вѣроятно, повернулся.

— Это ты, Петровъ?.. Ей Богу... Тѣмъ и спасался—картошкой.

— Тебѣ про сырой, а ты про сухой,—говорить Петровъ.

— А я договорились?

Петровъ молчалъ.

— Я могу и про сырой...

Но голосъ у него становится тихій... Голосъ словно уходитъ въ грудь. Словно сорвавшіяся съ губъ слова испугались, что сорвались и замялись на мѣстѣ...

Однако онъ повторяетъ, откашлявшись, будто у него что-то застряло въ горлѣ:

— Могу...

И громко обращается къ Сорокину.

— Сорокинъ!.. раскуриль?

— Раскуриль... Ну?..—отрывисто говорить Сорокинъ.

— То-то... а ты бы я...

Онъ кашляетъ въ ладонь тихо и осторожно.

— Разскажи, Сорокинъ, — слышится еще голосъ.

— Погоди,—говорить Сорокинъ.

Хрипить и клокочетъ его трубка...

— Погоди...

Слышно, что говорить онъ, не вынимая изо рта трубки.

Потомъ онъ вынимаетъ трубку.

— Чего разсказать?

Новый голосъ:

— Ужъ давно не рассказывалъ, Сорокинъ...

— Чего?..

Въ землянкѣ много народа. Только сейчасть никого не видать. Въ землянкѣ темно.

Только чуть-чуть блеститъ огонекъ въ трубкѣ. Трубка ужъ наполовину прогорѣла.

Отчаянно хрипить она и скворчить, какъ паровозъ, только что прибывшій изъ далекаго пути на станцію, исхарчившій въ дорогѣ почти весь запасъ угля.

— Завтра письмо написать надо,— говоритъ кто-то и умолкаетъ.

— Домой?

— Къ брату...

— Это что въ Одесѣ?

— Да...

Опять тихо...

И опять голосъ:

— Сорокинъ!

— Разсказать?—откликается Сорокинъ.

Снова слышенъ шорохъ и потомъ вздохъ:

— Охъ, Господи, Господи!

— Ты чего?—тихо въ наступившей вдругъ почему-то тишинѣ всыхиваетъ вопросъ.

— Такъ...

— Вонъ попроси Сорокина.

— Разскажи, Сорокинъ! — раздается сразу нѣсколько голосовъ.

Сорокинъ начинаетъ выколачивать о каблукѣ

трубку. Тусклыя искры сыплются на поль землянки. Глухо стучить о каблукъ трубка.

— Безпремънно надо написать, — несется откуда-то изъ глубины землянки шопотъ.

— Къ брату?

— Да.

— Что въ Одестѣ?

— Да въ Одестѣ...

— Ну, ладно,—раздается голосъ Сорокина. Трубка не стучить болыше. Шопотъ стихъ. Совсѣмъ тихо въ землякѣ.

Сорокинъ начинаеть разсказывать.

II.

„Конечно, вы сами, небось, знаете, какъ это водится... Вонъ я видѣлъ у ихъ благородія— бонба не бонба, котель не котель— съ трубкой... А скорѣй всего, что бонба...

Потому, для чего въ котлѣ трубка?

И сидить на бонбѣ этакій... Опять же, какъ сказать... Ни баба и ни то, чтобы ки-таець—ни Боже мой... А—коса...

И въ косѣ лента.

И — румяный, румяный, какъ съ мороза. Да... Летить на бонбѣ...

Изъ пушки, значитъ, выстрѣлили, и онъ ле-тить. Прямо какъ въ сѣдлѣ. И за трубку руками держится.

Я было это... Подошелъ это поближе, ко- нечно, чтобы не шумѣть... Отвернуль страницу. Думаю:

„Небось тамъ сказано“.

Люблю я это... Сразу думаю:

„Что такое?“

Конечно—сказка... А только опять же: какъ это на бонбъ? Бонба—она горячая... А штанышки у него тоненькие — тоненькие, сразу видно.

Да, подошелъ... думаю:

„Что за книга?“

А они и вотъ они—господинъ Федоровъ.

Слышу шпоры звенять... Конечно, сейчас къ двери.

Да это я не къ тому. А такъ вообще. Вонъ писарь говорить: фантазія,—говорить,—у тебя Сорокинъ...

И сейчас пальцемъ въ лобъ—щелкъ.

Говорить:

„Электричество...“

Да... Бонба, думаю—хорошо. Чего лучшее? Сейчас сѣль и сейчас—мое почтенье!

Вонъ ужъ гдѣ—покуда тебя и видѣли...

Однако, опять же думаю:

„Ну, бонба; ну, хорошо. А далеко она хватить?“

Тутъ и запятая. Чуете! И какъ если разобратъ какъ слѣдуетъ, и ну тебя къ Богу совсѣмъ и съ твоей бонбой!

Ну, пять верстъ, ну, шесть, ну, двѣнадцать...

А не хотите ли сто? А не хотите ли тысячу?..

Э, нѣтъ, баринъ съ косой...

А онъ—съ косой, только не китаецъ. Ей Богу.

И опять же и то взять въ толкъ. Куда мнѣ надо? мнѣ надо въ деревню.

И вотъ вы и посудите... Деревня это, рѣчка, гуси плаваютъ, церковь. Ребята на выгонѣ—все какъ слѣдуетъ... И тутъ мое почтѣніе—бонба, а на бонбѣ—я...

Первое что—переполохъ, а второе—не повѣрять. Конечно, не повѣрять.

— Врѣть! Глаза отводить...

И сейчасъ, только что ты, слава тебѣ Господи, слѣзъ...

— Ахъ, дескать, господа старички...

— А тебя къ становому!

А тамъ ужъ разговоръ коротокъ.

Сейчасъ:

— Гдѣ взялъ?

Вотъ ты тутъ и вертись передъ нимъ.

— Сокралъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Да развѣ онъ повѣритъ! Ни за что не повѣритъ. Ни въ жисть—хоть подъ присягу.

Сейчасъ:

— Сотскій, десятскій!

Въ холодную.

Вотъ тебѣ и бонба, вотъ тебѣ и Сорокинъ!

— Я, дескать, изъ Артура.

— Чего?..

Знаете: ѣтакъ брови, ѣтакъ глаза — какъ быкъ.

— Чего?..

— Артиллеристъ, дескать, я.

въ портъ-артуръ.

— Я тебѣ дамъ, артиллеристъ! Письмоводитель!

Тотъ, конечно, выскочилъ. Какъ козликъ...

— Бе-бе-бе, бе-бе-бе!

Вертъ, вертъ — за столъ. Послюнилъ перо, подвинулъ бумагу.

Пошла писать!

И сейчасъ тебя, раба божьяго, сначала въ протоколь, а потомъ въ холодную.

— Сиди!

Вотъ я думаю:

„Богъ съ ней. Съ бопбой“...

Думалъ, думалъ:

„Кого?“

И тутъ сейчасъ въ ухо:

„Меня!..“

Тоненькимъ этакимъ голоскомъ.

Оглянулся, — никого.

Господи Иисусе Христе!..

А онъ:

— Не пужай...

Потому что, конечно, это ему все равно, что въ горячую воду опустить.

Да...

— Не пужай...

Тутъ я и спятилъ.

Стой, думаю... И сейчасъ это рукой, рукой назадъ... А самъ чую: царапается по мнѣ это-то, все равно какъ котенокъ... Да... рукой, — рукой, это значитъ... хватъ... Смотрю — хвостъ. Хорошо... Значить, я его за хвостъ...

Давай тянуть, давай тянуть... А хвостъ-то длинный, можетъ, въ аришинъ... Такъ я его — самъ тяну, а самъ на палецъ паматываю. И чую, что теплый.

А онъ это царапъ — царапъ по спинѣ — лапами за мундиръ хватается.

Ахъ ты, чтобъ тебя!...

Ей Богу... Вотъ и сейчасъ на спинѣ въ двухъ мѣстахъ разодрано. Тянуль — тянуль... Стасицъ.

Стасицъ, а онъ — брыкъ внизъ головой. Такъ и повисъ на пальцѣ. Какъ обезьяна. Кривляется. Вертѣлся — вертѣлся...

— Служивый...

— Чего?

А самъ это знаете, подальше — подальше его отъ штановъ, потому что вижу — такъ и норовить либо въ карманъ, либо такъ въ штаны вѣпиться.

Да...

— Чего?

— Я, говорить, буду тебѣ служить вѣрой и правдой, только у меня этакъ можетъ быть приливъ крови. Ослобони, — говоритъ.

„Ага!“ думаю.

А онъ опять:

— Ослобони...

И все это лапами, все лапами... Такъ и норовить за штаны.

Думалъ я думалъ... Для чего онъ мнѣ... Малъ очень. Сѣсть на него — что отъ него останется?

А онъ:

— Могу!

— Что,— спрашиваю,— можешь?

— Все могу.

— И въ деревню можешь?

— Куда угодно.

И вотъ же, какой каналъ!

— Ты,— говорить,— такой-то губерній, уѣзда такого-то, такой-то волости.

Все рассказалъ.

Ну, я сейчасъ присѣлъ; сталъ онъ на ножкѣ, копытцами — топъ-топъ. Потомъ, стряхнулся.

А я... портной одинъ научилъ... у меня и сейчасъ онъ въ карманѣ — мѣль. Вынуль мѣль... Да... Крестъ ему на спину!

Взялъ и поставилъ...

Такъ что же вы думаете! Весь такъ и перегнулся. Все равно какъ огнемъ его жигануло.

„Ай да портной“, думаю.

И вижу, сталъ онъ рость — рость... Рось — рось... Лохматый сталъ. На лбу рога... Самъ растетъ, и хвостъ растетъ тоже. А хвостъ-то у меня въ рукѣ.

Чую, распираетъ мнѣ пальцы... Прямо какъ надулся.

Тутъ я не долго думавши — къ нему на плечи да за рога. Да его колѣнками подъ пузо. Окорячилъ.

— Служивый...

— Нѣтъ,—говорю,—не служивый теперь я тебе!

— А какъ?

— А называй,—говорю меня, — ваше благородіе.

Потому что думаю: вѣдь онъ чортъ. Чего съ нимъ? Да...

— Куда,—спрашиваетъ,—прикажете, ваше благородіе? Въ деревню?

— Въ деревню, говорю.

Какъ скакнетъ онъ!.. Какъ попель, какъ иошелъ... Куда тебѣ бонба! Только въ ушахъ свистить. Прямо по воздуху. Какъ птица!

III.

Ну, стало-быть, летимъ... да... Гляну внизъ—ажъ голова кружится,—до того высоко.

А ничего, все хорошо видно.

Китайцы это, значитъ, чай пьютъ, косы заплетаютъ, японцы—какіе рисъ сажаютъ, какіе на плацу: разъ-два, разъ-два... Лѣвой... лѣвой!... Кру-гомъ!..—строго учатся, словесность проходятъ:

— Кто у насъ царь?

— Микада!

Какой, конечно, правильно говорить, какой совреть.

— Кто царь?

А онъ—лупъ-лупъ глазами.

Сейчасъ ему въ морду—разъ...

Все какъ слѣдуетъ.

Хорошо. Дальше, большие... Хунхузы пошли...
Пустопорожнія мѣста... А то и такъ—ничего
не видно, одна темь... Гляжу потомъ—дорога.
Паровозы свистятъ, колеса стучать: дыръ-
дыръ-дыръ, дыръ-дыръ-дыръ.

Гляжу—нашихъ везутъ.

Сидятъ себѣ, голубчики, ножки свѣсили.

Кричу:

— Не робѣй, ребята!

А они:

— Гляди, гляди!...

Вижу шапки долой, крестятся.

Ахъ,—думаю,—да вѣдь я на чортъ...

Однакче—ничего. Богъ пронесъ. Думаю,
какой еще изъ ружья пустить. Нѣть, ничего,
все благополучно...

Дальше, значитъ. Байкалъ перелетѣли...
Глянуль внизъ—рыбы видимо - невидимо—
стадами ходить. Сомы, осетры, бѣлуга.

Эй,—думаю,—намъ бы это теперь, да на сковородку, да съ маслицемъ. И въ прокъ посолить можно... Насушить тоже.

А она... Поди... Смѣется... Ей Богу. Т.-е.
рыба.

Выставилась изъ воды:

— Гы-гы-гы, гы-гы-гы...

Какъ человѣкъ.

Плюнуль я... Дальше!

Вижу... Господи Боже мой!... Ужъ и дома...

Этакъ лѣсокъ, этакъ стадо ходить...

Я сейчас въ лѣсокъ... Спустился... Слѣзъ съ чорта.

— Ну,—говорю,—какъ теперь быть?

— А очень,—говорить,—просто.

И сейчасъ—хлопъ... Опять маленькой сталъ. Меньше котенка.

— Въ карманъ,—говоритъ,—можно?

— А щекотать не будешь?

Думаю:

„Въ самомъ дѣлѣ завозится — щекотно...“

Да...

— Не будешь?

— Никакъ нѣтъ.

— Ну, садись!

Подставилъ ему карманъ. Бацъ... Смотрю ужъ въ карманѣ. Пошелъ я. Конечно, карманъ немного оттопырился, однако пошелъ. Думаю, въ случаѣ ежели спросятъ, скажу, ки-сеть съ табакомъ.

Вышелъ, значитъ, изъ лѣсу, тутъ сейчасъ дорога. Пылица—страсть. Только вѣтра нѣту. Тихо. Направо—рожь, налево—гречиха. Въ цвѣту вся... бѣлая-бѣлая. Осьминикъ такъ или полдесятины. Пчелы надѣй ней.

— Гу-у-у...

Гудутъ... Жаворонки это:

— Чиви-чиви...

Поютъ. А кругомъ тихо-тихо. Лежить на дорогѣ пыль—такъ и лежить; ни вѣтеръ ее, ничего.

Слыши: громыхъ, громыхъ...

— Но-о!

Бдеть кто-то.

Остановился. Смотрю — батюшка... Шляпа
это соломенная, ряса парусиновая... Зонтик
между колънями. Огромадный зонтик: раз-
верни — прямо палатка... Самъ править.

Увидѣлъ меня...

— Тпру!

Дернулъ за лѣвую вожжу, свернулъ не-
много въ сторону, самъ перегнулся на мою
сторону съ телѣжки... Этаѣ руку къ глазамъ...
Прищурился... смотреть.

— Сорокинъ, ты?

— Я-съ, — говорю. — Хлѣба изволили вы-
ѣхать поглядѣть?

— Да, — говорить.

И вижу порылся, порылся въ карманѣ, вы-
тащилъ изъ кармана пучочекъ.

Смотрю — гречиха...

— У меня, — говорить, — ранняя.

— Дозвольте, — говорю.

Гляжу, — и то. Совсѣмъ почти готова, хоть
коси.

— Ну, — говорить, — прощай, Сорокинъ!

Опять поставилъ лошадь, какъ надо, за-
дергалъ вожжами.

— Но!

Громыхъ — громыхъ. Поѣхалъ дальше.

И я тоже дальше пошелъ.

Выхожу на лугъ. Вижу сѣно ворошатъ.
Бабы это, дѣвки.

Пѣсни поютъ. Далеко слышно...

Навстрѣчу возъ єдетъ. На возу мальчонка сидитъ въ одной рубашонкѣ.

Мужикъ идетъ около воза съ граблями. За возомъ жеребенокъ бѣжитъ першавый, першавый... Пылитъ, окаянный, а самъ:

— Э-ге-ге-ге...

Такъ и звенить на весь лугъ.

Слышу:

— Сорокинъ!

Скрипѣль—скрипѣль возъ, остановился... Жеребенокъ сейчасъ къ матери подъ пузо... Дрыгъ-дрыгъ хвостомъ. Хвостикъ - то вотъ этакій... Свалился весь.

— Сорокинъ!

Гляжу, нашъ же мужикъ.

— Здравствуй.

— Здравствуй!

А жарко... Жарко такъ, что просто страсть.

— Ну, и денекъ!—говорю.

— Да,—говорить,—хорошій денекъ.

— Только косить.

— Ужъ, — говорить, — и скосили и про-
супили.

Вонъ какъ! Молодцы ребята. Да... Ну, тоже:

— Прощай!

— Прощай!

Дальше пошелъ. Вышелъ на выгонъ... Гуси это сидятъ по берегу около рѣчки. Изъ воды бѣлый камень виденъ. Баба стоитъ въ водѣ, подоткнувшись, около камня; бѣлье пральни-
комъ на камнѣ колотить.

„Стукъ - стукъ, стукъ - стукъ...“—только и

всего. Все равно, какъ кто верхомъ ѿдеть. Ничего больше не слышно.

— Эй, тетка!

Гляжу перестала колотить, вылѣзла на берегъ, заслонилась отъ солнца...

Съ пральника вода течеть, ноги голыя, руки голыя; изъ-подъ платка волосы выбились.

Гляжу, моя жъ баба и есть...

— Гдѣ былъ?

— Къ барину ходилъ, насчетъ осинокъ...

— Ну!...

Махнула рукой подъ носомъ... Ну, знаете, такъ вообще. Что у ней носовой платокъ что-ль! Поправила платокъ, заправила волосы за уши.

— Позволилъ?

— Позволилъ... Тоже насчетъ овса говорилъ... Скосить и связать...

Оглушительный взрывъ...

Солдаты выскакиваютъ изъ землянки и бѣгутъ къ орудіямъ.

Оказывается, японцы въ ночной тымъ подобрались почти къ самымъ окопамъ и наткнулись на мину.

Сверкаютъ лучи прожекторовъ.

Видно, какъ непріятель бѣжитъ назадъ.

— Эхъ-ма, да не дома, — говоритъ одинъ изъ слушателей Сорокина и пускаеть вслѣдъ японцамъ гранату.

Фантазія у Сорокина неистощима. Но всѣ его рассказы непремѣнно вертятся около одного... Съ разными вариантами онъ постоянно

рассказываетъ все объ одномъ и томъ же: какъ онъ то верхомъ на чортѣ, то по вѣтру, то еще новымъ какимъ способомъ леталъ домой.

Со стороны могло даже, пожалуй, показаться, какъ это Сорокину не надоѣсть говорить вѣчно объ одномъ и томъ же, а его слушателямъ— почти умолять его разсказать чуть не въ двадцатый разъ объ этомъ одномъ и томъ же.

Чемоданъ съ деньгами.

I.

— Есть свободные номера?

Василій Никитичъ всталъ со скамейки, стряхивая съ красной съ бѣлыми городками рубашки скорлупу отъ сѣмечекъ и въ то же время вглядываясь пристально прищуренными глазами въ лица двухъ молодыхъ людей, въ резиновыхъ плащахъ съ поднятыми капюшонами, и отвѣтилъ съ заминкой:

— Нумера?.. Нумера есть...

Глаза его совсѣмъ сузились; зрачки почти скрылись подъ вѣками и блестѣли между рѣсницами, какъ двѣ маленькия-маленькия искорки.

Вдругъ онъ словно опомнился.

— Какъ же, есть! Пожалуйте.

И, повернувшись, подошелъ къ двустворчатой двери, ведшой въ номера.

Взявшись рукой за скобку двери, онъ помедлилъ секунду, словно раздумывая о чѣмъ-то, потомъ потянулъ скобку къ себѣ.

Одна половина двери отворилась съ пронзительнымъ визгомъ; что-то забултыхало и застукало внутри притолоки. На мгновеніе изъ номеровъ, должно-быть, изъ поварской,

донесся дробный стукъ ножа по доскѣ или по столу.

— Входите.

Василій Никитичъ посторонился, придерживая дверь спиной и руками.

Теперь онъ глядѣлъ во всѣ глаза на новыхъ своихъ квартиронтовъ. Они взбирались мимо него вверхъ по ступенькамъ, придерживая плащи. У одного Василій Никитичъ замѣтилъ подъ плащомъ ручной чемоданъ.

Лѣстница въ номерахъ была крутая и узкая съ перилами, выкрашенными въ черную краску, съ темно-краснымъ половикомъ, прибитымъ къ ступенькамъ наглухо. На нижнихъ ступенькахъ, отъ нанесенной на сапогахъ съ улицы грязи, половикъ былъ, какъ мокрая кожа, склизкій и липкій. Всюду по лѣстницѣ валялись папиросные окурки, обгорѣлые спички. Какія-то жирныя, темныя пятна проступали по половику. На одной изъ верхнихъ ступенекъ прилипъ кружочекъ лимона, и тутъ же лежала раздавленная пустая папиросная коробка и пустой разорванный конвертъ съ грязнымъ слѣдомъ каблука.

Пропустивъ молодыхъ людей впередъ ступеньки на три, Василій Никитичъ отслонился отъ двери и пошелъ вслѣдъ за ними.

Опять заскрипѣла дверь, опять забулыхало и застукало внутри притолоки; слышно было, какъ визжитъ блокъ; потомъ что-то глухо и отрывисто громыхнуло объ полъ внизу притолоки.

Теперь по лѣстницѣ раздавался только скрипъ сапогъ Василія Никитича да шуршанье резиновыхъ плащей. Вверху лѣстницы, на площадкѣ, молодые люди остановились. Одинъ откинулъ капюшонъ. Тотъ, у которого былъ чемоданъ, поставилъ чемоданъ на поль и повернулся къ Василію Никитичу. Его взглядъ прямо встрѣтился со взглядомъ Василія Никитича.

— Направо! — крикнулъ Василій Никитичъ немногого запыхавшимся голосомъ.

Онъ торопливо поднимался по лѣстницѣ, опираясь правой рукой о перила и показывая изъ-подъ рубахи поперемѣнно то правую, то лѣвую колѣнку. Онъ былъ въ синихъ штанахъ; на колѣнкахъ птаны выцвѣли, стали изъ синихъ почти бѣлыми, и когда онъ, откинувшись корпусомъ назадъ, переставлялъ по ступенькамъ ноги, выворачивая ихъ какъ-то странно, точно ноги спѣшили сами собой вверхъ, а грузное короткое тулowiще оттягивало назадъ внизъ, — эти бѣлые пятна выдѣлялись рѣзко на его темной фігурѣ и на общемъ темномъ фонѣ лѣстницы.

Голова Василія Никитича была поднята, густая рыжая борода выставлялась впередъ. Сверху изъ-за бороды видны были только его ноздри, брови да лобъ.

Съ площадки направо вела дверь съ мутными стеклами, защищенными переплетомъ изъ мѣдныхъ прутьевъ. Молодой человѣкъ, не имѣвшій съ собой никакихъ вещей, отво-

риль дверь. Его товарищъ опять взялъ чемоданъ, теперь уже не въ правую, а въ лѣвую руку, и оба они взошли въ коридоръ, длинный и мрачный, освѣщенный только однимъ окномъ въ самомъ концѣ.

Тутъ они снова остановились.

Въ коридорѣ было совсѣмъ тихо. Но черезъ секунду откуда-то донеслось тиканье большихъ стѣнныхъ часовъ и вслѣдъ за тѣмъ ихъ протяжное хрипѣніе. Потомъ часы стали бить. Удали разъ, дребезжа на весь коридоръ, затихли на мгновеніе, захрипѣли опять... Долго хрипѣли. Второй ударъ... Точно тонкія желѣзныя полосы одну на другую бросали въ желѣзной лавкѣ.

Коридорная дверь скрипнула.

— Пожалуйте-съ... Номеръ двадцать восьмой... Позвольте-съ.

Василій Никитичъ протискался между молодыми людьми и пошелъ по коридору, все такъ же выворачивая ноги.

Громко закрипѣли его сапоги,—еще громче, чѣмъ на лѣстницѣ. Этотъ скрипъ раздавался во всѣхъ углахъ коридора. И если закрыть глаза, то трудно было бы сказать, гдѣ именно рождается этотъ скрипъ и гдѣ онъ рождѣтъ эхо. Точно весь коридоръ заскрипѣлъ.

А часы все били.

— Это ваши номера?

Василій Никитичъ остановился и круто повернулся назадъ. Его словно кто дернуль сзади.

Широко открывъ глаза, онъ прямо устремилъ ихъ въ лицо очутившемуся теперь всего въ разстояніи шага передъ нимъ человѣка въ резиновомъ плащѣ.

— Чего-съ?..

И онъ приложилъ ладонь къ уху, чуть-чуть повернувъ голову въ бокъ. Закусивъ слегка нижнюю губу, онъ стоялъ неподвижно и смотрѣть теперь не на своего настояльца, и внизъ.

Потомъ онъ сказалъ тихо:

— Ну-те?..

И еще большие повернулъ голову въ сторону и совсѣмъ оттопырилъ ухо ладонью.

— Хозяинъ этихъ номеровъ вы?..

Василій Никитичъ отвѣтилъ не сразу. Отнявъ руку отъ уха, онъ медленно опустилъ ее вдоль тѣла, наклонилъ голову, и на лицѣ его на мгновеніе застыло такое выраженіе, будто онъ разгадалъ что-то сразу и неожиданно, что также неожиданно пришло ему на умъ.

Брови поднялись, глаза стали неподвижны, губы полуоткрылись, и между губами, словно облизывая губы и зубы, мелькнулъ и опять моментально спрятался кончикъ языка.

— Я,—произнесъ онъ наконецъ и, встряхнувъ плечами, пошелъ по коридору дальше.

* * *

Василій Никитичъ бесѣдовалъ у себя въ „конторкѣ“ съ своимъ номернымъ Жмуркинымъ.

Жмуркинъ былъ невысокаго роста, тщедушный человѣкъ, съ узкой грудью и острыми, немного приподнятыми плечами.

Василій Никитичъ сидѣлъ за столомъ, а Жмуркинъ стоялъ у притолоки. Онъ держался довольно свободно съ Василіемъ Никитичемъ. Голову онъ запрокинулъ назадъ, такъ что затылокъ какъ разъ упирался въ край притолоки, руки скрестивъ на груди, выпятивъ впередъ локти и точно нарочно выставляя на показъ темно-оранжевыя пятна на пиджакѣ подъ мышками, выгорѣвшемъ въ этихъ мѣстахъ отъ пота.

Одну ногу, согнувъ ее въ колѣнкѣ, онъ прижималъ ступней и каблукомъ къ притолокѣ, а другою упирался въ полъ.

На немъ были очень короткія, сразу видно, что подшитыя снизу, брюки изъ какой-то необыкновенно толстой матеріи одного цвѣта съ пиджакомъ, всѣ въ пятнахъ. Жилетка, измятая и морщинистая, приподнялась, наползла кверху по животу и изъ-подъ жилетки бѣлѣла рубашка.

Смотрѣлъ Жмуркинъ не на Василія Никитича, а въ потолокъ, отъ времени до времени почесывая о притолоку голову то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, для чего извивался всѣмъ своимъ жидкимъ сухимъ тѣломъ.

— Жмуркинъ, я тебя спрашиваю, видѣлъ ты ихъ?

Почесывая о притолоку голову, Жмуркинъ отвѣтилъ:

— Извѣстно, видѣлъ.

На секунду только онъ скользнулъ глазами сверху внизъ изъ полуоткрытыхъ вѣкъ, по-тому опять уставился въ потолокъ и продолжалъ:

— Я думаю такъ, Василій Никитичъ: по-дамъ я прошеніе въ главный штабъ къ его высокопревосходительству... Ей Богу-съ... Они, конечно, примутъ...

Тутъ зрачки его глазъ словно выплыли изъ-подъ вѣкъ и остановились на Василіи Никитичѣ.

— Вы полагаете, я не могу состоять при нихъ въ должности переводчика?..

Василій Никитичъ нахмурился и стукнулъ пальцемъ по краю стола. На пальцѣ у него было кольцо, и звукъ вышелъ короткій и громкій, словно столъ треснулъ.

— Будетъ молотъ!..

Жмуркинъ все такъ же, изъ-подъ вѣкъ, поглядѣлъ на столъ и на палецъ Василія Никитича.

Потомъ онъ выпрямился и тряхнулъ головой.

— Чиво-съ?

— Вѣдь ты знаешь по-японски?

Жмуркинъ присвистнулъ, мотнувъ головой снизу вверхъ.

— Фью!..

Затѣмъ прищурить глаза.

— А вы спросите, по-каковски я не знаю... Напримѣръ...

И, сдвинувъ брови, онъ отвернулъ голову въ сторону и пристально поглядѣлъ въ окно.

— Гмъ,—сказалъ онъ и еще больше сдвинулъ брови.

— Стало, понимаешь?..

Жмуркинъ отвелъ глаза отъ окна и остановилъ ихъ на Василіи Никитичѣ.

— Напримѣръ, — произнесъ онъ глупо, — мутеръ... Или оиять...

Брови его снова сдвинулись. Лицо приняло сосредоточенное выражение.

— Жмуркинъ!..

Жмуркинъ встрепенулся.

— А по-японскому...

И тутъ онъ взялъ свой указательный палецъ лѣвой руку большимъ и указательнымъ правой и, поднеся обѣ руки ко рту, вздернуль съ уголка верхнюю губу, обнаживъ желтый клыкъ, и погрызъ этимъ клыкомъ кончикъ указательного пальца на лѣвой руцѣ.

— Вотъ какъ-съ... До тонкости. Можно сказать, собаку сѣѣль.

— Ну и что же ты скажешь?

— А то я скажу, что это японцы... Вотъ эти.

Онъ качнуль головой въ сторону двери и нояснилъ:

— Которые въ резинахъ.

Василій Никитичъ внимательно поглядѣлъ ему въ лицо.

— Подслушивалъ?..

Лицо у Жмуркина стало какъ деревянное.

Какимъ-то скрипучимъ голосомъ онъ сказа-
заль:

— А вы изволили слыхать про лазутчиковъ?
Такъ я въ родѣ лазутчика.

Онъ снова запрокинулъ голову, уперся за-
тылкомъ въ притолоку и уставился въ пото-
локъ.

— Значить, подъ дверью стоялъ?

— Не подъ дверью,—отвѣтилъ Жмуркинъ,
все глядя въ потолокъ, — а какъ бы въ за-
садѣ.

— Ну, а дальше...

— А дальше, про васъ говорили...

— Про меня?..

Василій Никитичъ даже чуть-чуть припод-
нялся въ креслѣ, положивъ обѣ руки ладо-
нями на край стола. Глаза у него округли-
лись; зрачки стали прямо посрединѣ бѣлковъ.

— Какъ про меня?—выговорилъ онъ глухо.

— Про вашу, значитъ, наружность и про
нумера...

Жмуркинъ крякнулъ.

— Говорятъ, вотъ, моль... Одинъ говоритъ:
„Можно на него положиться?“ А другой: „Я
такого не въ первый разъ вижу. Если,—го-
ворить,—онъ при часахъ и сапоги лаковые и
притомъ номера держить, то можно“.

Онъ умолкъ.

Молчалъ и Василій Никитичъ. Глаза у него
стали какъ стеклянные, безъ всякой мысли.
Весь онъ словно оцѣпенѣлъ.

Жмуркинъ заговорилъ снова:

— И потомъ, говоритьъ это другой, говоритьъ: „а кромъ того, я навель сиравки, что онъ торговалъ водкой потихоньку“. По-нашему, значитъ, изъ-подъ полы,—пояснилъ онъ отъ себя и кашлянулъ въ руку.

— По-японски говорилъ?—крикнулъ Василий Никитичъ, блуждая по комнатѣ глазами и на мгновеніе даже остановивъ ихъ на потолкѣ, на томъ мѣстѣ, куда смотрѣть Жмуркинъ.

— Я же вамъ сказалъ,—отвѣтилъ тотъ.

Василий Никитичъ всталъ изъ-за стола и заходилъ по комнатѣ.

— Минъ и то казалось,—бормоталъ онъ, разводя руками,—чего они на меня такъ смотрятъ... И опять же по выговору слышу... Гмъ...

Вдругъ онъ остановился передъ Жмуркинымъ.

— Жмуркинъ!.. А ты не врень?

— Вотъ вамъ крестъ,—сказалъ Жмуркинъ и перекрестился.

* * *

Въ комнатѣ, снятой таинственными путешественниками въ резиновыхъ плащахъ, находились Жмуркинъ и Василий Никитичъ.

Таинственные путешественники только что ушли, заперевъ дверь своего номера на ключъ.

Но у Василия Никитича нашелся другой ключъ, и онъ сказалъ Жмуркину:

— Жмуркинъ, пойдемъ и посмотримъ.

— Какъ вамъ угодно-сь, — отвѣтилъ Жмуркинъ.

Послѣ нѣкотораго весьма ненродолжительнаго колебанія Василій Никитичъ рѣшилъ вскрыть чемоданъ... Вѣдь онъ, собственно, для того и вошелъ въ номеръ, чтобы добыть какія-нибудь свѣдѣнія о своихъ постояльцахъ.

На паспортахъ у нихъ значилось: мѣщане такого-то города... Василій Никитичъ, просмотрѣвъ паспорта, бросилъ ихъ сейчасъ же въ ящикъ стола съ такимъ видомъ, съ какимъ онъ, перебирая иногда бумаги, бросать въ этотъ ящикъ векселя, по которымъ нельзя получить. Паспортамъ онъ не придавалъ никакой цѣны.

Вынувъ изъ кармана связку ключей, онъ одинъ по одному совалъ ключи въ замочную скважину чемодана.

Пружина вдругъ щелкнула.

Василій Никитичъ приподнялъ крышку чемодана, отвернуль потомъ газетный листъ, закрывавшій сверху то, что было въ чемоданѣ.

Чемоданъ оказался полонъ пачками совсѣмъ новенькихъ трехрублевокъ. Каждая пачка была перевязана бечевкой.

По улицѣ въ это время по неровной, изрытой копытами и колесами, совершенно пересохшѣй дорогѣ съ грохотомъ двигались пустые зарядные артиллерійскіе ящики. Чувствовалось, какъ содрогается почва и дрожать стѣны.

Когда Василій Никитичъ увидѣлъ деньги, грохотъ колесь, оглушительный, немолчный, отъ котораго дребезжали стекла въ окнахъ, вдругъ словно потухъ въ его ушахъ.

Стекла перестали дребезжать...

Какимъ-то задыхающимся шепотомъ, широко раскрывая ротъ, онъ произнесъ, точно выдыхая изъ себя это слово:

— Жмуркинъ...

Потомъ сунулъ руки въ чемоданъ между пачками.

— Фальшивыя, — сказалъ Жмуркинъ... — Слышали, небось... Они въ родѣ Наполеона... Хотятъ напустить ихъ побольше, чтобы подорвать кредитъ.

— Молчи, — запепталъ опять Василій Никитичъ, — на... Только молчи...

И, выхвативъ дрожащими руками нѣсколько пачекъ изъ самой середины, онъ подалъ ихъ Жмуркину.

Но Жмуркинъ спряталъ руки за спину.

— Бери самъ, — сказалъ онъ грубо.

Брови у него сдвинулись. Невыразимое презрѣніе изобразилось на его лицѣ.

И, отступивъ назадъ къ дверямъ, онъ произнесъ сквозь зубы:

— Христопродавецъ...

Скрививъ губы, нѣсколько секундъ онъ молча смотрѣлъ на Василія Никитича, потомъ заговорилъ, все такъ же кривя губы:

— Правильно они про тебя поняли, что на

тебя можно положиться... хотя, впрочемъ, что отъ тебя ждать...

Василій Никитичъ вскочилъ.

Онъ вспомнилъ, что часть тому назадъ ему говорилъ Жмуркинъ.

Точно толкнуло ему что въ грудь.

Оиять загромыхали за окномъ колеса, задребезжали стекла... Казалось, не по улицѣ, а въ немъ самомъ грохочутъ колеса и давятъ его.

— Гадина! — сказалъ Жмуркинъ. — Люди на смерть идутъ, а ты...

Дверь чуть-чуть скрипнула, пріотворилась и сейчасъ же опять быстро захлопнулась.

Щелкнулъ ключъ. Всльдъ затѣмъ по коридору раздались быстрые, почти бѣгомъ, удаляющіеся шаги...

— Они! — крикнулъ Жмуркинъ. — Давай ключъ.

Но Василій Никитичъ забылъ, куда онъ сунулъ ключъ. Онъ остановился неподвижно посреди комнаты и тупо глядѣлъ на Жмуркина.

Попрежнему по улицѣ грохотали зарядные ящики, и Василію Никитичу чудилось, будто зарядные ящики проваливаются куда-то внизъ, и онъ проваливается вмѣстѣ съ ними.

И вдругъ въ немъ вспыхнула злоба на себя, на японцевъ, этихъ владѣльцевъ неисчислимаго богатства, заключающагося въ чемоданѣ.

Онъ подбѣжалъ къ окну, вышибъ стекла и закричалъ:

— Держи ихъ, лови!...

На мгновенье среди пѣшеходовъ, лѣпившихся по деревяннымъ мосткамъ-тротуарамъ, мелькинули сѣрые плащи.

— Вонъ они!...

По плащи мелькинули и скрылись...

Василій Никитичъ схватился руками за голову, крѣпко зажавъ въ пальцахъ волосы, и заскрипѣлъ зубами.

* * *

Было холодно и сырьо. Моросиль мелкій дождикъ.

На крылечко маленькаго низенькаго домишка подъ деревянной почернѣвшей отъ дождей и времени крышей торопливо взбѣжали два человѣка.

Одинъ изъ нихъ худенькій, невысокаго роста, въ короткомъ однобортномъ черномъ пиджакѣ съ поднятымъ воротникомъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы до самаго верха, былъ брюнетъ съ желтымъ болѣзненнымъ лицомъ, другой, немнога повыше его, блондинъ съ круглой густой бородой и подвитыми усами.

Застегнувъ пиджакъ, брюнетъ, кромѣ того, еще расправилъ отвороты на груди и, придерживая ихъ рукой снизу, спряталъ въ нихъ подбородокъ и кончикъ носа. Онъ горбился немнога, подпялъ плечи и вобралъ голову въ илечи. Воротникъ пиджака почти касался его большихъ оттопыренныхъ ушей.

Очутившись па крыльцѣ, онъ стукнулъ въ дверь согнутымъ указательнымъ пальцемъ, костяшкой этого пальца, ставъ къ двери бокомъ, согнувшись и все продолжая другой рукой придерживать подъ подбородкомъ отвороты пиджака.

Мгновенье спустя, онъ стукнулъ опять и затѣмъ черезъ секунду снова подъ рядъ три раза.

Стукъ... Стукъ-стукъ-стукъ...

Дверь скрипнула и отворилась.

Ежась, все такъ же сгорбившись и потирая руки, брюнетъ юркнулъ за дверь. Всльдъ за нимъ такъ же быстро, какъ онъ, юркнулъ и его спутникъ.

Дверь захлопнулась.

Дверь вела въ проходной коридоръ: въ концѣ коридора была другая дверь, выходившая прямо на дворъ. Сейчасъ дверь эта была не плотно прикрыта. Узкая полоска свѣта бѣлѣла между притолокой и краемъ двери.

Коридоръ только и освѣщался сквозь эту щель между притолокой и дверью. Оконъ въ коридорѣ не было.

Смутно и неясно различались въ полутьмѣ фигуры вошедшихъ въ коридоръ и отворявшаго имъ дверь.

Одинъ изъ вошедшихъ, болѣзненный брюнетъ въ коротенькомъ ииджакѣ, произнесъ тихо:

— Самъ дома?

И, сейчасъ же дернувъ своего товарища за

рукавъ, нагнулся къ нему и что-то шепнулъ ему на ухо.

Затѣмъ спросилъ опять:

— Дома?

Глаза его уснѣли уже нѣсколько привыкнуть къ темнотѣ... Оклейенные бѣлыми обоями стѣны коридора выплыли изъ сумрака по обѣ стороны. Довольно ясно разглядѣль онъ теперь стоявшаго передъ нимъ молодого парня, въ простой безъ пояса рубахѣ, босого, въ нанковыхъ сѣрыхъ штанахъ.

— Дома?

— Дома-съ.

— А гости есть?

— Есть.

— Много?

— Порядочно.

А бѣлые стѣны постепенно словно впитывали въ себя темноту. Даже тѣнь разглядѣль онъ на стѣнѣ позади парня, падавшую отъ него. Маленькие черненькие глазки скользнули че-резъ плечо парня дальше въ глубь коридора и сейчасъ же опять остановились на парнѣ.

— Тамъ?

Онъ мотнулъ головой на дверь.

— Тамъ-съ.

Парень посторонился.

Брюнетъ вскинулъ глаза на блондина.

— Пойдемъ?

Тотъ кинулъ утвердительно головой и двинулся впередъ.

Дверь въ концѣ коридора, какъ уже сказано, вела прямо на дворъ.

Въ глубинѣ двора было какое-то длинное каменное зданіе съ маленькими почти подъ самыи карнизовъ оконками, — не то сарай, не то конюшня. На крышѣ не было трубъ. Но, вѣроятно, зданіе было обитаемо: изъ одного окна наружу сквозь круглое отверстіе, прорѣзанное въ стеклѣ съ жестяной накладкой, какъ это дѣлается въ вентиляторахъ, высывалась короткая желѣзнай черная отъ копоти трубка вершка два въ діаметрѣ.

Брюнетъ и блондинъ направились прямо къ этому зданію: брюнетъ — впереди, блондинъ — сзади, сейчасъ же за нимъ, ловко перескакивая по большимъ сѣрымъ камнямъ, набросаннымъ въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого по прямой линіи отъ двери изъ коридора черезъ весь дворъ.

Имъ опять пришлось стучаться такъ же, какъ на улицѣ, въ дверь каменного зданія: въ нѣсколько пріемовъ, съ короткими перерывами:

Стукъ...

И потомъ послѣ небольшой паузы разъ за разомъ:

Стукъ-стукъ-стукъ.

Дверь отворилась. Она была узенькая и низенькая, словно прорубленная карликами и для карликовъ. Согнувшись, они скользнули въ эту лазейку одинъ за другимъ тихо и безшумно, какъ два звѣрька.

Они опять очутились въ темнотѣ.
Но темнота теперь уже была полная.
Блондинъ спросилъ шопотомъ:

— А что жь дальше?

Подъ ногой онъ чувствовалъ каменные плиты. Пахло сыростью, какъ пахнетъ въ подвалѣ или погребѣ. Когда онъ протянулъ руки, чтобы ощупать стѣны, пальцы его встрѣтили что-то твердое, влажное и холодное.

Невольно онъ отдернулъ руку и сейчасъ же сообразилъ:

„Кирпичи... вѣрно, подвалъ“.

Шопотомъ онъ окликнулъ товарища.

— Сейчасъ, — отозвался тотъ невнятно и глухо. По звуку его голоса можно было догадаться, что онъ уже неремѣнилъ мѣсто, отойдя куда-то дальше въ глубь подвала. Подвалъ, видно, былъ большой.

Потомъ тамъ же, гдѣ прозвучалъ его голосъ, что-то скрипнуло, и вслѣдъ затѣмъ въ темнотѣ блеснула свѣтъ.

Свѣтъ, казалось, родился изъ этого скрипа.

— Ага, — сказалъ блондинъ, двигаясь впередъ.

Но свѣтъ сейчасъ же потухъ.

Брюнетъ все также шопотомъ произнесъ:

— Сюда.

Опять вспыхнула свѣтъ.

На блондина изъ мрака глянуло знакомое ему худое болѣзненно-желтое лицо...

— Идите сюда.

Когда брюнетъ произносилъ эти слова, чер-

ная рѣзкая полоска тѣни легла у него между губъ... Потомъ полоска исчезла, губы словно посѣрѣли и провалились. Только лобъ, щеки и носъ блѣдли рельефно, какъ вылѣпленные.

Слабый блѣдный, немного дрожацій свѣтъ продолжалъ струиться сверху, искрясь чуть-чуть на стѣнкахъ тамъ, гдѣ на кирпичахъ была известка.

Опять что-то скрипнуло.

На одну минуту блондину показалось, будто слегка пріотворили дверь въ комнату, гдѣ собралось много народа: сразу вмѣстѣ съ этимъ скрипомъ ударили ему въ уши слитный и смутный гулъ голосовъ, шмурлыганье и громыханье шаговъ по каменному полу...

Но дверь — если это точно была дверь — сейчасъ же закрылась: звукъ голосовъ и шумъ шаговъ вспыхнулъ въ тишинѣ и потухъ мгновенно, словно налетѣлъ и безслѣдно унесся. Словно упалъ камень куда-то, гдѣ звукъ не родитъ эха.

Свѣтъ усилился.

Теперь уже ясно было видно, что свѣтъ идетъ чрезъ небольшое полукруглое окошко полъ самимъ потолкомъ. Подъ окошкомъ стояла желѣзная лѣсенка, прислоненная къ краю подоконника верхнимъ концомъ. Нижнимъ концомъ она упиралась въ полъ. Направо отъ лѣсенки смутно различалась дверь, продолжавшая въ каменной стѣнѣ. Дверь устроена была аркой.

— Ступайте за мной, — шепнула брюнетъ.

Онъ стоялъ возлъ лѣсенки, сбоку, держась за нее одной рукой.

— Слышите? Наверхъ...

И, повернувшись, онъ ловко закарабкался по лѣсенкѣ, какъ обезьяна, хватаясь за перекладины лѣсенки то лѣвой, то правой рукой и также поперемѣнно быстро переставляя ноги.

На ходу, взбираясь по лѣсенкѣ, онъ еще разъ оглянулся на блондина.

— Сюда...

* * *

— Мы должны бѣжать,—сказалъ блондинъ.

Онъ поглядѣлъ на брюнета и перевелъ затѣмъ глаза на сидѣвшаго на корточкахъ возлъ маленькой желѣзной печки человѣка въ кожаной курткѣ, съ большимъ покатымъ лбомъ и рѣденькими, словно выщипанными, на головѣ, щекахъ и подбородкѣ волосами.

Человѣкъ въ курткѣ поднялъ руку и почесалъ у себя подъ глазомъ. Брови у него были сдвинуты. Почесывая лѣвую бровь, онъ медленно, не вставая съ пола и не разгибалъ колѣнъ, повернулся чуть-чуть кориусомъ въ сторону блондина.

— А?

Онъ еще больше сдвинулъ брови и жмурился.

— Нужно бѣжать,—повторилъ блондинъ.

Брюнетъ кивнулъ головою; пока блондинъ говорилъ, человѣкъ въ курткѣ, словно уже

заранѣе рѣшивъ, что блондинъ ничего новаго ему не скажеть, остановилъ глаза на брюнетѣ.

И брюнетъ на этотъ безмолвный вопросъ отвѣтилъ также безмолвно кивкомъ головы.

— Вы ошиблись, мой другъ, — снова заговорилъ блондинъ, — вы указали на этого содержателя меблированныхъ комнатъ, но онъ оказался большимъ патріотомъ...

Человѣкъ въ курткѣ слабо вздрогнулъ, выпрямилъ потомъ спину и затихъ, чуть-чуть поднявъ голову.

Блондинъ продолжалъ:

— Отъ нашего номера у него оказался запасной ключъ, и когда мы ушли, онъ вошелъ въ номеръ, распаковалъ чемоданъ...

Человѣкъ въ курткѣ снова вздрогнулъ.

Казалось, и въ глазахъ его тоже дрогнуло что-то, словно тренетный-огонекъ сверкнулъ на мгновеніе сквозь выраженіе иснуга, внезапно изобразившееся въ нихъ...

— Счастье, что мы не потерялись, — продолжалъ блондинъ. — Мы застали его, когда вернулись въ номеръ, какъ разъ у открытаго чемодана. Я успѣлъ во-время замкнуть его на ключъ въ номерѣ. Потомъ мы бросились на улицу... Я слышалъ, какъ онъ кричалъ въ окно, чтобы насъ задержали.

Лицо у человѣка въ курткѣ поблѣднѣло, словно сѣрая тѣнь легла на него.

Губы поблѣдѣли.

Немного хрипло онъ произнесъ:

— Ну?...

И потомъ спросилъ, прямо въ упоръ уставившись на блондина:

— А никто не видѣлъ, что вы скрылись сюда?

Ротъ у него послѣ того, какъ онъ произнесъ эту фразу, остался полуоткрытымъ.

— Никто.

— Я думаю,—заговорилъ брюнетъ (и сей-часъ же человѣкъ въ курткѣ повернулся къ нему),—я думаю, что онъ, конечно, не прочь былъ воспользоваться фальшивками, которыя нашелъ въ чемоданѣ, но его смущило наше появленіе.

— Такъ никто не видѣлъ? — живо переспросилъ человѣкъ въ курткѣ, снова поворачиваясь къ блондину.

— Никто... Насъ могли замѣтить по плащамъ, но по дорогѣ мы бросили плащи.

— Но все-таки намъ необходимо бѣжать,—сказалъ брюнетъ.

— Необходимо,—подтвердилъ блондинъ.—Будутъ искать.

Онъ поднялъ глаза.

— Намъ нужно бѣжать... Поѣздъ отходитъ ровно въ два. Есть у васъ что-нибудь, во что переодѣться?

— Есть.

Голосъ у человѣка въ курткѣ сталъ еще болѣе хриплымъ.

Цзинъ-Тунъ, содержатель тайного игорнаго дома, китаецъ по происхожденію, но воспитанный въ Японіи и имѣвшій теперь дѣла съ портъ-артурѣ.

японцами по сбыту фальшивыхъ русскихъ кредитокъ, этотъ маленький тщедушный человѣкъ, совсѣмъ растерялся.

Онъ сидѣлъ на корточкахъ у своей желѣзной печки, согнувъ спину, сгорбившись, съежившись, боясь шевельнуться, изрѣдка только вытягивая худую морщинистую, словно состоящую изъ однихъ позвонковъ и обвисшей кожи, шею и прислушиваясь съ напряженнымъ выраженіемъ на желтомъ лицѣ къ глухимъ звукамъ, временами доносившимся снизу изъ-подъ пола.

Тамъ были подвалы. Тамъ въ четырехъ просторныхъ залахъ днемъ и ночью шла игра въ банкъ.

Точно парилъ надъ нимъ ястребъ, а онъ, Цзинъ-Тунъ, былъ цыпленокъ, не оперившійся, выгнанный бурей изъ гнѣзда. Онъ и правда походилъ теперь на цыпленка: худенький, сгорбленный съ рѣдкими, будто выпищанными на половину, короткими волосами.

— Я все устрою,—сказалъ онъ.

Онъ всталъ и ушелъ за перегородку. Минуту спустя, онъ вернулся.

Онъ принесъ съ собой зеркало, бритву и два дамскихъ платья.

О, какъ онъ ухаживалъ за своими гостями!

Съ какимъ стараніемъ одергивалъ юбки, прикладывалъ банты и ленты.

Когда все было готово, онъ сказалъ:

— Теперь хоть въ Москву! Вѣдь вы прямо на поѣздѣ?

— Да,— отвѣтила одна изъ дамъ.— Но какъ мы дотащимъ нашъ багажъ?

У нихъ, дѣйствительно, былъ большой багажъ, — два мѣшка съ золотомъ. Для чего предназначалось это золото, было ли оно точно золото, или стоимость его не превышала стоимости фальшивыхъ ассигнацій, Цинъ-Тунъ не зналъ.

Но золото хранилось у него.

— Вы дадите намъ провожатаго?

— Хорошо,— сказалъ Цинъ-Тунъ.

Онъ на все былъ согласенъ.

Онъ мало теперь о чёмъ думалъ. Одна мысль владѣла теперь имъ:

„Пусть Ѣдуть, пусть Ѣдуть“.

Эта мысль съ каждымъ бѣеніемъ сердца била ему въ грудь.

„Пусть Ѣдуть, пусть Ѣдуть“...

И онъ сказалъ:

— Хорошо.

* * *

По направленію къ вокзалу чрезъ огромный пустырьшли двѣ дамы въ сопровождѣніи высокаго, бородатаго субъекта въ старой обтершайся кожаной курткѣ.

Когда-то эту куртку носилъ Цинъ-Тунъ. Потомъ онъ подарилъ ее завсегдатаю своего заведенія, мѣстному мѣщанину Иванову.

Ивановъ былъ страстный игрокъ и спустилъ у Цинъ-Туана не одну сотню. Но теперь ему было нечего спускать. Цинъ-Тунъ оставилъ его у себя въ качествѣ прислуги.

Когда Цзинъ-Тунъ платилъ Иванову жалованье, Ивановъ проигрывалъ его въ тотъ же вечеръ.

Ивановъ былъ всегда неразговорчивъ и мраченъ. Онъ шелъ за своими дамами, высокій, взъерошенный, какъ медвѣдь, опустивъ голову, угрюмо поглядывая впередъ изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей.

Спускалась ночь.

На всякий случай Ивановъ захватилъ съ собой дубовыйъ коль.

Вдругъ Ивановъ остановился.

Глухой ударъ. Потомъ ударъ еще...

Быстро во всю прыть бѣжитъ Ивановъ, а на томъ мѣстѣ, где онъ стоялъ только что, корчатся двѣ темныя женскія фигуры.

* * *

Цзынъ-Тунъ металъ банкъ.

Вокругъ небольшого столика, за которымъ онъ сидѣлъ, стояло кучкой нѣсколько человѣкъ.

Просторная низкая комната, скорѣе подвалъ, а не комната, со сводчатымъ потолкомъ, обитымъ желѣзными выкрашенными въ бѣлую краску листами, освѣщалась только свѣчкой въ мѣдномъ низенькомъ, съ ручкой, подсвѣчнике, стоявшей на столѣ передъ Цзынъ-Туномъ.

Свѣчка горѣла неровнымъ широкимъ пламенемъ. На полу и на стѣнахъ отъ стоявшихъ около Цзынъ-Туна лежали огромныя тѣни.

Отъ времени до времени Цынъ-Тунъ оставлялъ карты, протягивалъ къ свѣчѣ руку и своимъ крѣпкими желтыми ногтями очень ловко, словно маленькими острыми щипчиками, отрывалъ верхушку обгорѣлаго фитиля. Тогда пламя свѣчи становилось меньше, тѣни сбѣгали со стѣнъ, и самыя стѣны точно отодвигались куда-то въ глубь, въ темноту. Но свѣча скоро опять разгоралась, пламя забирало силу, колебалось, трепетало, вытягиваясь кверху, и вмѣстѣ съ нимъ изъ-подъ стола и изъ-подъ ногъ играющихъ выползали опять огромныя безобразныя тѣни и занимали свои мѣста на полу, на стѣнахъ, на потолкѣ.

Стѣны выступали изъ мрака. Красноватый отблескъ пламени вспыхивалъ слабо вверху на потолкѣ, на желѣзныхъ листахъ.

Въ комнатѣ было тихо. Слышался только шорохъ тасуемыхъ картъ да ихъ шелестъ, когда Цынъ-Тунъ, перетасовавъ, принимался метать.

Что-то скрипнуло въ глубинѣ комнаты слабо и тихо... Потомъ по каменному полу громко раздались шаги.

Къ столу подошелъ Ивановъ.

Цынъ-Тунъ узналъ его сразу—по шагамъ. Не переставая тасовать карты и не поднимая головы, онъ спросилъ:

— Проводилъ?

Сейчасъ же онъ услышалъ, какъ задышалъ Ивановъ. Дышалъ Ивановъ всегда съ полуоткрытымъ ртомъ, шумно вбирая воздухъ,

одновременно ртомъ и носомъ. Точно носъ у него постоянно былъ заложенъ.

— Восьмерка,—сказалъ Ивановъ.

Снова послышалось его сопѣнье. Черезъ секунду Ивановъ добавилъ:

— Бубновая.

Во время игры Ивановъ обыкновенно имѣлъ при себѣ свою колоду картъ. Прежде, чѣмъ назначить карту, онъ пробовалъ счастье: вынималъ изъ колоды, спрятавъ руки назадъ, какую-нибудь карту,—какая попадется.

Сейчасъ въ рукахъ у него была бубновая восьмерка. Онъ держалъ ее за уголокъ, приблизивъ къ губамъ. Пристально смотрѣлъ онъ на руки Цынъ-Туна.

— Проводилъ? — опять спросилъ Цынъ-Тунъ.

Ивановъ промолчалъ, какъ и въ первый разъ.

Казалось, онъ не слыхалъ совсѣмъ, что сказалъ ему Цынъ-Тунъ.

Карты ложились на столъ противъ Цынъ-Туна, направо и нальво, почти безшумно одна на другую, двумя ровными кучечками.

Восьмерки все не было.

Положивъ лѣвую руку на плечо одного изъ играющихъ, Ивановъ вытянулъ шею, наморщилъ лобъ; брови у него поднялись высоко; глаза мигали рѣдко и коротко.

— Бита,—сказалъ Цынъ-Тунъ.

Восьмерка упала нальво.

Ивановъ вынулъ золотой и бросилъ его на столъ.

Цынъ-Тунъ тѣми картами, что остались у него въ рукахъ, пододвинулъ золотой къ себѣ, дѣйствуя картами, какъ лопаточкой, и, не взглянувъ даже на Иванова, произнесъ:

— Желаете?

Онъ смотрѣлъ теперь на человѣка въ формѣ желѣзнодорожнаго кондуктора, стоявшаго какъ разъ противъ него.

Ивановъ бросилъ на столъ еще золотой.

— Я желаю,—сказалъ онъ.

Исподлобья онъ взглянулъ на Цынъ-Туна и закусилъ чуть-чуть съ уголка нижнюю губу.

Цынъ-Тунъ слегка вздрогнулъ.

Онъ уже ожидалъ услышать снова стукъ тяжелыхъ сапогъ Иванова по каменному полу...

Онъ нарочно возвысилъ голосъ, обращаясь къ кондуктору, такъ какъ ожидалъ, что Ивановъ сейчасъ же, какъ проиграетъ, уйдетъ отъ стола и застучитъ сапогами. Ивановъ всегда отходилъ отъ стола послѣ неудачной ставки.

Когда игра шла на два стола, Цынъ-Тунъ умѣлъ по одному звуку шаговъ Иванова (если Ивановъ игралъ не за его столомъ) угадать, выигралъ онъ или проигралъ. Ивановъ тогда, ступая по полу, еле волочилъ ноги, словно на ногахъ у него были свинцовые гири.

Цынъ-Тунъ однимъ глазомъ повелъ снизу вверхъ въ его сторону; черненький зрачокъ

перекатился въ уголъ глаза, и сейчасъ же въки медленно опять наплыли на глаза.

Ивановъ еще больше закусилъ губу, потомъ порывисто сунулъ руку въ карманъ пиджака, задержалъ ёе на мгновенъе въ карманѣ и немного съ хрипотой проговорилъ:

— Другой золотой...

Его рука дернулась кверху, какъ-то нервно, съ дрожью... На столъ упалъ еще золотой.

— А карта?—спросилъ Цзынъ-Тунъ

— Та же.

— Восьмерка?

— Восьмерка...

Глаза Иванова скользнули мимо играющихъ куда-то въ сторону, въ глубину комнаты.

— Пиковая, — произнесъ онъ и тяжело перевелъ духъ.

— Пиковая?

— Да, пиковая.

Ивановъ опять сунулъ руку въ карманъ. Видно было, какъ онъ перебираетъ въ карманѣ пальцами.

На секунду въ уголкѣ праваго глаза Цзынъ-Туна опять блеснулъ зрачокъ и сейчасъ же потухъ, словно потонулъ подъ вѣкомъ.

Цзынъ-Тунъ кашлянулъ и сталъ бросать карты.

И на этотъ разъ Ивановъ проигралъ.

— Все?—спросилъ Цзынъ-Тунъ.

Ивановъ оперся лѣвой рукой на край стола,

согнувъ спину, и опустилъ на середину стола правую руку, сжавъ ее въ кулакъ.

Когда онъ разжалъ кулакъ, — на столѣ оказалась кучечка золотыхъ.

— Валай! — сказалъ онъ и прямо въ упоръ уставился на Цынъ-Туна.

Грудь его тяжело поднялась и опустилась.

Цынъ-Тунъ слегка поблѣднѣлъ...

Ивановъ откачнулся отъ стола, мигнулъ вѣками и выговорилъ съ трудомъ, будто слова у него цѣплялись во рту:

— Ну... я сказалъ.

— Кarta? — произнесъ Цынъ-Тунъ, совсѣмъ такъ, какъ Ивановъ, измѣнившись голосомъ, двигая челюстями медленно и тяжело, словно помимо воли.

— Все та же!

— Бубна или пика?

— Пика!

Теперь Ивановъ выигралъ.

Цынъ-Тунъ поднялся со стула..

— Пойдемъ ко мнѣ.

Онъ дернулъ Иванова за рукавъ.

Ивановъ въ это время тасовалъ свою колоду. Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на Цынъ-Туна.

— А?

Глаза его не мигали, ротъ былъ открытъ. Онъ смотрѣлъ на Цынъ-Туна, но казалось, онъ его не видитъ и не слышитъ и не понимаетъ, что отъ него нужно Цынъ-Туну.

— Пойдемъ, — повторилъ Цынъ-Тунъ.

Только теперь Ивановъ его понялъ...

— Пойдемъ,—сказалъ онъ и двинулся отъ стола, положивъ свою колоду въ карманъ.

Онъ шелъ вслѣдъ за Цзынъ-Туномъ, громко стуча сапогами, опустивъ голову и сунувъ руки въ карманы пиджака.

Вдругъ онъ схватилъ Цзынъ-Туна за плечо.

— Зачѣмъ?

Цзынъ-Тунъ оглянулся. На минуту въ его глазахъ мелькнуло выраженіе испуга... Онъ словно колебался.

— Ну, идемъ,—сказалъ Ивановъ и опять опустилъ голову.

* * *

— Ты откуда досталъ деньги?

Ивановъ молчалъ.

Онъ стоялъ передъ Цзынъ-Туномъ, опустивъ голову, какъ-то весь сгорбившись, держа руки въ карманахъ пиджака.

— Ну!

— Досталъ,—сказалъ Ивановъ, поднявъ голову и вздернувъ плечи.

Глаза его широко открылись.

Цзынъ-Тунъ забарабанилъ по столу пальцами.

— Гдѣ досталъ?

Ивановъ пожалъ плечами.

— Мало ли гдѣ...

И онъ развелъ руки...

Пальцы Цзынъ-Туна выбивали по столу дробь все громче и громче.

И вдругъ онъ неожиданно подступилъ къ Иванову почти вплотную.

— Гдѣ, спрашиваю?

Онъ такъ и впился въ лицо Иванова маленькими глазками.

Руки теперь онъ держалъ опущенными внизъ, растопыривъ и согнувъ пальцы, какъ будто у него были не пальцы, а когти, и онъ собирался впиться ими въ Иванова.

— Ну, гдѣ?

Ивановъ немного попятился.

Но Цзынъ-Тунъ сейчасъ же опять очутился возлѣ него.

— Гдѣ?

Ивановъ оглянулся на дверь, потомъ растерянно поглядѣлъ вокругъ.

— Убилъ? — зашепталъ Цзынъ-Тунъ, тоже оглядываясь назадъ. — Убилъ?... Слышишь?

Ивановъ поблѣднѣлъ.

— Вѣдь ты пошелъ проводить до вокзала?

— Зачѣмъ вокзалъ? — произнесъ Ивановъ все такъ же растерянно.

Неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ въ одну точку, продолжая разводить руками.

— Зачѣмъ?... Какой вокзалъ?...

— Убилъ? — снова зашепталъ Цзынъ-Тунъ. — Гдѣ ты дѣвалъ этихъ барынь?

Ивановъ опустилъ руки и быстро-быстро зашевелилъ пальцами. Нижняя его челюсть тряслась. Глаза забѣгали по комнатѣ и вдругъ

сразу, словно увидѣвъ что-то страшное, остановились.

Нижняя челюсть отвисла. Еле ворочая языкомъ, онъ произнесъ:

- На пустырѣ...
- Значить, убилъ?...
- Не знаю...

Все такъ же быстро перебиралъ онъ пальцами.

Голову онъ держалъ прямо и прямо неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ передъ собою.

- Какъ не знаешь?
- Не знаю,—повторилъ Ивановъ.

Онъ словно всматривался во что-то, что пока различалъ смутно и неясно.

- Не знаю.

Голова его затряслась.

- Не знаю...

А глаза все смотрѣли неподвижно, слабо, въ одну точку.

- На пустырѣ?—спросилъ Цынъ-Тунъ.
- Эге,—сказалъ Ивановъ.—Эге.

Онъ кивнулъ головой.

- Только я не убилъ.

И онъ затрясъ отрицательно головой.

- Нѣтъ?

- Нѣтъ...

Онъ снова тряхнулъ головой.

- Онъ копошились.

- Копошились?

- Да...

- Куда же онъ дѣлись?...

На лбу Иванова выступили крупные капли пота.

— Не знаю.

— Можетъ, ушли?

Онъ снова повторилъ:

— Не знаю.

Цзынъ-Тунъ поспѣшно одѣлся.

— Пойдемъ на пустырь.

— Пойдемъ.

Они отправились на пустырь.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ.

Ивановъ протянулъ впередъ руку.

— Тамъ.

Онъ шелъ рядомъ съ Цзынъ-Туномъ, прямо держа голову. Иногда онъ спотыкался. Но онъ все равно не глядѣлъ подъ ноги, о что споткнулся.

Онъ подвигался впередъ какъ лунатикъ, какъ автоматъ.

Цзынъ-Тунъ тяжело дышалъ. Слова срывались съ его губъ отрывисто и глухо. Онъ силился разглядѣть то, на что ему указывалъ Ивановъ, но ничего не видѣлъ.

Вѣроятно, и Ивановъ тоже не видѣлъ ничего, такъ какъ темень была страшная, но ему, должно-быть, казалось, что онъ видить что-то...

Можетъ-быть, онъ наполовину галлюцинировалъ.

Наконецъ, они почти наткнулись на два женскихъ трупа...

Чтобы скрыть слѣды несчастныхъ, ихъ тѣла
пришлось бросить въ рѣку...

* * *

Много времени спустя, въ токійскихъ га-
зетахъ появилась замѣтка о двухъ „безвре-
менно погибшихъ богато одаренныхъ юношахъ,
талантливыхъ художникахъ“, пустившихся
ради своей родины на рискованное дѣло.

Когда эта замѣтка попалась Цзинъ-Туну,
онъ сказалъ:

— Конечно, имъ не зачѣмъ было пускаться
въ рискованное предпріятіе, разъ у нихъ есть
свой особый талантъ. Но все равно, разъ
не могло ихъ обоихъ придушить балкой,
когда они, напримѣръ, занимались бы рас-
писываніемъ потолковъ въ какомъ-нибудь
новостроящемся домѣ?

Въ блиндажъ.

(набросокъ).

I.

— Нельзя-съ,—сказалъ Семенъ,—намъ это никакъ нельзя...

Сунувъ большой палецъ за бортъ своего узенькаго, застегнутаго на вѣсъ пуговицы пиджачка, онъ забарабанилъ сверху по борту остальными пальцами.

— Н-да,—сказалъ Гуринъ,—конечно.

Онъ поставилъ руку локтемъ на столъ и, прикрывъ нижнюю часть лица—подбородокъ и губы—ладонью, поглядѣлъ въ окно. Его глаза сѣрые, немного мутные, словно въ нихъ въ самую середину зрачковъ попала капелька мыла и расплылась въ нихъ, не мигали, остановившись неподвижно; брови приподнялись, кожа на лбу, собралась въ длинныя черезъ весь лобъ тонкія морщины.

Лицо у Гурина было худое, отливавшее въ болѣзненную желтизну. Желтая тонкая кожа, казалось, не имѣла подъ собой мяса, присохнувъ непосредственно къ кости.

И когда онъ говорилъ или шевелилъ бровями, ясно было видно, какъ подъ кожей двигаются, надавливая на кожу, скулы, десны, височные кости.

Словно мертвую голову обтянули тонкимъ эластичнымъ пергаментомъ или тонкой резиной и заставили функционировать изсохшіе мускулы...

Въ сѣрыхъ глазахъ огонь жизни мерцалъ тускло, какъ не своимъ, а чужимъ, отраженнымъ свѣтомъ. Глаза были какъ стеклянные—изъ мутнаго бѣлесаго стекла...

Гуринъ смотрѣлъ въ окно, но то, что было видно сквозь окно, можетъ-быть, только отражалось въ этихъ потухшихъ глазахъ, какъ отражался въ нихъ переплетъ оконной рамы, и не проникало глубже.

Будто и душа у него тоже застыла, засохла и потухла... И никакой мысли не было въ глазахъ. Маленький изогнутый крестикъ—это отраженіе вертикальной и горизонтальной перекладины въ оконной рамѣ—блестѣлъ въ нихъ, все равно какъ блестѣлъ бы этотъ крестикъ на поверхности мыльного пузыря.

— Никакъ невозможно, — повторилъ и Семенъ,—сами посудите.

Онъ слегка подался впередъ корпусомъ, все продолжая держать большой палецъ за бортомъ пиджака и барабанить сверхъ борта остальными пальцами. Потомъ пальцы его растопырились, и онъ крѣпко прижалъ ихъ къ груди.

Вытянувъ шею и уставившись на Гурина широко открывшимися глазами, онъ сказалъ:

— Будь я одинъ, а то...

Въ глазахъ его было такое выраженіе, будто онъ просилъ Гурина обернуться къ нему. Такое же выраженіе было и въ его голосѣ.

И сквозь это выраженіе свѣтилось въ глазахъ что-то другое: словно онъ сомнѣвался, слушаетъ ли его Гуринъ и можетъ ли принять къ сердцу и понять то, что онъ ему говоритъ.

— Когда бы одинъ... А то вѣдь возьмите: жена, теща-мамаша, дѣти...

Онъ выпрямился.

— Никакъ нельзя,—сказалъ онъ и крякнулъ, поднеся руку ко рту.

Крякнувъ, онъ сейчасъ же собралъ пальцы въ горсть—будто схватилъ въ горсть этотъ свой кашель.

Гуринъ повелъ глазами въ его сторону слабо, медленно. У него словно не хватило силъ повернуть голову такъ, чтобы глаза остановились прямо на Семенѣ: зрачки глазъ перекатились опять въ обратномъ направленіи, только чуть-чуть скользнувъ по фигурѣ Семена.

Вытянувъ руку по столу, онъ стукнулъ по крышкѣ стола раза два пальцами.

— Гмъ,—сказалъ онъ,—такъ уѣдешь, значить?

Онъ опять поглядѣлъ въ окно.

Брови у него шевельнулись и чуть-чуть сдвинулись.

— Уѣду-сь...

— А когда?..

Семенъ вздернулъ плечи.

— Говорятъ еще можно недѣли полторы.

Гуринъ кивнулъ головой.

— Черезъ недѣлю будетъ поздно, — сказалъ онъ.

Онъ все смотрѣлъ въ окно.

Его брови сдвинулись еще больше.

Семенъ вздохнулъ.

— Поздно, — повторилъ Гуринъ и, помедливъ минуту, заговорилъ опять, придинувъ къ себѣ свѣчку въ жестяномъ подсвѣчнике и ковыряя ногтемъ указательного пальца застывшій на донушкѣ подсвѣчника стеаринъ. Онъ говорилъ тихо, тянулъ слова и дѣлалъ короткія паузы, когда стеаринъ плохо поддавался ногтю...

Казалось, движеніе его пальца находится въ непосредственной связи съ тѣмъ, какъ срываются съ его губъ слова, обращенные къ Семену. Когда палецъ, сколупывая стеаринъ, встрѣчалъ сопротивленіе, и слова, казалось, спотыкались неожиданно, или обрывались совсѣмъ... И звучали опять легко и свободно, если палецъ благополучно преодолѣвалъ препятствіе.

— У меня есть къ тебѣ дѣло... Да... Видишь, ты каменщикъ?

— Каменщикъ...

— А хороший?

— Какъ сказать...

Семенъ пожалъ плечами.

— А, напримѣръ, можешь вынуть камень изъ стѣны?

— Камень-съ?..

— Да...

— Это какой-съ...

И подумавъ секунду, Семенъ добавилъ:

— И опять же, какая кладка.

— Какъ какая кладка?

— Кирпичъ?—спросилъ Семенъ и пояснилъ сейчасъ же:— Кладка бываетъ разная. Изволите видѣть...

— Нѣтъ не кирпичъ, — перебилъ его Гуринь...

— Не кирпичъ?

— Нѣтъ.

— Дикій камень?

— Дикій.

— На цементѣ?

— На цементѣ...

Теперь Семенъ зналъ, что ему отвѣтить. Заложивъ руку опять за бортъ пиджака, онъ сказалъ съ увѣренностью:

— Можно-съ.

— Значить, и два камня можно вынуть?

— Можно-съ. Лишь бы одинъ, а тамъ легко.

— Легко?

— Легко... Главное первый.

— А первый трудно?

— Опять же говорю, какая кладка.

— Можно, значитъ, напримѣръ, въ стѣну вмазать шкапъ?

Глаза у Гурина сузились. Казалось, онъ что-то внимательно разглядываетъ на своемъ подсвѣчникѣ.

— А?

Голосъ у него сталъ немного хриплый. Онъ словно каркнулъ.

— Можно,—отвѣтилъ Семенъ.

— А потомъ заложить опять, и чтобы одинъ камень вынимался, и его опять можно было бы поставить на мѣсто...

Семена будто кто неожиданно толкнулъ въ грудь. Онъ вздрогнулъ.

— А? — опять такъ же глухо и съ хрипотой спросилъ Гуринъ, продолжая ковырять пальцемъ стеаринъ на подсвѣчникѣ.

— Можно-съ.

— И не будетъ замѣтно?..

— Потайной, значитъ?

— Да.

— Можно...

Гуринъ вынулъ спички, зажегъ свѣчку и, поднявшись съ кресла, запахнулъ халатъ.

— Пойдемъ за мной,—сказалъ онъ Семену, въ первый разъ взглянувъ ему прямо въ лицо. Онъ сдвинулъ при этомъ брови и въ его глазахъ глубоко сквозь ихъ мутный блескъ сверкнуло что-то острое, точно короткій лучъ. Но сейчасъ же онъ прикрылъ глаза вѣками: онъ словно боялся, что Семенъ пойметъ и разгла-

даетъ мысль, вспыхнувшую въ немъ въ эту минуту и блеснувшую въ глазахъ навстрѣчу глазамъ Семена.

Но онъ все равно словно кольнулъ Семену душу этими взглядомъ.

Семенъ пошелъ за Гуринымъ, осторожно ступая на носкахъ по паркетному полу. Ему казалось, что Гуринъ будто не довѣряетъ ему.

II.

Гуринъ рѣшилъ остаться въ городѣ на все время осады. У него на это были свои виды.

Что крѣпость можетъ быть взята, онъ этого не допускалъ. Конечно, много побьютъ народа, но крѣпость останется все равно въ рукахъ храбраго гарнизона.

А ему, Гурину, нечего бояться смерти.

Еще въ началѣ осады онъ устроилъ у себя на дворѣ блиндажъ, согласно всѣмъ требованиямъ военной техники. Домъ можетъ быть разрушенъ, но въ блиндажѣ онъ обезопасенъ совершенно отъ всякихъ бомбъ.

Смерть можетъ летать надъ городомъ, но въ блиндажѣ она къ нему не заглянетъ.

Въ блиндажѣ не было оконъ. Входъ былъ устроенъ изъ подвального этажа дома. Въ случаѣ разрушенія дома, если бы обломки и щебень загромоздили входъ, изъ блиндажа можно было проникнуть на дворъ и въ садъ по небольшему тоже очень надежному тоннелю.

Семенъ понадобился Гурину для того, чтобы сдѣлать въ толщѣ подземной стѣны блиндажа шкапъ, гдѣ Гурина предполагалъ хранить деньги, вино и консервы.

Про деньги Гурина Семену не сказалъ ничего, но про консервы и вино объяснилъ. Онъ попросилъ даже Семена помочь ему уложить въ шкапъ жестянки съ консервами и бутылки съ виномъ.

— А то мнѣ одному не справиться,—сказалъ онъ.

Жестянокъ и бутылокъ было, правда, много. Видно было, что Гурина разсчитываетъ на долговременную осаду.

Пока Семенъ разставлялъ жестянки на полкахъ, Гурина ходилъ взадъ и впередъ по блиндажу медленными шагами, опустивъ голову и заложивъ руки за гарусный поясъ своего халата справа и слѣва на бедрахъ.

Въ блиндажѣ былъ полумракъ: свѣчку, чтобы было виднѣе, Семенъ поставилъ около себя на полу и совсѣмъ заслонилъ ее отъ Гурина.

Ни одинъ звукъ не долеталъ сюда извнѣ.

Только шлепали по каменному полу туфли Гурина; шлепъ, шлепъ — съ равными промежутками.

Вдругъ Гурина остановился.

— Семенъ!

Семенъ въ то время стоялъ на полу, на колѣняхъ, разбирая консервы, отбиная въ руку одни, отодвигая другіе.

— А?—сказалъ онъ, поднимая голову и глядя вверхъ черезъ плечо. Онъ отслонился при этомъ немного въ сторону. Изъ-за груды жестянокъ сверкнуло пламя свѣчи. Расплывчатая тѣнь сзади Гурина, падавшая отъ него на сырую отъ покрывавшаго ее цемента стѣну блиндажа, вырисовалась теперь рѣзко и отчетливо. Стѣна слабо заискрилась, и фигура Гурина тоже опредѣленнѣе выступала изъ мрака...

Онъ стоялъ неподвижно за спиной Семена. Неподвижно чернѣла его тѣнь на сѣрой стѣнѣ... И онъ казался такимъ маленьkimъ передъ этой громадной до самаго потолка остановившейся за нимъ тѣнью.

Эта тѣнь словно дожидалась Гурина, чтобы, когда онъ повернется и опять пойдетъ по блиндажу, двинуться за нимъ вдоль стѣны безшумно и тихо.

— Такъ ты, значитъ, теперь когда идешь?

— Послѣ завтра...

— Послѣ завтра?

— Да.

— А ты не говорилъ никому, что у меня дѣлаешь?

— Кому-же говорить...

— Никому?

Гуринъ качнулся слегка впередъ, дернулъ было руку изъ-за пояса, но сейчасъ же оставилъ руку и совсѣмъ низко нагнулся къ Семену.

— А!—произнесъ онъ у него надъ ухомъ

тихо, почти шопотомъ, двинувъ при этомъ головой въ его сторону. Говоря, онъ широко открылъ ротъ и когда сказалъ, ротъ у него остался открытымъ.

— Никому,— сказалъ Семенъ... — Для чего говорить.

Ротъ у Гурина сомкнулся. Верхняя губа легла на нижнюю; губы подобрались и потомъ выпятились. Онъ пожевалъ челюстями и выпрямился.

— То-то, смотри!

— Знаю самъ.

Гуринъ опять нагнулся.

— Что знаешь?

— Мало ли какие есть люди.

Семенъ, не вставая съ колѣнъ, потянулся за коробкой, раньше имъ отложенной въ сторону, и вздохнулъ:

— Ох-хо...

Гуринъ далъ ему поставить коробку на полку и все тѣмъ же потухшимъ голосомъ, все такъ же раскрывая ротъ, какъ будто хотѣлъ крикнуть, громко спросилъ:

— Какие люди?

— Жулье.

Семенъ потянулся за другой коробкой.

Стоя склонившись надъ Семеномъ, Гуринъ закивалъ головой и зашепталъ:

— Да-да-да...

Потомъ болѣе громко спросилъ:

— Такъ никому?

— Сказалъ же вамъ

— Побожись.

— Ей Богу жъ, Иванъ Петровичъ.

— Ну, хорошо... Вѣрю, вѣрю.

Черная тѣнь сзади Гурина колыхнулась.

Гуринъ опять заходилъ по комнатѣ.

Минуту спустя, онъ опять остановился на прежнемъ мѣстѣ.

— Вѣдь я чего боюсь...

Семенъ повернуль къ нему лицо.

— Ась?

— Воровъ,—сказалъ Гуринъ.—Обокрадутъ, что же тогда: помирать? Вѣдь я тутъ на все время остаюсь.

— Торговать будете?

Подумавъ немного, Гуринъ произнесъ нѣсколько удивленно:

— Чего?...

— Я говорю, торговать будете?

Гуринъ отрицательно качнулъ головой.

— Нѣтъ.

Семенъ опять повернуль къ нему лицо.

— Чего же такъ?

Гуринъ уставился ему прямо въ глаза, вытянувъ шею.

— Нечѣмъ, братъ.

И онъ пожалъ плечами, разставивъ локти.

— Нечѣмъ... А остаюсь... Ты думаешь, почему я остаюсь?

Онъ вздернулъ брови и наморщилъ лобъ.

Все также пристально глядѣль онъ въ глаза Семену.

— Почему?—сказалъ Семенъ.

Онъ видѣлъ, что Гуринъ ждетъ отъ него именно этого вопроса. Онъ словно просилъ у него взглядомъ этого вопроса.

Гуринъ вынулъ руку изъ-за пояса и сдѣлалъ рукою неопределенный жестъ.

— Нѣтъ, братъ, ничего.

Немнога онъ заикался. Глаза у него искрились. И вдругъ Семенъ замѣтилъ маленькую маленькую слезинку въ уголкѣ одного глаза. Слеза у него выступила, какъ иногда выступаютъ слезы на морозѣ. Это Семенъ понялъ сразу. Во всякомъ случаѣ Гуринъ не плакалъ. Онъ даже ослабился, растянувъ губы въ какую-то странную трепетную улыбку.

— Все, братъ, распустилъ... Говорятъ, у меня денегъ много. Какія деньги! Одному сто, другому триста. Всѣ просятъ... Теперь вотъ для того и остаюсь: собрать надо... Да...

Онъ умолкъ опять на секунду, словно соображая что-то. Потомъ заговорилъ:

— И какъ получу, такъ сейчасъ и въ банкъ, такъ и въ банкъ—отъ соблазна.

III.

Гуринъ только что убилъ Семена.

Онъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера въ то время, какъ Семенъ собирался стрѣлять въ него.

Но Семенъ умѣлъ плохо владѣть оружиемъ... Онъ такъ долго тянулъ за спускъ сво-

его дрянного дешеваго бульдога, что Гуринь успѣлъ пустить въ него одну за другой двѣ нули.

Одна пуля попала прямо въ руку, другая подъ сердце.

Семенъ не уѣхалъ изъ города, какъ говорилъ...

На четвертый мѣсяцъ осады Гуринь засталъ его у себя въ блиндажѣ. Потайной шкафъ былъ открытъ, на полу валялись жестянки съ консервами...

Когда Гуринь кинулся съ револьверомъ на Семена, Семенъ тоже выхватилъ револьверъ...

Тогда Гуринь убилъ его.

Но прежде, чѣмъ выстрѣлить, онъ крикнулъ:

— Злодѣй! Воръ! Что ты дѣлаешь?..

— Самъ злодѣй! — закричалъ Семенъ.

Гуринь никогда не слыхалъ у него такого голоса. Онъ кричалъ, какъ изступленный. Онъ еще хотѣлъ что-то крикнуть и не могъ, только закусилъ губу. Потомъ онъ засопѣлъ часто и быстро, широко раздувая ноздри.

— Злодѣй! — повторилъ онъ и заскрипѣлъ зубами.

Онъ прямо въ упоръ смотрѣлъ на Гурина и вдругъ щелкнулъ зубами, какъ волкъ, и опять раздулъ ноздри...

Гурину казалось, что онъ хочетъ кинуться на него и перегрызть ему горло. Дикой злобой горѣли его глаза. Дышалъ онъ тяжело

и весь вздрагивалъ, точно буря, бушевавшая у него въ груди и высоко поднимавшая грудь, сотрясала его всего... И у него не хватило сильь совладать съ нею.

Опять онъ попытался говорить и словно поперхнулся словомъ, словно у него вдругъ захватило дыхъ.

Губы растянулись, обнаживъ бѣлые зубы...
Опять скрипнули зубы.

— Злодѣй, самъ злодѣй!..

Казалось, самое это слово „злодѣй“, съ которымъ онъ обратился къ Гурину, было для него ненавистно, и онъ хотѣлъ растереть его зубами.

— Консервы,—заговорилъ онъ, наконецъ,— вино... На цѣлый полкъ хватить. Тамъ люди мрутъ... ранены... Всѣ изъ послѣдняго...

Семенъ выхватилъ револьверъ.

Гуринъ нажалъ на спускъ... разъ, другой.

Онъ почти не слышалъ выстрѣловъ... Выстрѣлы, казалось, хлопнули гдѣ-то внутри него неясно и глухо.

Передъ глазами у него былъ никелированный стволъ Семенова револьвера, и сейчасъ онъ видѣлъ только этотъ стволъ. Онъ словно оглохъ въ эти минуты.

Семенъ упалъ.

Онъ подошелъ къ нему и нагнулся...

Семенъ хрипѣлъ и что-то бормоталъ между храпѣнiemъ.

Потомъ онъ пересталъ бормотать и хрипѣть...

Онъ умеръ.

Съ величайшимъ усилиемъ Гуринъ вытащилъ его тѣло изъ блиндажа въ подвалъ, вернулся опять въ блиндажъ и заперъ дверь на ключъ.

Теперь онъ былъ одинъ въ блиндажѣ.

Онъ взобрался на кровать съ ногами и сѣлъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ.

Онъ не помнилъ, сколько времени онъ просидѣлъ тамъ.

Онъ помнилъ только, какъ что-то зашевелилось вдругъ у него въ душѣ... Будто проснулось что-то и медленно приподняло вѣки.

И онъ самъ вздрогнулъ и широко открылъ глаза...

Необыкновенно ясно, будто Семенъ не умеръ, а былъ тутъ гдѣ-то, онъ услышалъ его хрипѣнья и то, что бормоталъ онъ среди хрипѣнья, лежа въ лужѣ крови.

— Развѣ я для себя... Я не за деньгами... Въ госпиталѣ нужно вина...

А, такъ онъ, вонъ какой Семенъ!..

Онъ чувствовалъ, какъ подъ кожу у него забрался холодъ и какъ стучать зубы...

Вонъ онъ какой!.. А развѣ его узнаешь.

Онъ сидѣлъ, опустивъ голову, и боялся поднять ее. Онъ чувствовалъ, что Семенъ здѣсь, и онъ сейчасъ же увидитъ его, какъ только подниметъ голову.

Но онъ сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не можетъ не поднять головы.

Семенъ здѣсь, и все равно, сколько бы онъ

ни противился, заставить его взглянуть на себя...

И вдругъ онъ закрылъ глаза ладонями, вскочилъ съ кровати, согнулся, будто его хотѣли ударить, отнялъ потомъ отъ глазъ одну руку и, вытянувъ ее впередъ, побѣжалъ, путаясь въ халатѣ, черезъ блиндажъ къ выходу въ тоннель.

Будто самъ собой, помимо его воли, вырвался у него изъ груди громкій, во всю силу легкихъ крикъ:

— А-а-а!

Казалось, вся душа его, потрясенная ужасомъ, рвалась съ этимъ крикомъ...

Онъ побѣжалъ на улицу.

На улицѣ былъ адъ.

Рвались бомбы, сверкая ослѣпительно яркимъ огнемъ. Несли раненыхъ. Среди грохота рвущихся снарядовъ слышались стоны.

Вонъ они тѣ, за кого умеръ Семенъ...

Онъ его убилъ, Семена... Когда люди, за спиной которыхъ онъ спасался въ своеемъ блиндажѣ, умирали отъ недостатка въ питьѣ и пищѣ, онъ наслаждался виномъ и консервами...

На мгновеніе онъ сталъ себѣ гадокъ. Словно человѣческую кровь пилъ онъ у себя въ блиндажѣ.

И тутъ ему вспомнилось какое-то бранное слово, крикнутое ему когда-то однѣмъ изъ его должниковъ.

Онъ остановился...

Будто кто-то назвалъ его по имени... Но онъ еще не могъ опредѣленно воскресить въ памяти тотъ моментъ и то слово.

И вдругъ онъ вспомнилъ.

Вотъ оно: „людоѣдъ“.

Огромная бомба хлоинулась на противоположной сторонѣ площади, вырывъ глубокую, сажени въ двѣ, яму на мѣстѣ разрыва.

Онъ подбѣжалъ къ краю этой ямы и сталъ неподвижно. Теперь ему хотѣлось смерти... Ему казалось почему-то, что и второй разъ сюда можетъ попасть снарядъ.

Поднявъ голову и крѣпко захвативъ въ пальцы воротникъ халата, онъ прошепталъ съ мукой:

— Господи! возьми меня...

Въ землянкѣ.

(Изъ рассказовъ фейерверкера Сорокина).

I.

— Была у насъ одна старуха; этакая, какъ сказать—въ родѣ монашки. Высокая—во! Какъ жердь. Всѣ монашки — низенькия, а она высокая.

Да... Рулемъ звали, потому что, опять говорю, какъ была она высокая, то и нось ей отъ роженья былъ даденъ какъ надо быть... Тоже очень большой былъ нось.

Потому и Рулемъ звали.

И худища — страсть... Вся высохла. Шея это длинная-длинная. Голова трясется.

Въ черномъ платьѣ ходила и въ платкѣ съ бахромой. Тоже и платокъ черный — подъ цвѣтъ.

И вотъ я что скажу: баба вѣдь она, если такъ разобрать, обыкновенная баба; только что старая... А одѣнетъ платокъ и сейчасъ мое почтенье...

Вотъ тебѣ и баба...

Платокъ это, какъ мантія—до пятокъ; подъ горломъ булавочкой заколоть и на груди бу-

лавочкой, а видать—не видать, что булавочкой. Какъ мантія... Да...

Сложить ручки и стоять.

Смотришь, смотришь на нее... Господи Боже... Ну вѣдь, ей Богу же пахнетъ отъ нея ладономъ или кипарисомъ или еще чѣмъ...

Ей Богу!

Лицо желтое, руки желтыя... Платокъ этакъ надъ глазами шалашникомъ... И глаза какъ изъ погреба смотрять.

Темные глаза у ней были само собой, а тутъ еще отъ платка темно...

Какъ не живая... Либо еще что хуже.

Стоить и молчить.

И разъ, помню, стояла-стояла она такъ-то...

И вдругъ—бацъ!..

— Нынѣшней ночью,—говорить,—сподобилась я, матушка Палагея Петровна (это дьяконица наша—Палагея Петровна)... Да... сподобилась,—говорить,—я быть на томъ свѣтѣ...

И сейчасъ открыла ротъ...

Зубы это рѣдкіе черные, ротъ, какъ яма...

— Господи Іисусе Христе...

Перекрестила ротъ.

— Сподобилась,—говорить опять.

Конечно, молодъ я тогда былъ, глупъ... Полчеловѣкъ, однимъ словомъ; у дьякона въ работникахъ служилъ... Два рубля получалъ...

Знаете, жуть взяла...

Погляжу погляжу... Ахъ ты, Господи... Думаю:

— Всѣ люди, какъ люди... А у ней все въ портѣ-артурѣ.

равно какъ все провалилось: и глаза и ротъ...
Все одно, какъ и сама провалилась.

Платье это, платокъ—все черное. Да...

— Сподобилась,—говорить...

Глядь я на дьяконицу.

Чай она пила... Въ-прикуску, конечно. Такъ у ней сахаръ въ зубахъ и остался...

Вынула сахаръ, положила на столъ.

— М-м-м—говорить.—Какъ же это?

Тутъ она и пошла и пошла...

Батюшки мои! Говорила, говорила... Ахъ ты, чтобы тебя! Доведись теперь, ни въ жизнь бы не повѣрилъ.

Врала, конечно... Я думаю такъ, приснилось ей и больше ничего. Мало ли что можетъ присниться! Я къ тому собственно и говорю.

Вѣдь, знаете, была она у меня вчера... Эта самая, ей Богу!.. Какъ же... А померла... Еще вонъ когда... Еще я только отъ дьякона отошелъ...

Лежу это я вотъ хоть какъ сейчасъ, скажемъ... Да... Вдругъ, мое почтенье! Потянуло—потянуло ладономъ, кипарисомъ, сосновой доской, и вотъ тебѣ и разъ... Хлопъ—она... Да... Чернѣеть что-то въ углу.

Думаю:

— Кто!.. Солдатъ въ шинели?..

Гляжу... Вотъ тебѣ и солдатъ!

— Шарокинъ, Шарокинъ!..

Шамкаетъ...

— А?—говорю.

И ужъ гляжу, нѣтъ тебѣ ни землянки, нѣтъ

тебѣ ничего... Сразу, значитъ. Такъ и выкинуло. Только внизу что-то: ш-ш-ш-ш—какъ ракета... А я все выше-выше. Глядь туда, глядь сюда—и ей нѣту. Ничего нѣту.

Чувствую только, что меня подпираетъ что-то снизу. И әтакъ какъ-будто немножко тепло... Все равно, какъ теплымъ духомъ наддаетъ.

Тихо, конечно.

Явственно слышно: ш-ш-ш... Шипитъ.

— А ну какъ,—думаю,— пошипить-пошипить, да не хуже давищняго, когда ракету пустили... Да зарядъ-то въ ней фунта четыре!..

А наддаетъ — здорово наддаетъ. Шинель такъ и отшибаетъ въ сторону.

Хорошо, значитъ, лечу...

И вдругъ вижу әтакъ въ родѣ окошечка... Ввѣрху значитъ... Да... Отворилось. И что же, вы думаете, сейчасъ бацъ, — сѣль у окошка Семенъ Федоровъ; сѣль и трубку курить.

Облокотился әтакъ на подоконникъ.

— Федоровъ!—кричу.

А онъ себѣ, хоть бы что... Пыхъ да пыхъ... Какъ пыхнетъ, такъ его сейчасъ и затянетъ дымомъ. Только и видно—чуть-чуть трубка свѣтится...

Потомъ гляжу пересталъ курить, выбилъ трубку о подоконникъ.

— Ну?—говорить.

Облокотился о подоконникъ обѣими руками, внизъ смотрить. Совсѣмъ высунулся.

— А,—говорить,—это ты, Сорокинъ?..

И сейчасъ мнѣ — руку.

— Хватайся...

Схватилъ я его за руку... Такъ и повисъ.
Думаю:

— Не приведи Богъ оборвусь...

Одначе ничего, втащилъ онъ меня... Прямо, значить, въ окно. Гляжу, Господи Іисусе Христе... Гдѣ я?..

Этакъ хатки стоять бѣленъкія-бѣленъкія... Да... фаянсовыя... И около хатокъ на порожкахъ старички въ бѣлыхъ халатахъ...

Лужокъ, это значитъ, цвѣточки по лужку; ручей течеть.

Я сейчасъ:

— Федоровъ!

— Тише, — говоритъ, — у насъ не полагается...

Я, конечно, попотомъ:

— Гдѣ я?..

А онъ опять:

— Тише...

Ну и, какъ вы знаете, какой онъ былъ сквернословъ, — выругался.

Потомъ говоритъ:

— И безъ тебя сю минуту много шуму.

И сейчасъ пригнуль пальцемъ ухо сзади...

— Погоди, — говоритъ.

Прислушался... Да... Внизъ смотрить.

— Такъ и есть, — говоритъ, опять трое бредятъ.

— Какіе, — говорю, — трое? Гдѣ бредятъ?

— А тамъ, — говоритъ.

И пальцемъ сейчасъ тыкъ внизъ. Глянулъ потомъ на меня, нахмурился.

— Знаешь ты гдѣ?

— Гдѣ?

— Во снѣ...

— Какъ,— говорю,— во снѣ?

— А очень просто... Во снѣ. Заснулъ, значитъ...

Вреть,—думаю...

— Ну говорю, а Руль?..

— И Руль,—говорить,— во снѣ.

— А то, что шипѣло?

— И шипѣло во снѣ.

Вытаращилъ я глаза.

Гляжу на него, молчу. То-есть, понимаете, все равно какъ обухомъ. Все равно, какъ отбилъ онъ мнѣ все въ головѣ.

Одначе думаю:

— Во снѣ, такъ во снѣ! Мнѣ что? Мнѣ все одно.

Подумалъ, подумалъ... Ежели, думаю, во снѣ, такъ мнѣ и времени совсѣмъ осталось почти что ничего.

— Можешь ты мнѣ,—спрашиваю,— нашихъ показать,—какіе побиты? Хоть, говорю, съ нашей батареи?

— Отчего,—говорить,— не показать.

— Можешь?

— Да тебѣ кого?

Сказалъ я, кого. А самъ гляжу, гляжу кругомъ. Думаю: раії?.. Такъ иѣтъ, какой это раії, когда я во снѣ? И гляжу—хаты дѣйстви-

тельно фаянсовыя... Что, думаю, такое? И опять же, что за старишки? Можетъ, багадѣльня?..

II.

Хорошо; значитъ, пошли мы.

Идемъ, это, по ручью, бережкомъ... Цвѣты кругомъ желтые, синіе, красные — всякие... Огромаднѣйшіе цвѣты! Во — съ подсолнухъ. Я сначала и подумалъ. Думаю:

— Можетъ, это старишки сажали.

Да...

Спрашиваю:

— Федоровъ, что это, подсолнухи?

— Дуракъ, — говорить, — какіе тутъ подсолнухи!

Взялъ сейчасъ, сорвалъ одинъ цвѣтъ.

— На!

Понюхалъ я... Ахъ ты, Господи! Однимъ словомъ, благоуханіе.

— Можно, — спрашиваю, — взять съ собой?

— Можно, — говорить, — у насъ это не возбраняется. Только, — говорить, — чтобъ не тонтъ.

Дальше идемъ... Гляжу — рай-древо, кустовъ должно пять или больше — бѣлая и голубая; въ цвѣту... На листьяхъ шпанскія мухи ползаютъ.

Только, напримѣръ, скажемъ... Это, конечно, такъ и должно быть: шпанскія мухи — онѣ всегда на рай-древѣ. Только гляжу, одна

муха задѣла другую и сейчасъ: дзынь... Потомъ опять задѣла и опять—дзынь...

Все равно, какъ рюмки...

Золотыя!...

То-есть, конечно, въ середкѣ у нихъ требуха, а сверху—золотыя.

И, знаете, не пахнетъ... То-есть, ничуть ничего. Напримѣръ, взять нашу муху... Вонь, смрадъ... А тѣ—ничего. Ни капельки.

Только звенятъ...

Я сейчасъ къ Федорову:

— Занимаетесь этимъ?

— Насчетъ мухъ?

— Да,—говорю,—насчетъ мухъ. Въ аптеку,—говорю,—можно.

— Аптекарей-то,—говорить,—у насъ нѣту.

Только гляжу: бацъ—райская птица... Съ индюка. Да... Тоже огромадная...

Хвостъ, это, перья — такъ и горятъ.

Прямо къ кустамъ. Подошла и сейчасъ—долбъ... Значитъ, испанскую муху. Потомъ другую—долбъ, потомъ третью.

Потомъ, подняла крылья, вытянула шею...

— Кукареку-у!...

То-есть не кукареку, а еще какъ-то... Да... совсѣмъ тебѣ пѣтухъ.

Пропѣла и крыльями по бокамъ — хлопъ—хлопъ...

Федоровъ говорить:

— Райка, райка...

Подозвалъ ее... Протянулъ, это, руку, будто что сыплеть. Да... Подошла она.

Онъ ее сейчасъ по головѣ... Погладилъ.
Ну, ничего, пошли дальше.
И-д-емъ это, значитъ... Смотрю—Акимовъ.
И откуда выскочилъ,—Богъ его знаетъ...
Только вижу онъ. Шинель это въ накидку,
рубаха распоясана. На ногахъ туфли. Безъ
шапки.

Стоить, смѣется.

— Эй,—говорить,—Сорокинъ!

Выпучилъ я на него глаза.

— Какъ,—говорю,—сюда попалъ?

Потому что на моихъ же глазахъ его разорвало... Гдѣ рука, гдѣ нога, а голова прямо
черезъ брустверь.

Да...

Гляжу на него, думаю:

— Премудрость... Вѣдь собрать—одно чего
стоило; опять же говорю: нога вонъ куда,
рука вонъ куда, а голова—за орудія.

И вдругъ—весь... И вдругъ—цѣль, и вдругъ
идеть.

— Акимовъ!—говорю...

И гляжу-гляжу на него... Голова то его...
А ноги—развѣ разберешь! Ну—главное го-
лова цѣла—значить, слава Богу.

Поцѣловались.

— Какъ живешь?...

— И ахъ, какъ,—говорить,—хорошо.

И вдругъ бацъ—столъ. Бацъ—графинъ,—
рюмки, да... закуска. Все.—Садись,—говорить.
Сѣли.

Налиль онъ водочки, закусочки нарѣзай.

— Со свиданьицемъ...

Я это погляжу, погляжу... Хатки это въ сторонкъ фаянсовыя, старички сидятъ...

— А полагается! — говорю.

Взялъ это рюмку, а самъ — на старишковъ.

Да...

Потомъ это нагнулся поближе къ столу...

— Господи Іисусе Христе...

Взялъ и выпилъ. Утерся скатертью. А самъ опять на старишковъ. Одначе ничего. Хоть бы что. Только одинъ крякнулъ. Крякнулъ и сейчасъ усы разгладилъ и бороду вытеръ.

— Ну, — говорю, — такъ какъ? Ничего!

А онъ опять:

— И ахъ, какъ хорошо.

Выпили еще по одной...

— Хочу — говорить, — хлопотать, чтобы жену да ребятишекъ сюда выписать... А то мнъ-то хорошо, а имъ-то...

Закрутилъ головой.

Чуть было не ляпнулъ:

— Да вѣдь ты, другъ мой милый, померъ. Вѣдь разорвало тебя... Небось — скажи женѣ — и руками и ногами.

Да, думаю:

— Господь съ нимъ. Можетъ и не помнить, что его разорвало.

Да...

— Хочу, — говорить, — хлопотать насчетъ жены.

— Что жъ, — говорю, — хлопочи... Хлопочи братъ...

Ну вышли еще по одной. Поднялся онъ...

— Въ канцелярію, — говорить, — пойду.

— Насчетъ жены?

— Да, насчетъ жены.

Простились...

Попали дальше. Идемъ: Петровъ — день-
щникъ... Всунулъ руку въ сапогъ, въ другой
рукъ щетка. Другой сапогъ около стоитъ, со-
всѣмъ чистый.

И вижу — офицерскіе сапоги.

— Петровъ! — говорю.

Поднялъ онъ голову. Поглядѣлъ, потомъ
говорить:

— Погоди.

Плюнулъ на щетку. Разъ, разъ. Пошла ра-
бота! Вымазалъ сапогъ, поставилъ на сол-
нышко, чтобъ обсохъ. Ко мнѣ:

— Здравствуй, — говорить.

И я тоже:

— Здравствуй.

Конечно, за ручку.

— Ты, — спрашиваю, — при комъ теперь?

— Да все при нихъ, — говорить, — при гос-
подинѣ Алферовѣ.

Я сейчасъ дергъ себя...

Дескать: стой!...

Потому что знаю — Алферова-то вонъ еще
когда убило.

— Да вѣдь, погоди, — думаю, — вѣдь и его
убили, Петрова.

Ничего ему не сказалъ.

— Ну, какъ? — спрашиваю — лучше тутъ?

— Хорошо, — говоритъ... — Харчи хорошие, обхожденіе хорошее.

— А ихъ благородіе?

— А вонъ они, — говоритъ.

Гляжу — окно. И сидитъ въ окнѣ Алферовъ, календарь читаетъ. Потомъ, какъ швырнетъ календарь.

— Ни газетъ тебѣ, — говоритъ, — ничего. Хотя самъ выдумывай, что на свѣтѣ дѣлается... Ну ни дать ни взять, какъ на батареѣ.

Снялъ я шапку.

— Здравія желаю, ваше благородіе!

— А, — говоритъ, — Сорокинъ! Здорово, братъ. Погляди-ка, готовы сапоги?

А Петровъ ужъ вотъ онъ.

— Пожалуйте.

Подалъ ему сапоги прямо въ окно. Чудно у нихъ! Ну развѣ можно въ окно!

И гляжу, — окно, какъ окно, а стѣнъ нѣтъ. Чудно!

Одѣлъ, значитъ, сапоги Алферовъ. Слышно сквозь окно, какъ они скрипятъ. Значитъ, тамъ у него полъ. Одѣлъ и ужъ бацъ — вотъ онъ выходитъ..

Кителекъ это бѣленъкій, чистенькій; въ рукѣ палочка.

И попелъ себѣ лужечкомъ. Идетъ, палочкой помахиваетъ, пасвишиваетъ... Головой это кочь-кочь...

И видно, что совсѣмъ ему хорошо, только газетъ нѣту.

Да...

Солнышко это свѣтить, шпанки звенять... Райскія птицы тутъ, рай-древо... Помирать не надо...

Гляжу и думаю:

— Чего робѣть...

Сейчасъ къ Федорову:

— Можно,—говорю,—выкупаться?

— Валяй,—говорить.

III.

Ну, послѣ купанья пошли мы дальше.

Идемъ это, слышимъ вдругъ—шумъ.

Что такое?

Ну, какъ вамъ сказать, все равно вотъ, какъ мышь въ подпольѣ... Да... Царапъ-царапъ.

Только много громче. Въ родѣ какъ подъ поломъ у нихъ мостовая, и тамъ весна началась, и дворники съ тротуаровъ ледъ это скребками гребутъ-гребутъ.

Остановились.

Я говорю:

— Что?

И только сказалъ, гляжу подъ ногами тутъ этакая доска не доска, плита не плита... Да... Кольцо ввинчено.

Федоровъ сейчасъ за кольцо.

— Гляди,—говорить.

Глянуль я. Смотрю, внизу это земля, вверху облака... И схватился, значитъ, одной рукой за облако нашъ же солдатикъ... Царапается, а взлѣзть не можетъ.

Другое облако у него подъ ногами, совсѣмъ маленькое, такъ и качается...

И какъ это онъ, значитъ, подтянется, подтянется на рукахъ къ верхнему облаку, а его туда сюда... раскачиваетъ... А сапоги по нижнему-то облаку др-р-р... др-р-р...

Съ гвоздями сапоги—такъ и деруть.

Увидѣлъ нась.

— Братцы!

Федоровъ кричить:

— Канать!

Я тоже:

— Канать!

Да, тоже, какъ и онъ... Значить, маленько попривыкъ и осмѣлѣлъ.

И опять же вижу, человѣкъ оборваться можетъ.

И слышу вдругъ:

— Лови!

Шасть—канать... Хорошій канать, я ужъ сразу вижу корабельный.

— Кидай!—кричить Федоровъ,—трафъ на нижнее!

Бросилъ я канать... И такъ, знаете, ловко угодилъ—прямо на нижнее облако, прямо, значитъ, ему подъ ноги.

Нагнулся онъ, подхватилъ.

Ну, верхнее облако сейчасъ и поплыло

далъше... Дескать, чего мнъ тутъ дѣлать, сами теперь обойдутся.

Солдатъ это, значитъ, давай себя канатомъ обматывать, давай обматывать.

Обмоталъ.

— Тащи!

Потянули мы...

И только подтянули такъ на вершокъ—глядь, и нижнее облако закружилось, закружилось на одномъ мѣстѣ и поплыло себѣ за верхнимъ.

До свиданья!

Ну, вытащили мы солдата, смотримъ: лицо въ крови, ноги въ крови... Одна нога перевязана бинтомъ, другую, должно, не успѣли... Такъ вся, какъ буракъ...

Вытащили, значитъ...

А я какъ ужъ совсѣмъ тутъ обрусьль, сей-часъ недолго думавши:

— Доктора! Санитаровъ! Посылки!—кричу.

Да...

И вдругъ, мое почтеніе—докторъ. Вотъ онъ. Подошелъ.

— Снять,—говорить,—бинтъ!

А солдатъ:

— Ваше благородіе, какъ можно бинтъ снять, она у меня на одной ниточкѣ.

Онъ опять:

— Снять!

А солдатъ:

— Перевяжите, ваше благородіе, лучше сначала другую.

— Никакихъ,—кричить,—перевязокъ!

Ахъ, ты Господи! Что вы съ нимъ подѣлаете?

И что же вы думаете, вѣдь, сняли.

И только что, слава тебѣ Господи, сняли, какъ ни въ чемъ не бывало.

Даже не хромаетъ... Даже кровь пропала. Во!

Глядь, откуда ни возьмись—офицеръ этотъ въ кителѣ.

Остановился. Поглядѣлъ, поглядѣлъ...

— Да, — говоритъ,—молодцы наши доктора...

И пошелъ себѣ дальше.

Я сейчасъ къ Федорову:

— Что такое? Какъ такъ?..

— Духъ,—говорить,—тутъ такой лекарственный... Въ родѣ, значитъ, какъ въ Крыму. Чуете?

— Какъ въ Крыму?—спрашиваю.

— Да, какъ въ Крыму...

Чудеса! Прямо чудеса!..

— И ничего, — говоритъ,—не беруть! Ничего... У насть, — говоритъ, — духъ вольный... Кто хочетъ, — говорю, — сейчасъ разинь ротъ и глотай...

Ловко?.. То-то и дѣло. Такъ ужъ заведено. Потому если и такъ разсудить, напримѣръ: чай или, скажемъ, деготь...

Пришелъ въ лавку.

— Ну-ка, молодчикъ, свѣсь тамъ фунтъ или два...

А какъ ты духъ свѣсишь?

И опять же его ни въ пузырекъ, никуда. На то онъ и духъ.

Дальше пошли.

Вижу опять окно. И сидятъ подъ окномъ двое солдатиковъ. Высунулись въ окно, внизъ смотрятъ. Только спины и видно да затылки.

Одинъ ноги задралъ.

Остановились мы.

Я спрашиваю:

— Что дѣлаютъ?

— Слушай! — говорить Федоровъ.

И вдругъ слышу: ш-ш-ш... Потомъ шлепъ! Потомъ, опять немного погодя: шлепъ...

Слышу, что внизу шлепаетъ и шипитъ внизу.

Все равно, какъ пллюютъ на что... Только пллюютъ-то — пллюютъ, а зачѣмъ оно шипитъ?..

— Пллюютъ? — спрашиваю.

— Пллюютъ...

Гмъ... Удивительная вещь!

— А для чего пллюютъ?

— Играютъ, — говорятъ. — Картъ тутъ нѣту, такъ они — въ плевки. Да пойдемъ, — говорить, — поглядимъ.

Подошли.

Гляжу (въ окошко то все видно), внизу это, значитъ, можетъ, саженей на пятьдесятъ японская батарея. Скорострѣльная. Да, жарять такъ, что страсть... Бумъ-бумъ... Выстрѣль за выстрѣломъ. Страсть.

Шалецъ къ орудію приложить нельзя... До того, значитъ...

А они это... Сейчасъ одинъ:

— Твоя очередь, валай!

А другой свѣсится съ подоконника, возьметъ и плюнетъ...

И такъ трафитъ, чтобы на орудіе...

И значитъ, ежели попалъ, сейчасъ и шлепнеть... А потомъ зашипѣтъ.

Ш-ш-ш... Потомъ: шлепъ...

— А ну-ка,—говорю,—братцы, дайте мнѣ.

И только, что было приготовились (конечно, подвинулись, дали мнѣ мѣсто, а одинъ даже говорить: „весьма пріятно“), только приготовился, гляжу—нашъ батарейный... Только не на японской, а на нашей сторонѣ.

Кричить:

— По мѣстамъ!

Все равно, какъ онъ сдернулъ меня сверху.

Такъ и полетѣлъ внизъ кубаремъ... И ужъ, гляжу, я въ землянкѣ и ужъ поясъ застегиваю.

И вотъ сейчасъ, хоть убей меня—ей Богу не знаю, сонъ ли это, или другое что...

Сорокинъ кончилъ свой разсказъ.

— Разскажи, — слышатся голоса, — Сорокинъ, разскажи еще!!!

Сорокинъ молчить. Онъ уже усталъ разсказывать.

— Истинно, рай,—замѣчаетъ кто-то и вздыхаетъ:—Эхъ-ма-хма...

Будто ему никогда, никогда не побывать въ этомъ раю... даже и во снѣ.

Лазутчикъ.

І.

Смирновъ осторожно приподнялся на локтѣ, просунулъ голову между двумя камнями, лежавшими близко одинъ подлѣ другого, и посмотрѣлъ впередъ.

Эти камни издали, когда онъ подползълъ къ нимъ, показались ему въ темнотѣ сначала однимъ камнемъ. Затѣмъ онъ разглядѣлъ посрединѣ камня трещину, и, наконецъ, уже когда былъ совсѣмъ близко, камень словно раскололся и разъѣхался на двѣ стороны.

Открывалось отверстіе, длинное и узкое...
Впереди была тьма...

На совсѣмъ почти черномъ небѣ на горизонтѣ мигала одинокая звѣзда.

Откуда-то пахло свѣжей землей, откуда-то тянуло гарью.

Смутно вдали обозначалась ни то скала, ни то башня, ни то дерево... И трудно было сказать, далеко ли до той башни или скалы, или дерева...

Смирновъ проползъ мимо камня, и сейчасъ же передъ нимъ изъ темноты выплыло опять

что-то мутное, бѣлое, какъ тогда, когда онъ еще неясно различилъ въ первый разъ тѣ два оставшихся теперь позади камня.

Еще камень...

Онъ глянулъ въ сторону. Тамъ тоже маячило неопределенно, какъ въ темномъ погребѣ, что-то бѣлесое.

Всю дорогу ему попадались камни.

Казалось, кто-то и когда-то давно, давно, такъ что тяжелыя песчаныя глыбы успѣли врастіи наполовину въ землю, закидалъ сверху всю страну камнями.

А тутъ камней было особенно много.

Будто тутъ именно они грохнулись сразу кучей и потомъ уже раскатились во всѣ стороны, по всей странѣ.

Кругомъ попрежнему было и темно и тихо-тихо...

Чувствовалась сырость. Чувствовалось, какъ садилась роса.

Камни осклизли. Мундиръ на Смирновѣ тоже отволгъ, и къ нему непріятно было прикоснуться: пальцы липли, будто это не роса осѣла на рукахъ и на мундирѣ, а выступило что-то изъ сукна и изъ пальцевъ...

Все дальнѣе пробирается Смирновъ между камнями.

Въ тишинѣ прогудѣлъ жукъ и сейчасъ же оборвалъ свое гудѣніе, какъ только пролетѣлъ мимо, словно провалился въ темноту позади Смирнова.

Смирновъ остановился, поднялъ голову...

О, чтобъ тебя!

И двинулся дальше. Но черезъ секунду остановился опять.

За голенищемъ у него былъ кинжалъ. Онъ дрыгнулъ ногой разъ, потомъ еще разъ... Казалось, за голенищемъ нѣтъ ничего. Раньше кинжалъ его беспокоилъ. Теперь кинжалъ совсѣмъ не ощущался.

Будто одна портянка обмотана вокругъ ноги...

Онъ подтянулъ ногу, пощупалъ.

„Нѣтъ, цѣль кинжалъ“.

Онъ опять поползъ...

Еще камень, еще... Направо невысокая скала...

При каждомъ движениіи теперь онъ чувствуетъ за голенищемъ твердый предметъ... Кинжалъ опять беспокоить ногу, раздражаетъ кожу сквозь портянку...

Будто къ самимъ нервамъ прикасается... Нервный зудъ бѣжитъ дальше по всему тѣлу, по спинѣ, въ пояснице... Будто какая-то непріятная изморозь прступаетъ сквозь кровь...

Глубокая рытвина.

Смирновъ не замѣтилъ, какъ подползъ къ ней.

Только у самаго края онъ разсмотрѣлъ ее. Дна не видно, ни противоположнаго берега рытвины. Земля словно тутъ провалилась. Рытвина полна мрака.

Онъ ползть берегомъ рытвины влѣво.

Подъ руками и колѣнями чувствуется песокъ, мелкіе острые камешки.

Онъ оползъ рытвину кругомъ, взялъ опять
прямое направлениe.

Впереди все та же тьма...

Башня или скала вдали пропала... Только
звѣзда мигаетъ.

Все время онъ ползъ прямо на эту скалу
или башню.

И онъ даже дышать пересталъ и вытянуль
шею и, не мигая, вперилъ взглядъ впередъ...

Гдѣ эта скала?

Тускло блеснула ему въ глаза звѣзда.

Но онъ не сразу сообразилъ, что это зна-
чить, что онъ не сбился съ пути, когда
звѣзда все тамъ же, гдѣ была раньше.

Потомъ въ немъ мелькнула мысль.

Стало-быть, онъ не заблудился...

Стало-быть, скала—такъ и есть скала... Онъ
только сейчасъ проползъ мимо нея, передъ
этой рытвиной

Скала осталась позади.

Далеко ли? Близко ли?

Скала казалась совсѣмъ далеко, тамъ же,
гдѣ звѣзда, на самомъ горизонтѣ.

Онъ оглянулся назадъ...

Вонъ она...

И опять не разберешь, дерево ли это,
башня ли, скала ли! Опять она такъ же далеко,
на самомъ, кажется, горизонтѣ, какъ была
раньше.

А можетъ-быть это не та скала, которую
онъ миновалъ только что? Можетъ, это другая

скала или какое-нибудь дерево, которого онъ раньше не замѣтилъ?..

Тихо кругомъ.

И въ немъ все затихло.

Мракъ повсюду... И не знаешь, что притаилось въ этомъ мракѣ и что сейчасъ будетъ...

Далеко-далеко мигаетъ звѣзда.

Онъ оглядывается кругомъ.

Темный высокій предметъ маячитъ вдали — это скала или башня, или Богъ ее знаетъ что...

Жутко и смутно на душѣ... Словно мракъ, объявшій все вокругъ, захлестнулъ душу...

Раньше онъ прямо ползъ на эту скалу... А теперь скала, если это только скала, воинъ она — назади, спряталась въ темнотѣ... А если и звѣзда эта другая, на другой сторонѣ? Или одна звѣзда закатилась, а другая взошла?

Онъ останавливаетъ глаза на звѣздѣ.

Та ли?.. Развѣ узнаешь!..

О, Господи!..

II.

Онъ все-таки поползъ дальше, держась прежняго направлениѧ.

Вокругъ все такъ же было тихо....

Но каждую секунду могъ вспыхнуть гдѣ-нибудь неподалеку, изъ какой-нибудь рѣт-

вины или изъ-за скалы огонь выстрѣла... Могъ раздаться окликъ изъ непріятельской заставы.

Можетъ-быть, непріятель отъ него не дальше той скалы, что осталась позади.

Нѣтъ, нужно подвигаться впередъ еще осторожнѣй, чѣмъ раньше. Каждый шагъ приближаетъ его къ непріятелю, а каждое невѣрное, неловкое движение—къ смерти.

Снова мелькаетъ мысль:

„Цѣль ли? кинжалъ“ Снова онъ ощупываетъ сапогъ... Пока онъ соображалъ, не заблудился ли, а кругомъ была тьма и тишина; эта тьма и тишина подавляли его, захватили всего, словно пришибли... Онъ не только пересталъ ощущать, какъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, кинжалъ за голенищемъ,—онъ не могъ даже сказать, что сейчасъ у него подъ руками—песокъ ли, земля ли или камень.

„Нѣтъ, тутъ кинжалъ“...

Опять онъ поползъ...

Иногда, когда онъ сворачивалъ за камень или спускался въ какую-нибудь неглубокую рѣтвинку или впадину, мерцавшая впереди звѣзда пропадала за угломъ камня или за краемъ рѣтвины.

Онъ выбирался на ровное мѣсто, а звѣзда словно выплывала откуда-то снизу... Точно она вмѣстѣ съ нимъ и скрывалась въ рѣтвинахъ, пряталась за камни, точно слѣдила за нимъ, за каждымъ его шагомъ.

— А, ты вотъ она!..

Тускло блестѣть она ему издали.

И это — что звѣзда то пропадала, то вспыхивала опять почти черезъ равные промежутки — начинало мало - по - малу раздражать его... Тотъ же болѣзненный зудъ, какой испытывалъ онъ отъ ощущенія посторонняго тѣла въ сапогѣ, дергалъ нервно разъ за разомъ, минуту за минутой, давая первамъ отдыхъ только на мгновеніе, чтобы снова загорѣться въ нихъ.

Словно глазъ какой-то блестить ему изъ темноты.

Сверкнетъ, потухнетъ и опять блеснетъ...

„Ага, ты вотъ гдѣ!.. Ты опять выползъ на чистое мѣсто“.

Онъ нарочно сталъ задерживаться подольше за камнями и въ рѣтвинахъ...

Тутъ ему было спокойнѣй...

Тутъ даже звѣзда его не видить...

Иногда свѣтъ звѣзды казался ему необыкновенно яркимъ. Словно она разгоралась..

И ему было болѣю смотрѣть на нее.

Ея короткіе лучи словно впивались ему въ глаза, словно слѣпили глаза. Словно смотрѣть онъ ие на звѣзду, а на близко стоящую свѣчку.

Попробуйте пристально долго смотрѣть на свѣчу, даже на самую маленькую свѣчку, даже на огонекъ лампадки... Получится то же.

Даже слезиться начинали у него глаза съ болью, съ рѣзью подъ вѣками.

Красные круги выплывали и потухали передъ глазами.

И потомъ, когда онъ отводилъ глаза въ

сторону, мракъ казался еще болѣе глубокимъ, будто онъ забирался куда-то все глубже-глубже книзу, въ какую-то пропасть.

Вдругъ онъ остановился...

Въ эту минуту онъ только что выбрался изъ-за невысокаго пригорка. Совсѣмъ близко, тутъ же за пригоркомъ, чуть теплился небольшой костерчикъ, кучечка поломанныхъ тоненькихъ вѣтокъ...

Пламя было слабое... Видно, кучечку вѣтокъ, только что подожгли... Синеватая снизу, извилающаяся лента пламени волновалась между вѣтками, обвивала вѣтки... Курился легкій дымокъ.

Въ первое мгновеніе ему бросился въ глаза только этотъ костеръ. Потомъ онъ различилъ фигуру, сидѣвшую около костра на корточкахъ бокомъ къ нему.

Фигура была неподвижна...

Отблескъ пламени искрился слабо на синемъ мундирѣ и на чемъ-то блестящемъ на землѣ съ боку фигуры.

Одинъ онъ, или тутъ ихъ нѣсколько?

Онъ долго, такъ что костеръ успѣлъ разгорѣться какъ слѣдуетъ, подгибалъ и подтягивалъ правую ногу, гдѣ за голенищемъ у него былъ спрятанъ кинжалъ...

Онъ видѣлъ, какъ разгорается костеръ... Свѣтлое пятно вокругъ костра, сначала трепетное, дрожащее, будто умирающее, расплывалось по землѣ теперь, захватывая быстро все больше и больше пространства.

Около пригорка была трава.

Будто жидкое зеленоватое пламя разливалось вокругъ костра.

Вѣтки, изъ которыхъ былъ сложенъ костеръ, были сухія и загорѣлись дружно, какъ-то всѣ сразу.

Зеленоватое пламя, казалось, торопилось разлиться во всѣ стороны, захватить возможно большее пространство.

Будто оно подкатывалось ему подъ колѣни.

Когда онъ подался немного впередъ, подбирая ногу, отъ его головы на освѣщенное пространство легла рѣзкая черная тѣнь, круглое черное пятно.

Онъ увидалъ эту тѣнь и быстро, задержавъ на мгновеніе ногу, всѣмъ корпусомъ сразу подался назадъ.

Словно онъ обжегся.

Наконецъ, онъ подтянулъ ногу настолько, что могъ достать кинжалъ.

Такъ же долго и такъ же осторожно вынималъ онъ кинжалъ изъ ноженъ...

За все это время онъ не спускалъ глазъ съ японца.

И ему это было трудно—одновременно и слѣдить за японцемъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы клинкомъ кинжала какъ-нибудь не царапнуло по ножнамъ...

Вніманіе развоилось...

Будто онъ косилъ глазами въ разныя стороны, не зная откуда ждать нападенья...

Когда онъ вынулъ кинжалъ, стало легче.

Теперь онъ немного подвинулся назадъ...
Что дѣлать?

Одинъ онъ или нѣтъ?.. Онъ бросилъ взглядъ вверхъ по пригорку... Нѣтъ ли тамъ кого?
Нѣтъ, никого, кажется...

А не можетъ быть, чтобы никого... Что онъ тутъ одинъ дѣлаетъ?..

Онъ опять перевелъ глаза на сидящаго передъ костромъ.

Теперь костеръ освѣщалъ японца ярко и полно...

„Подожду, пока станетъ погасать“, — рѣшилъ онъ.

III.

Притаившись, весь съежившись, почти приспавъ къ землѣ, онъ ждалъ, пока погаснетъ костеръ...

Ждать пришлось недолго.

Свѣтлый кругъ на землѣ около костра сталъ суживаться. Пламя стало трепетное, неровное, дрожащее. Опять со всѣхъ сторонъ надвигалась темнота.

Въ темнотѣ ярко блестѣли угли.

Вѣтки ужъ не трещали больше... Языки пламени укорачивались, уходя внизъ, въ угли... Отъ времени до времени языки пламени забирали силу, вырывались вверхъ, но сейчасъ же опять прятались въ угли...

Теперь или обождать?

Каждую секунду онъ готовъ былъ вскочить и броситься.

Онъ понималъ, что дѣйствовать нужно быстро, ловко и навѣрняка...

Чтобъ японецъ не крикнулъ, не застоналъ. Прямо въ сердце...

Японецъ сидѣлъ къ нему бокомъ. Надо вскочить, схватить его лѣвой рукой за руку въ локтѣ, а правой рукой ударить въ бокъ. Сердце—тамъ.

Или за горло схватить?..

Или оглушить ударомъ ручки кинжала въ темя?..

Онъ положилъ кинжалъ, расправилъ пальцы.

А если, дѣйствительно, схватить сразу обѣими руками за горло и удушить?

Ему не одинъ разъ приходилось видѣть смерть, участвовать въ рукошапныхъ схваткахъ... Но онъ никогда не соображалъ, какъ лучше бить, и никогда не помнилъ, какъ онъ убивалъ.

Онъ кололъ штыкомъ или разбивалъ черепа прикладомъ, какъ придется...

Если и то схватить за шею и задавить?..

Захрипѣть...

Костеръ погасъ почти совсѣмъ.

Теперь пора...

По онъ все еще медлилъ... Онъ слышалъ, какъ кровь стучитъ у него въ вискахъ... Будто это не кровь, а самыя мысли, горѣвшія въ мозгу, били и колотились въ виски...

За шею или въ бокъ? Въ бокъ или за шею?

Но чувствовалъ, что онъ все равно не мо-

жеть рѣшить, какъ онъ поступить, т.-е. какъ убить.

О томъ, что японецъ тоже можетъ его убить, онъ не думалъ почему-то въ эту минуту.

За шею или въ сердце?

И вдругъ онъ вскочилъ.

Его будто что подбросило.

Японецъ не успѣлъ подняться. Каблукомъ сапога Смирновъ ударилъ его въ високъ, потомъ, не давая опомниться, схватилъ за воротникъ, повалилъ на спину и ударилъ кинжаломъ подъ сердце.

Японецъ такъ и остался лежать.

Онъ только чуть-чуть потянулся, словно оборвалась въ немъ какая-то сдерживающая пружина, точно распустилось что-то, и члены приходили изъ состоянія напряженности въ состояніе покоя...

Еле-еле освѣщали угли, уже покрывавшіеся темнымъ налетомъ, фигуру японца.

Смирновъ быстро скользнулъ назадъ и спрятался за камнемъ.

Опять въ вискахъ застучала кровь.

Нужно было уходить какъ можно скорѣй отсюда, не теряя минуты, но у него мелькнула мысль:

— А, можетъ-быть, нужно обождать?

И опять заколотились мысли: уходить или обождать?.. Если тутъ поблизости есть кто-нибудь—могутъ прибѣжать на шумъ... Тогда будетъ слышно, откуда бѣгутъ, и, стало-быть,

можно будетъ опредѣлить, въ какую сторону спасаться...

А, можетъ-быть, и шума не было никакого?..

Развѣ онъ знаетъ, былъ шумъ или не было...

Онъ прислушался.

Нѣтъ, все тихо...

Прислушался опять, повернувъ голову въ другую сторону... И вздрогнулъ...

Не то хрипѣніе не то стонъ пронеслись въ тишинѣ, тамъ, гдѣ лежалъ японецъ.

Значитъ, живъ еще... Значитъ, не убить...

А онъ думалъ, что ужъ все кончено... Странное состояніе охватило его. Словно онъ шелъ, шелъ по скверной дорогѣ, долго шелъ, измучился въ конецъ, и оказывается, что не нужно возвращаться назадъ опять по той же скверной дорогѣ, опять мучиться...

Да можетъ, это только почудилось, послышалось.

О, какъ тяжело ити по разъ пройденному пути.

Нѣтъ, стонеть...

Стонеть—значить могутъ услышать, могутъ прибѣжать.

Снова онъ поползъ...

Слабо тлѣли угли... Розоватый отблескъ лежалъ на лицѣ японца... На губахъ чернѣла кровь или тѣнь—нельзя было разобрать.

Японецъ запевелился...

Голова перекатилась на сторону ближе къ плечу... Зрачки глазъ медленно перекатились въ сторону Смирнова.

Смирновъ пересталъ ползти. Нечаянно онъ задѣлъ кинжаломъ о камень. Кинжалъ звякнуль.

Теперь глаза японца остановились ужъ прямо на Смирновѣ.

Онъ быстро спряталъ голову за камень.

О, Господи, да когда же все это кончится? Вѣдь японецъ же видить его и, значитъ, знаетъ, зачѣмъ онъ къ нему подбирается.

Можетъ, онъ и кинжалъ видѣлъ?

Кинжалъ словно самому Смирнову царанулъ лезвеемъ по пальцамъ...

Онъ высунулъ голову изъ-за камня.

Прямо въ глаза ему блеснулъ блестящій взглядъ.

Опять кинжалъ, казалось, хватилъ Смирнову по сердцу. Онъ спряталъ голову, прижался весь къ землѣ и поползъ, стараясь не шумѣть, въ сторону.

Все равно, добить его нужно.

Только не можетъ, не можетъ онъ его бить, когда онъ на него смотритъ...

А добить нужно. Еще услышать, прибѣгутъ...

Нужно заползти съ другой стороны и тогда ударить... Чтобы японецъ не видѣлъ, не ожидалъ...

Пока онъ ползъ, японецъ простоналъ только разъ, тихо, чуть слышно и потомъ затихъ.

Смирновъ выглянулъ изъ-за камня.

Теперь ужъ японецъ не могъ его видѣть... Онъ осторожно всталъ и нагнулся къ нему.

Онъ самъ не слышалъ своихъ шаговъ.

4212

Онъ подходилъ къ японцу, какъ кошка.

И вдругъ японецъ опять завозился... Смирновъ увидѣлъ сверху, что теперь японецъ смотритъ на его тѣнь, смутно при слабомъ блескѣ углей обозначавшуюся на травѣ возлѣ него.

Значить, японецъ опять его замѣтилъ... по тѣни.

Онъ остановился.

Но нужно добить, добить!.. Въ ушахъ у него звенѣло... Ноги отказывались идти дальше... Добить... Онъ хотѣлъ двинуться и не могъ...

Секунду онъ оставался неподвиженъ, потомъ схватился обѣими руками за голову, при чёмъ кинжалъ у него выскользнулъ изъ пальцевъ, повернулся и исчезъ въ темнотѣ.

минъ-Сибирякъ. Преступники. 1 р.
Повѣсті. 1 р.
Безъ названія. 1 р. 25 к.
Золото. Изд. 2-е. 1 р. 50 к.
Приваловскіе миллионы. Изд 2-е. 2 р.
Золотая муха и др. разск. 1 р.
Человѣкъ съ прошлымъ. 1 р.
Вокругъ ракитова куста и др. раз-
сказы. 1 р.
пассанъ. Дядя Милонъ. 60 к.
Воскресные дни парижскаго бур-
жуза. 1 р.
жанъ, А. Всемірная война. Ром. 1 р.
гги, Ада. Борьба и любовь. 50 к.
мировичъ-Данченко, Вас. Гроза. 1 р. 50 к.
Новые разсказы. 75 к.
Вольный Шамхоръ. 1 р. 25 к.
Городской голова. 1 р. 25 к.
Царица Тамара. 1 р.
Семья богатырей. 1 р. 50 к.
инъ. Дешевые люди. 1 р.
жвичъ-Данченко, Влад. Сны. 1 р.
Бернаторская ревизія. 1 р.
въ степи. 1 р. 25 к.
дау, М. Комедія чувства. 1 р.
Современные французы. 1 р. 25 к.
Болѣзнь вѣка. 1 р. 50 к.
юлаевъ. П. Ф. Вопросы жизни. 2 р.
цше. Фр. Такъ говорилъ Заратустра.
Изд. 2-е. 1 р.
По ту сторону добра и зла. 1 р.
Сумерки кумировъ. Изд. 2-е. 1 р.
Происхожд. трагедіи. 1 р. 25 к.
Человѣчес. о , слишкомъ человѣче-
ское. 1 р. 25 к.
Человѣкъ, какъ онъ есть. 1 р. 25 к.
Странникъ и его тѣнь. 1 р.
Утренняя заря. 1 р. 25 к.
Веселая наука. 1 р. 25 к.
стѣжинъ, П. М. Непокорные. Ром. 1 р. 50 к.
денбергъ. Будда, его жизнь, ученіе
и община. Изд. 3-е. 2 р.
ешко. Аргонавты. 1 р. 25 к.
Дымъ. 30 к.
Открытое письмо къ нѣмецкимъ жен-
шинамъ и французамъ о полькѣ.
40 к.
Анастасія. 60 к.
твальдъ. Натур. философія подъ ред.
М. М. Филиппова. 2 р.
ево, М. Полудѣвы. Ром. 1 р.
Послѣднія письма женщинъ. 60 к.
Женское движение. 1 р.
Счастливое супружество. 60 к.

Прево, М. Желтое домино. 50 к.
— Мелкие разсказы. 60 к.
Пелисье. Критическіе этюды современ-
ной литературы. 1 р.
Ресслеръ, Р. Электродвигатели перемен-
наго и трехфазнаго тока. 1 р. 50 к.
Риль. Введеніе въ современную фило-
софию. 1 р.
Скопинъ, В. Средняя Азія и Индія. 75 к.
Сенкевичъ. Крестоносцы. 2 р. 50 к.
— Камо грядеши? 1 р. 50 к.
— Панъ Володыевскій. 1 р. 50 к.
— Потопъ. 2 т. 3 р.
Саловъ. Мелочи жизни. 1 р. 25 к.
— Несобравшіяся дрожжи. 60 к.
— Босоножка. 40 к.
— Три разсказа. 75 к.
Сайсь. Хеттей или исторія забытаго
царства. 60 к.
Тагіевъ, Бор. По Афганистану. 50 к.
Уваровъ, П. С. Типы и нравы Сахалин-
1 р. 25 к.
Фулье. Исторія философіи. 2 р. 50 к.
Флерн, д-ръ. Физическое и нрав. воо-
питаніе ребенка. 75 к.
фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жиз-
ни. По поводу Крейцеровой се-
наты. Изд. 3-е. 40 к.
фонъ-Поленцъ. Крестьянинъ. 1 р. 20 к.
Шнитцлеръ. Трилогія. 50 к.
— Тетралогія. 75 к.
Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и предста-
вленіе. Том. 1-й 3 р. Томъ 2-й. 3 р.
— О четвероюкомъ корнѣ закона до-
статочнаго основанія. 75 к.
Щепкина-Куперникъ. Мои стихи. 1 р.
— Ничтожные міра сего. Изд. 3-е. 1 р.
— Незамѣтны е люди. Изд. 3-е. 1 р.
— Письма издалека. 1 р.
— Около кулисъ. 1 р.
— Труждающіеся и обремененные. 1 р.
— Страницы жизни. 1 р.
— Счастье. Изд. 2-е. 1 р.
— Изъ женскихъ писемъ. Изд. 2-е. 1 р.
— Принцесса Грэза (пер. въ стих.).
Соч. Ростана. 1 р.
— Монна Джіованна (пер.), соч. Ме-
терлинка. 60 к.
— Бѣдный Генрихъ (пер.), соч. Гаупт-
мана. 75 к.
— На солнцѣ и въ тѣни. 1 р.
Японія, Корея и Манчжурія. Справоч-
ная книга. 30 к.

Собрание сочинений А. КОНАНЪ-ДОЙЛЯ.

1-я СЕРИЯ.

1 т. Красное по бѣлому. Ц. 60 к. 2 т. Знакъ четырехъ. Ц. 60 к.
3 т. Приключения Шерлока Гольмса. Ц. 70 к. 4 т. Баскервильская
собака. Ц. 75 к. 5 т. Рассказы о Шерлокѣ Гольмсѣ. Ц. 70 к.
6 т. Новая похождение Шерлока Гольмса. Ц. 60 к. 7 т. Воспо-
минанія о Шерлокѣ Гольмсѣ. Ц. 60 к. 8 т. Возвращеніе Шерлока
Гольмса. Ц. 60 к. 9 т. Женщина съ револьверомъ. Ц. 50 к. Томъ
10 печатается. Цѣна по подпискѣ за 10 томовъ 4 р., съ пере-
сылкой 5 р.

2-я СЕРИЯ.

1 т. Изгнанники, ист. ром. Ц. 1 р. 2 т. Новые рассказы. Ц. 60 к.
3 и 4 т. Торговый домъ „Гердльстонъ и К°“, ром. Ц. 1 р. 75 к.

Собрание сочинений Э. ВЕРНЕРЪ. 1-я серія.

1) Разорванныя цѣпи. Заговоръ. Ц. 1 р. 2) У алтаря. Германъ
Ц. 1 р. 50 к. 3) Цвѣтокъ счастья. Вѣстники весны. Ц. 1 р. 50 к.
4) Дорогой цѣной. Ц. 1 р. 25 к. 5) У Орлиной скалы. Ц. 1 р. 50 к.
6) Сила воли. Ц. 1 р. 50 к. 7) Въ добрый часъ. Ц. 1 р. 8) Гор-
ная фея. Ц. 1 р. 25 к. 9) Освобожденный отъ проклятія. Ц. 1 р. 50 к.
10) Герой пера. Голоса родины. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 10 т. 1-й серіи 10 р., съ пер. 11 р.

2-я серія.

1) Вольной дорогой. Ц. 1 р. 25 к. 2) Орлиный полетъ. Ц. 50 к. 3) Судъ
Божій. Ц. 1 р. 4) Фата-Моргана. Ц. 1 р. 50 к. 5) Эгоистъ. Высшая точка
врѣнія. Ц. 1 р. 6) Смѣлымъ Богъ владѣетъ. Ц. 1 р. 7) Заколдованное
золото. Ц. 1 р. 8) Блуждающіе огни. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 8 т. 2-й серіи 6 р., съ пер. 7 р.

За 18 томовъ 1 и 2 серіи соч. Э. Вернеръ 15 р., съ пер. 17 р.

Собрание сочинений ДЖЕРОМЪ К. ДЖЕРОМА.

1) Замѣтки романиста. Ц. 1 р. 25 к. 2) На лодкѣ. (Три человѣка въ
лодкѣ и съ ними собака). Ц. 1 р. 3) Объ умѣніи обращаться съ
женщинами. Ц. 1 р. 4) Трое на двухъ велосипедахъ. Ц. 1 р. 5) Очарователь-
ная женщина. Ц. 1 р. 6) Праздныя мысли лѣнтия. Ц. 1 р. 7) Миръ
сцены. Ц. 1 р. 8) Дневникъ путешественника. Ц. 1 р.

Цѣна собр. соч. Джеромъ К. Джерома 5 р., съ пер. 6 р.

Собрание сочинений Е. МАРЛИТЪ.

1) Тайна старой дѣви. Ц. 1 р. 25 к. 2) Имперская графиня Гизела.
Ц. 1 р. 50 к. 3) Въ домѣ коммерціи совѣтника. Ц. 1 р. 50 к. 4) Въ
домѣ Шиллинга. Ц. 1 р. 50 к. 5) Вторая жена. Ц. 1 р. 6) Эльза.
Ц. 1 р. 50 к. 7) Степная принцесса. Ц. 1 р. 50 к. 8) Совинный домъ.
Ц. 1 р. 50 к. 9) Женщина съ рубинами. Ц. 1 р. 50 к. 10) Повѣсти и